

ISSN 3135-2073
eISSN 3135-2081

MNU MAQSUT
NARIKBAYEV
UNIVERSITY

JANUARY 2026
VOLUME 10

Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар
саласындағы ғылыми журнал

Научный журнал в области
гуманитарных и социальных наук

Journal of Humanities and Social sciences

LIBERAL ARTS DIGEST

GENERAL INFORMATION

Founder: Maqsut Narikbayev University

Frequency: Twice a year (January and June)

Languages of publication: Kazakh, Russian, English

Distribution format: Electronic version, open access (Open Access)

Address: 8 Korgalzhyn Highway, Astana, Kazakhstan

Email: liberal.arts.digest@mnu.kz

EDITOR-IN-CHIEF

Azhar Zekenova, Teaching Professor, Candidate of Philological Sciences, Maqsut Narikbayev University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Aizhan Aikenova, MSc in Educational Leadership, Maqsut Narikbayev University

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Dinara Mukhamejanova, Associate Professor, PhD in Education, Maqsut Narikbayev University

Gulfiya Kuchumova, Associate Professor, PhD in Education, Maqsut Narikbayev University

Olga Bainova, Teaching Professor, PhD in Education, MA in TESOL, Maqsut Narikbayev University

Adil Samekin, Associate Professor, PhD in Psychology, Maqsut Narikbayev University

Leila Shora, Lecturer, MSc in Marketing, Maqsut Narikbayev University

Assyl Tuleubekov Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Maqsut Narikbayev University

Yevgeniy Puzikov, Teaching Professor, Maqsut Narikbayev University

Liberal Arts Digest is a peer-reviewed academic journal established in 2021 by the School of Liberal Arts at Maqsut Narikbayev University. The journal is designed to promote student engagement in scientific inquiry and research by providing an inclusive platform for both undergraduate and graduate students, as well as early-career researchers. The journal is dedicated to the fields of humanities and social sciences, Liberal Arts Digest publishes original research articles, critical reviews, and theoretical reflections. The journal welcomes contributions across a range of topics, including philosophy and identity, history of Kazakhstan, pedagogy and educational practices, linguistics and language teaching methodologies, translation studies, tourism and cultural studies.

CONTENTS

Anglicisms and linguistic purism in russian and ka-zakh languages: should we follow current trends or preserve our culture?	4
Ablezova Albina	
Взаимосвязь эмпатии и эмоциональной регуляции у студенческой молодежи	15
А. Мейрамова	
Роль эмоциональной устойчивости в детерминации симптомов компульсивного переедания у женщин	31
А. Садуева	
Перфекционизм в творчестве молодёжи: психологические механизмы, риски и ресурсы развития	47
М. Алибаева	
Trends in the development of tourism and hospitality in kazakhstan: the role of cross-cultural differences in shaping visitor experiences and addressing tourism challenges	63
Shestopalov L.N., Kopey A.D.	
A Review Article of Burnasheva L.R. Problems of Language Localization of Computer Games in Translation into Russian (Using the Examples of Half-Life 2 and Portal 2)	69
Ayana Almissayeva	
The Use of Artificial Intelligence in Schools of Kazakhstan: Opportunities and Perspectives	75
Zarina Kussainova	
Adaptation of Borrowed Nouns to the Grammatical System of the Target Language: From the Perspective of the Kazakh Language Used in Social Media	88
Ainur Kurmanbayeva	

УДК 221.3

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_4

ANGLICISMS AND LINGUISTIC PURISM IN RUSSIAN AND KA-ZAKH LANGUAGES: SHOULD WE FOLLOW CURRENT TRENDS OR PRESERVE OUR CULTURE?

ABLEZOVA ALBINA

Maqsut Narikbayev University

albinaablezova1@gmail.com

Аңдатпа

Бұл мақалада қазақ және орыс тілдерінде англицизмдерді қолдану қарастырылады. Зерттеудің мақсаты осы тілдерге алынған сөздердің ену процесін, олардың Қазақстан мәдениетіне әсерін, сондай-ақ азаматтардың оған деген көзқарасын зерделеу болып табылады. Мақалада сондай-ақ тарихи контекст сипатталған: Англиямен сыртқы саяси байланыстарды орнатуға ықпал еткен Ресейдегі XVIII-XIX ғасырлардағы оқиғалар, Қазақстанның тәуелсіздік алуы және әлемдік аренаға шығуы, сондай-ақ жаһандану мен батыстану жағдайында АҚШ-тың ықпалының күшеюі. Зерттеу әдісі ретінде лексикалық-семантикалық талдау қолданылды, онда әртүрлі кезеңдерде алынған англицизмдердің мысалдары, олардың мағынасы, сондай-ақ қолдану контексті келтірілген. Нәтижелерге сәйкес, англицизмдер күнделікті сөйлеуде, әсіресе жастар арасында белсенді қолданылады. Оларды пайдалану қайтымсыз және Қазақстанның басқа елдермен экономикалық, саяси және мәдени байланыстарын жолға қоюдың салдары болып табылады. Алайда, зерттеу тілдік даму мен ағылшын тілін қазақстандықтардың қазіргі сөйлеуіне интеграциялау мен тіліміз бен халқымыздың ұлттық бірегейлігін сақтау арасындағы тепе-теңдіктің маңыздылығын атап көрсетеді.

Түйін сөздер: англицизмдер, лингвистикалық пуризм, алынған сөздер, жаһандану, вестернизация.

Аннотация

В данной статье рассматривается использование англицизмов в казахском и русском языках. Целями исследования являются изучение процесса проникновения заимствований в данные языки, их влияния на культуру Казахстана, а также отношения к этому народа. В работе также описывается исторический контекст: события XVIII-XIX веков в России, способствовавшие установлению внешнеполитических связей с Англией, обретение Казахстаном независимости и выход на мировую арену, а также усиливающееся влияние США в условиях глобализации и вестернизации. В качестве метода исследования был использован лексико-семантический анализ, в рамках которого приводятся примеры англицизмов, заимствованных в разные периоды, их

значение, а также контекст употребления. Согласно результатам, англицизмы активно применяются в повседневной речи, особенно среди молодежи. Их использование необратимо и является следствием налаживания экономических, политических и культурных связей Казахстана с другими странами. Однако исследование подчёркивает важность баланса между языковым развитием и интеграцией английского языка в современную речь казахстанцев и сохранением национальной идентичности нашего языка и народа.

Ключевые слова: англицизмы, языковой пуризм, заимствования, глобализация, вестернизация.

Annotation

This article discusses the use of anglicisms in Kazakh and Russian languages. The paper aims to study the process of penetration of English borrowings into these languages, their impact on the culture of Kazakhstan, as well as the attitude of citizens towards this. The article also describes the historical context: the events of the XVIII and XIX centuries in Russia, which contributed to the establishment of political and economic relations with England, Kazakhstan's independence and its entering the world stage, and increasing influence of the United States in the context of globalization and Westernization. Lexico-semantic analysis was used as a research method, which provides examples of anglicisms borrowed from different periods, their meaning, and context of use. According to the results of the study, anglicisms are actively used in everyday communication, especially among young people. Their use is irreversible and is a consequence of the establishment of economic, political and cultural relations between Kazakhstan and other countries. In addition, the study highlights the importance of a balance between linguistic development and the integration of English into the modern speech of Kazakhstanis and the preservation of the national identity of our language.

Key words: anglicisms, linguistic purism, borrowing, globalization, westernization.

INTRODUCTION

Have you ever thought about the origin of such words as «ивент», «дедлайн», «аутфит»? All of them are examples of anglicisms or words borrowed from English language and adopted almost without any changes. anglicisms have become an essential part of both Russian and Kazakh speech and daily communication, and were included in dictionaries recognized as full-fledged new words. They are especially popular among teenagers and young-adults who actively apply them in social media, fashion, IT sphere, and even food. Most people tend not to focus on the foreign roots of such words and just follow current successive trends. Moreover, it is easier for us not to complicate the whole process by creating brand new terms just using English versions instead. This widespread usage of anglicisms can be explained by historical events happened in Russia and Kazakhstan as well as by the processes of globalization and westernization, English becoming one of the world languages and the century of modern technologies and constant development in general when there is an emergence of completely new words for different items. However, there are also those who think that anglicisms undermine uniqueness of other languages and hinder its prosperity. Thus, at various times, discontent grew in both countries due to the excessive spread of foreign borrowings, of which we will focus more on anglicisms. Russian purists of XIX century fought against any borrowings from other languages, including English, and thought it is necessary to use originally Slavic words and create new ones on their basis. Kazakhstan was part of the Russian Empire, but the purist sentiments of that time had little effect on our people. The issue of preserving the Kazakh language from the penetration of anglicisms dates back to after independence and is mainly related to the transition to the Latin alphabet. However, do we need such movement now in order to preserve our languages and their uniqueness? Moreover, how have

anglicisms even occurred in Russian and Kazakh and became so popular? Based on previous research and further analysis this article aims to investigate the perception of anglicisms and their influence on Russian and Kazakh cultures, historical events led to the popularity of English and linguistic purism in the past and in modern conditions.

First, it is needed to identify what anglicisms are and choose the most appropriate definition. According to Collins Dictionary, anglicism is “a word, phrase, or idiom peculiar to the English language, especially as spoken in England”. As it is said in the digital English dictionary called Dictionary.com, anglicism is “a Briticism” or “the state of being English; characteristic English quality”. These definitions are closely connected to Britain, but exclude other versions of English, such as American and the US itself. The most suitable interpretation of this word is given by Fisher and Pulazhevskaya which is that anglicism is a word borrowed from any version of English language, not only British one (Chalimbayeva & Tumanova, 2022). Therefore, in this article, this term is used for words borrowed from both England and the United States.

METHODOLOGY

The main method is lexical-semantic analysis, within the framework of which the substantive analysis of anglicisms is actually carried out.

The secondary methods are comparative analysis and historical-cultural approach. Comparative analysis allows us, first of all, to draw parallels between similar-sounding words within different linguistic-communicative spaces, but to keep in mind the fact that all the words used, whether Anglicisms or native Kazakh words, belong to the hyperlinguistic space of the modern global language, where everyone using these anglicisms has one or another degree of opportunity to understand their interlocutor.

In turn, the historical-cultural approach is

used in order to understand, in the diversity of the use of anglicisms, to what historical or cultural layer the origin of a particular word belongs, which subsequently turned into an Anglicism.

MAIN PART

Since Kazakhstan is closely connected with Russia, and Russian is officially recognized as the second language, first let us look at the history of the spread of anglicisms into it. It is accepted that there were five stages of the penetration of borrowings from English into Russian language, dating back to the XVI century (Zatirko & Titova, 2022). The first one was marked by arrival of the ship of the English King Edward VI in the harbor of St. Nicholas, at the mouth of the Northern Dvina. It happened on August 24, but in 1553, not in 1505 as it is said in many articles about anglicisms in Russian language. Moreover, true reason of this expedition was an alternative route to India and China, not a visit to Moscow (Egorov, 2022). Due to the storm, the expedition failed and the crew of two ships died. But Richard Chancellor's ship called «Edward Bonaventure» was more fortunate and soon they landed near a Russian village of Nenoksa. The locals saw and contacted the British for the first time. These overseas guests were warmly greeted by Tsar Ivan IV the Terrible and since then trade, economic and political relations have been built between the states. Furthermore, the designations of weights, measures, and monetary units («фунт», «шиллинг») were borrowed, and words such as «сэр», «лорд», «мистер» and others can be found in various reports on the ambassadors' activities (Tulenкова & Mukhamedyanova, 2022).

The second period is associated with the reign of Peter the Great, the first Russian emperor who not only cut a window into Europe and established regular navy and army, but also contributed to the appearance of roughly 3000 foreign words, 5% of which were anglicisms (Tulenкова

& Mukhamedyanova, 2022). Peter studied seamanship in England and Holland, and therefore most of the borrowings related to military affairs and shipping («баржа», «аврал»). That equation to Europe and West itself, further adoption of their government structure, technologies, and culture, including language, were because Russian empire was not so modernized and lagged behind other countries. According to Litvinov (2024), anglicisms penetrated mainly through translated foreign books. Peter the Great compiled lists of books that were to be translated, was engaged in the training of translation staff, and worked out the rules of translation. However, English translated literature was still inferior to German, French, Italian and Dutch books at that time. Russian prince Kurakin, who spent considerable time in England as part of his diplomatic mission, used a large number of English words in his letters and diaries, such as «ординария» (трактир), «портер» (привратник), «сфера» (ярмарка), «форэйнер» (иностранец). It is clear that most of the abovementioned words are not relevant now and some considered obsolete. We can see them only in literature and films of that time, historical documents and dictionaries. However, there is no doubt that Peter the Great's period served as the major beginning of the popularization of foreign culture, their values, lifestyle, and the dissemination of their ideas.

The third stage falls at the end of the XVIII and beginning of the XIX century when the popularity of French culture after its flourishing is declining because people were frightened by the horrors of the French Revolution in 1789. The influence of English culture is increasing because of the success of England in many areas (Tsvetkova, 2015). As it is said in Tsvetkova's article, the appearance of the first Anglomaniacs was due to the personal interest of Empress Catherine II the Great in England. The English culture was mainly attracted by educated representatives of the Russian aristocracy, who had visited England themselves and experienced

its influence. In his “Notes of a Russian Traveler”, Karamzin describes English life as he saw it during his trip to England. He notes the British people’s specific sense of humor, heightened sense of justice and love of charity, the reliability of their word, as well as their idea of freedom. Moreover, the aristocrats became interested in English literature and could be acquainted with the works of English authors in translations (Chernyavskaya, Kireeva, & Koreneva, 2016). In the XVIII century in Russian Empire, English translated literature was already represented by the works of the English poet John Milton, the essayist and playwright Joseph Addison, and D. Defoe’s novel «Moll Flanders» that was translated into Russian. Along with literature, magazine articles and religious texts were also translated. English prose and poetry had a significant influence on the formation of Russian literature. Styles, literary trends, plots and images from English-language literature were adopted by Russian writers during that period. According to the Short Etymological Dictionary of the Russian language (Shansky, Ivanov, & Shanskaya, 1971), during XVIII-XIX centuries such anglicisms as «бифштекс», «спорт», «сессия», «пингвин», «нокаут» appeared that confirms penetration of them into the Russian language in all spheres of life.

The fourth stage is connected not only with England, but also with the United States. In the XIX and XX centuries, the US became one of the leading world powers. It is clear that main contributors to this were its technological progress, rapid development of film industry and Hollywood, fashion, and even education. Soon they entered the Cold War with the USSR in 1946 and after its completion in 1989 and the collapse of the Soviet Union the US became the only world pole. As noted by Baidrakhmanov & Doszhan (2015), it was after the collapse of the USSR and Kazakhstan’s independence in 1991 that English became the main source of borrowings in Kazakh language. Before that, it was part of the Russian

Empire, then the USSR, so the spread of other languages was mainly noticeable, such as Persian, Mongolian, Arabic, later French, German, and finally Russian, which dominated in the middle of the XX century. Since 1991, the full-fledged formation of the Kazakh nation and culture has begun and the country strives to reach the world level and meet international standards, which is helped by the development of the English language. Russian, however, has greatly changed the Kazakh language, its alphabet, vocabulary, and sound system, and therefore most of the borrowed terms are used in their Russian version. Going back to new anglicisms and referring to the Short Etymological Dictionary of the Russian language (Shansky et al., 1971), such terms as «шорты» and «свитер» (fashion); «лифт», «телевидение», and «сейф» (technologies and innovations); «пинг-понг» and «волейбол» (sport) have appeared. It would seem that these words are so familiar to us and common in speech, but they are neither of Slavic origin, nor Turkic, to which Kazakh belongs, and came from English culture, which was facilitated by a series of factors we are considering now.

Moving on to the fifth and the last stage of appearance of anglicisms in Russian and Kazakh languages, we are going to address current XXI century’s situation and popularity of English, especially American, culture in Kazakhstan. Nowadays, many people, mostly teenagers, dream of visiting the US, studying there and being in an English environment. We hear about this country everywhere: it is American universities that lead the world rankings, a lot of cult films and TV series were shot there, resulting in famous actors, at least one song in our playlists is English and performed by an American music artist, and news about everything that happens there spreads at the speed of light. But why it has become a mass obsession, and we cannot imagine life without English culture? Bekzhanova & Makoelle (2022) say in their work that in 2007

Nursultan Nazarbayev, the first president of Kazakhstan, set a course to establish trilingualism in our country. He defined the role of three languages: Kazakh as the state language, Russian as the language of international communication, and English as the path to the global economy and world community. Therefore, that now in every public school there is three studied languages and sometimes even more, including French, German, and others. In addition, many private schools, colleges, and universities, such as NIS, KILC, Nazarbayev University and others, have a Western system with English language as the studying language that allows students to be more competitive in their fields and successfully enter the global market. Many Kazakhstani shops, cafes, and companies in general use English names such as AirAstana, Kaspi Bank, Kazakhmys, and even Qazaq Republic brand that uses Latin alphabet. Moreover, many of the names are Russian or Kazakh, but they are written in English letters, which also indicates their desire to reach the international level and be recognizable outside the country.

In addition to England's long history of conquest and colonization, there can be added several more reasons of why English has become lingua franca or global language which were mentioned by Zhussubalina & Tleuberdiyev (2022). These reasons include England's membership in the United Nations and the recognition of English as one of the UN languages, the industrial revolution that arose in England in the XVIII century, as a result of which it became known as the "Workshop of the world". In addition, the popularization of the English language and culture is directly related to technological progress, the invention of electronic devices, as well as developing pop culture and cinematography.

There are several existing methods of borrowing and examples of recently appeared words. In their works, Zatirko & Titova (2022) and Faleeva (2023) describe different types of borrowing, the main of

which are following:

Direct (phonological borrowings). The sound of these words is the same in both languages (буллинг – bullying, блог – blog, шоппинг – shopping, спам – spam).

Exoticisms. Words denoting objects and phenomena that previously did not exist in borrowing language's reality, are not fully mastered and most often associated with grammatical difficulties: (никнейм – nickname, биллборд – billboard, смузи – smoothie, джинсы – jeans, айфон – iPhone, скейтборд – skateboard).

Hybrids. Words that have changed grammar and morphology in accordance with the rules of the Russian language (гуглить – to Google, реально – really, фейковый – fake, креативный – creative).

Professionalisms. Anglicisms that have come into the language due to the growing popularity or demand of a profession (дизайнер – designer, коуч – coach, копирайтер – copywriter, видеограф – videographer).

Barbarisms. Anglicisms that have been directly borrowed into Russian and are firmly entrenched in everyday speech (окей – okay, сорри – sorry, вау – wow, супер – super).

Semantic calculus, or semantic borrowings. A word gets a new meaning under the influence of a foreign one with a similar original meaning. Examples: высокий – лучший, элитный (high school), теневой – незаконный (shadow business).

As it can be seen from the above, slang expressions and jargonisms are actively gaining popularity. The difference between these terms is that slang is popular words and phrases in general, for example, in social networks or in communication with young people, which quickly go out of fashion. Jargon is the language of a certain group of people, often professional, and it is understandable and used only by representatives of this group.

Some of the most common and frequently used slang words are the following:

Краш - the subject of secret or unrequited love, and sometimes just about the one you like. In English, the direct meaning of this word is «destroy». This interpretation also fits, because «crash» is often called someone with whom everything is completely hopeless and unrealistic. The interpretation as the subject of sympathy is different and has a less common meaning, although it is popular among young generation.

Вайб - the atmosphere, mood, and general feelings of a person in relation to something or someone. Such Russian phrases as «ловить вайб», «передавать вайб», «не мой вайб» are very popular.

Кринж - the English version of the Russian «испанский стыд», a feeling of intense shame, embarrassment for someone's behavior, deeds or words. It is actively used in social networks, among teenagers and students and can be used as a noun (кринж), adjective (кринжовый), and even verb (кринжануть). Initially, this word means to suddenly move away from someone or something because you are frightened.

Дед инсайд – description of an emotional state when a person feels drained, apathetic, or detached from everything that is happening. This may be the result of stress, depression, or life difficulties. This phrase in English literally means dead inside.

Делулу – comes from the word «delusion» («иллюзия»), used towards people who are overly dreamy and often have their heads in the clouds, imagining things that do not correspond to reality.

Among the jargons, such words as «блок-бастер» (successful film that brought in a lot of income; film industry), «кликбейт» (exaggerated headline/content designed to attract attention; social media), «тимбилдинг» (activities for improvement

of teamwork; corporations) can be distinguished.

However, what are the reasons of all these borrowings occurring in Russian language that then also spread to Kazakh? Krysin (1996), in addition to the basic need to name a new thing or phenomenon («кино», «радио», «такси»), also identifies such reasons as the need to distinguish between meaningfully similar but different concepts (уют – комфорт, страх – паника, обслуживание – сервис), the need to specialize concepts in one area or another, for certain purpose (вывоз – экспорт, преобразователь – трансформатор). Also, borrowed words allow to turn phrases into one whole and undifferentiated word (меткий стрелок – снайпер, шкаф для посуды – сервант), that makes the speech more concise, fluent, specific and understandable. There is also a socio-psychological reason for borrowing: the acceptance by the entire speaking community or part of it of a foreign word as more prestigious. First of all, foreign-language word is associated with book culture, the book style of language, and stylistic coloring; secondly, due to the foreign language the meaning for many speakers often turns out to be encrypted, incomprehensible, and this incomprehensibility serves as a symbol of inaccessible scholarship, therefore speech containing foreign words is regarded as socially prestigious.

Faleeva (2024) argues that borrowed words are often not fully synonymous with those existing in certain language, which confirms their stability and widespread use. If such words completely coincided in meaning, they would compete and displace each other, fighting for the right to be used. However, in most cases, borrowings and their equivalents may differ slightly, have a different orientation, which highlights cultural features and determines the position of the two countries in the modern world. Therefore, English borrowings can get along with Russian words, as they have a more specialized and narrow meaning.

Faleeva also describes the positive and negative role of anglicisms. Considering their benefits, they expand vocabulary, enriching the language with new words and phrases, allow the language to adapt to cultural, technological and social changes in the world. Through borrowing, people gain knowledge and ideas from other cultures and traditions, facilitating cross-cultural exchange and the transfer of new concepts. If we talk about the negative aspects of anglicisms, the usage of them can lead to the displacement and weakening of the national language and culture. The younger generation may prefer to use borrowed words and phrases instead of their native language so that unique words, expressions, and cultural traditions that are not present in other languages will be lost. They can also cause difficulties in translation when there is no suitable equivalent in the native language that would lead to further misunderstandings and hinder effective communication.

At first glance, it may seem that everyone is already used to borrowing and people don't care at all to figure out the words of what origin they use. However, there are always those who think otherwise and go against. It should be noted that the negative attitude of some Russians towards foreign borrowings dates back even to the XVIII-XIX centuries, when Shishkov and his associates founded the movement with the idea of linguistic purism. This term means the so-called "purity of the language" when it is freed from words of foreign origin and contains only native and original terms. At the same time, such directions of Russian nationalism as Westernizers and Slavophiles were developing: the former took a focus on the West and followed the trends of Europe, believing that world culture is united, while the latter spoke about the identity of the Russian people and the preservation of cultural uniqueness. However, Shishkov's supporters were in the minority and their idea of getting rid of everything foreign was not so widespread. According to Romanova (2023), Derzhavin and Shishkov

proposed the following substitutions: галоши – мокроступы, лабиринт – блуждалище, индивидуальность – яйность. Tolstoy disagreed with them, pointing out that there was no need to disown borrowing, the main thing was not to abuse it. The Russian literary society "Arzamas" also mentions Shishkov's activities, but Sichinava's article is full of hidden irony. He also gives as an example that Shishkov's supporters wanted to replace some words in the following way: тротуар – топталище, попугай – переклитка, пара – двоица. He describes the linguistic polemics of that time, including the opinion of Karamzin and his followers who opposed to Shishkov and supported the use of borrowings in the language which seemed to them gentle and pleasant in contrast to the Church Slavonic words that were rude and harsh in their opinion.

Then, this discussion lost its relevance and became noticeable again only in the late 40s of the XX century. As Krysin (1996) writes, it happened in connection with the struggle "against kowtowing to the West" in Russia, when not only new lexical borrowings were not accepted, but also many foreign words already rooted in the Russian language were banished from use. Everything of foreign roots was associated with the ideologically alien, unpatriotic, and even hostile. This was due to the existence of the Soviet Union at that time, seeking to isolate itself from the influence of foreign powers, and to weaken the opposing communist force to the capitalist West. With the advent of the 1960s, attitudes towards foreign-language words became more tolerant, and already in the late 80s and early 90s, political, economic and cultural conditions arose that determined the predisposition of Russian society to adopt new and use previously existing, but special, foreign-language vocabulary.

If we talk about the idea of linguistic purism in Kazakhstan, it is quite widespread. However, the issue of the Kazakh language's purity and freedom from rather Russian terms than English ones is much

more acute today. Now the problem of Latinization of the Kazakh alphabet is also attracting more and more attention. This is the process of language transition from one written alphabet to the Latin script, that is, an alphabet based on Latin (Roman) letters, on which, for instance, the English language is based. It is noted in the work of Baidrakhmanov & Doszhan (2015) that the Kazakh alphabet had already experienced a transition from Arabic to Latin script in 1929, but in 1940, there was another transition to Cyrillic or Russian script, due to the fact that the Russian Empire carried out Russification of the colonized peoples. However, Latinization also had its supporters and opponents at that time. Thus, in the 1920s, society was divided into two parts: on the one hand, there were the top of the old intellectuals, including Akhmet Baitursynov, who earlier reformed the Kazakh script based on Arabic graphics (Sayatova et.al. 2020). They saw in the new alphabet a break with the general Muslim culture and traditions. On the other hand, there were new intellectuals, rural teachers and students, defending the Latin alphabet because of its practicality and convenience. It should be also taken into account that the elimination of illiteracy among the population was carried out; therefore, a change in the alphabet was proposed. The Latin alphabet was easier to learn for the Kazakh population, and it was more convenient to use in print, as many textbooks had to be translated into Kazakh. Additionally, it was the way to modernize and introduce the world culture and technologies that support Latin graphics by default. Despite all the discontent and protests of the old intellectuals, the alphabet was changed and some arabists even changed their minds and sided with the latinists. Due to the onslaught and the policy of the Russian Empire, Kazakhs were forced to learn new alphabet and spelling for the second time in 20 years, that still exists and cause many disputes.

A. Baitursynov also wrote that the time has come when we cannot live without foreign

words, and our language and culture will change soon, since most of the words that penetrate education will come with foreign knowledge (Zhussubalina & Tleuberdiyev, 2022). He perceived Latinization and the process of borrowing as something negative, which would inevitably affect the culture of the nation and lead to the disappearance of our cultural values. However, as Nazarbayev said in his address “Kazakhstan: Strategy 2050” in 2012, the Latinization of the Kazakh alphabet will help the future generation to understand English better, integrate and adapt more easily, and also contribute to people’s desire to modernize the Kazakh language, because the language should develop, not stand in its place.

Nevertheless, is it possible to protect the language from any borrowings and the influence of other cultures as some purists think? The answer is no. Romanova (2023) cites the phrase of Russian linguist of XIX century Baudouin de Courtenay as an example: “...There is not and cannot be a single pure, unmixed linguistic whole. Mixing is the beginning of all life...”, “through the study of borrowed words, we can more accurately draw conclusions about the cultural influence of one nation on another”.

It is impossible to control the process of borrowing and even more so to stop it, because language is a living organism, it is constantly changing and developing. Moreover, we live in the age of globalization and westernization. All countries of the world, like a spider web, are interconnected through economics and the exchange of goods, the dissemination of information through news and the Internet, the exchange of knowledge and culture through migration and travelling, forming a single world culture. In addition, many of them are oriented towards the West, adopting their technologies, trends, values and worldview. Therefore, all ideas about a pure and independent language are unrealistic. Our existing languages are the result of centuries-old interactions and mixing of different nationalities and peoples.

Therefore, Romanova (2023) describes that the Russian language has been absorbing foreign borrowings since the VI century. Baltisms (ковш, янтарь, деревня); grecisms (известь, сахар, тетрадь); arabisms (матрац, адмирал, кофе), and many other joined it by dozens and hundreds. Russian borrowed prefixes and suffixes from Greek and Western European languages and used them to form Russian words proper. If we talk about Kazakhstan, according to Zhussubalina & Tleuberdiyev (2022), Kazakh linguist and turkologist Abduali Kaidar believes that the number of loan words in the Kazakh language after mixing with Kazakh words will increase over time, not decrease. Baidrakhmanov & Doszhan (2015) claim that English is the driving force behind globalization, which is why it is called the “global language”, and one of the signs of globalization is the rapid spread of anglicisms, which carry the values of the West and European culture. We can say that these values and culture are so ingrained in our society that it is unlikely that we will be able to isolate ourselves and exist separately from it.

CONCLUSION

To conclude, despite the opposition of opinions and resistance to the new, the penetration of anglicisms is not just a trend followed by many cultures, including Russian and Kazakh. This is inevitable process in the context of modernization and technological progress. Moreover, the established and existing languages already contain many borrowings, starting with the words of Turkic origin and ending with French ones. Language is a living system, constantly evolving and changing. We are now in contact and communication with the whole world, actively studying English, which has become the global international language. As it was said in the paper, anglicisms originate from the history of the Russian state in XVI-XVII centuries, when there were established political relations with England. In Kazakhstan, borrowing became noticeable after gaining independence

in 1991 and getting recognition by other countries. Nowadays, Kazakhstan actively pursues a policy of trilingualism. English is widespread in educational institutions, used in business and generally can be found on the signs of most shops and restaurants while walking the street. The penetration of anglicisms is a natural process, and the ideas of supporters of linguistic purism about completely getting rid of all foreign words are impossible. However, there is still a threat to the ethnical heritage and language of each nation. But to prevent it, governments need to take measures and promote their native state language more. Kazakhstan should improve the system of teaching the Kazakh language and instill love for its culture in people through different events. We cannot completely protect the language from the influence of the rest of the world, but first of all it is used by us, the citizens of Kazakhstan, and we can pay more attention to this topic, learn and use the Kazakh language in speech without mixing it or adding foreign words.

REFERENCES

- Baidrakhmanov, D., & Doszhan, G. (2014). Historical and Sociolinguistic Aspects of Use of Anglicisms in the Kazakh Language. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 190, 346-352.
- Bekzhanova, Z., & Makoelle, T. M. (2022). Latinization of the Kazakh Alphabet: Implications for Education, Inclusion, and Social Cohesion in Kazakhstan. *SAGE Open*, 12, (4).
- Chalimbayeva, A. D., & Tumanova, A. B. (2022). English-American loan words in the language space of Kazakhstan. *The Scientific heritage*, (93), 61-65.
- Chernyavskaya, N. E., Kireeva, N. V., & Koreneva, E. N. (2016). Towards the history of the spread of the English language in Russia. *Archivist*, 2 (1).
- Collins English Dictionary. (n.d.). Anglicism. In *CollinsDictionary.com*. Retrieved May 10, 2025
- Dictionary.com. (n.d.). Anglicism. In *Dictionary.com*. Retrieved May 10, 2025
- Egorov, B. (2022). How did the Russians and the British learn about each other? *Window to Russia*.
- Faleeva, E. Y. (2024). Borrowings: the destruction or development of language. *SCI-ARTICLE. RU*, 129.
- Krysin, L. P. (1968). A foreign language word in the context of modern social life. *Russian language of the late XX century*, 4, 142-161.
- Litvinov, S. V. (2024). Anglicisms in the Russian language of the XVI-XIX centuries. Historical and cultural aspect. *Tallinn: Library of Estonia*, (6), 99-102.
- Romanova, M. A. (2023). English Borrowings in the Russian Language: how many of them do we need? The philological aspect, 4 (96).
- Sayatova, A. S., Shakhieva, A. M., Alikeeva, G. M. (2020). The 20s of the last century: the history of the introduction of the Latin alphabet into the Kazakh script. *Bulletin of the Kazakh National Medical University*, 4, 577-581.
- Shansky, N. M., Ivanov, V. V., & Shanskaya, T. V. (1971). A short etymological dictionary of the Russian language. *Enlightenment*.
- Sichinava, D. (n.d.). Wet-tails against tailcoats: a linguist's view. *Arzamas*.
- Tsvetkova, M. V. (2015). Images of Anglomaniac landlords in Russian literature of the XIX century. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 2 (30), 106-111.
- Tulekenova, P. P., & Mukhamedyanova, G. N. (2022). Anglicisms in Russian language. *Young Scientist*, 16 (411), 503-505.
- Zatirko, L. D., & Titova, V. I. (2022). Anglicism in Russian language. *Siberian linguistic forum*.
- Zhussubalina, Zh. M., & Tleuberdiyev, B. M. (2022). Anglicisms in Kazakh newspapers: semantic and contextual approach. *Bulletin of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages*, 64 (1).

УДК 159.923.33

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_15

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. МЕЙРАМОВА

Maqsut Narikbayev University, Высшая гуманитарная школа

meiramova_aziza@kazguu.kz

Аннотация

Эмпатия и эмоциональная регуляция рассматриваются современной психологией как ключевые механизмы, определяющие качество межличностного взаимодействия и психическое благополучие молодых людей в условиях возросшей академической и социальной нагрузки. Цель данной статьи — систематизировать данные о взаимосвязи когнитивной и аффективной эмпатии со стратегиями эмоциональной регуляции и эмпатическим дистрессом у студенческой молодежи, а также обозначить последствия этих связей для психического здоровья и профилактики выгорания. Методологическую основу составляет критический обзор современных теоретических моделей эмпатии, нейрокогнитивных исследований, работ по эмоциональной регуляции (прежде всего в логике процессуальной модели J. Gross), а также эмпирических исследований, использующих валидированные опросники QCAE, ERQ и IRI-PD. Анализ показывает, что когнитивная эмпатия функционально сопряжена с ментализацией и когнитивным контролем, чаще ассоциируется с адаптивными стратегиями регуляции (когнитивной переоценкой) и меньшей выраженностью личностного дистресса, тогда как аффективная эмпатия при дефиците регуляции и в условиях культурных норм подавления эмоций связана с повышенным риском эмпатического дистресса, тревоги и эмоционального истощения. Стратегии эмоциональной регуляции при этом выступают медиаторами и модераторами в связях между эмпатией и аффективным неблагополучием. На основе анализа формулируется концептуальная модель, в которой профиль эмпатии и регуляции рассматривается как предиктор психологической устойчивости или уязвимости студентов, и намечаются направления профилактических и образовательных интервенций.

Ключевые слова: эмпатия, когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия, эмоциональная регуляция, когнитивная переоценка, подавление, эмпатический дистресс, студенческая молодежь.

Abstract

Empathy and emotion regulation are regarded as core psychological mechanisms shaping interpersonal functioning and mental health in young adults facing increasing academic and social demands. The aim of this article is to synthesize current evidence on the associations between cognitive and affective empathy, emotion regulation strategies, and empathic distress among university students, and to outline the implications of these links for well-being and burnout prevention. The methodological foundation is a critical literature review of contemporary conceptual and neurocognitive models of empathy, Gross's process model of emotion regulation, and empirical studies employing validated scales such as the QCAE, ERQ, and IRI-PD. The analysis demonstrates that cognitive empathy, being functionally tied to mentalizing and cognitive control, is more consistently associated with adaptive regulation strategies (particularly cognitive reappraisal) and lower personal distress. In contrast, affective empathy, especially under conditions of regulatory deficits and cultural norms favouring expressive suppression, predicts heightened empathic distress, anxiety, and emotional exhaustion. Emotion regulation strategies emerge as both mediators and moderators in the relationship between empathy and affective maladjustment. Based on the review, a conceptual model is proposed in which individual profiles of empathy and regulation constitute key predictors of psychological resilience or vulnerability among students, and directions for preventive and educational interventions are outlined.

Keywords: empathy, cognitive empathy, affective empathy, emotion regulation, cognitive reappraisal, expressive suppression, empathic distress, university students.

Аңдатпа

Эмпатия мен эмоцияларды реттеу қазіргі психологияда жастардың қарым-қатынас сапасы мен психикалық әл-ауқатына әсер ететін негізгі механизмдер ретінде қарастырылады. Бұл мақаланың мақсаты — студенттік жастар арасында когнитивті және аффективті эмпатияның эмоцияларды реттеу стратегияларымен және эмпатиялық дистресспен өзара байланысын жүйелеу, сондай-ақ осы байланыстардың күйзеліс пен эмоционалдық қажуды алдын алуға қатысты салдарын айқындау. Әдіснамалық негізін эмпатияның заманауи теориялық үлгілеріне, нейрокогнитивтік зерттеулерге, эмоцияларды реттеудің процессуалдық моделіне (J. Gross), сондай-ақ QCAE, ERQ және IRI-PD сияқты валидтелген сауалнамаларды қолданатын эмпирикалық жұмыстарға талдау құрайды. Талдау нәтижелері когнитивті эмпатияның ментализация және когнитивтік бақылаумен функционалды байланыста болып, бейімделген реттеу стратегияларымен (когнитивті қайта бағалау) және жеке дистрестің төмен деңгейімен жиі ассоциацияланатынын көрсетеді. Ал аффективті эмпатия реттеу тапшылығы және эмоцияларды басу нормалары басым болатын мәдени контекстте эмпатиялық дистресс, мазасыздық және эмоционалдық қажу қаупінің жоғары болуымен байланысты. Эмоцияларды реттеу стратегиялары эмпатия мен аффективтік қолайсыздық арасындағы қатынастарда медиатор және

модератор рөлін атқарады. Жүргізілген талдау негізінде эмпатия мен реттеу профилі студенттердің психологиялық тұрақтылығы немесе осалдығының болжамдаушысы ретінде қарастырылатын концептуалдық модель ұсынылады және профилактикалық, оқу-ағартушылық интервенциялар бағыттары белгіленеді.

Түйін сөздер: эмпатия, когнитивті эмпатия, аффективті эмпатия, эмоцияларды реттеу, когнитивті қайта бағалау, басу, эмпатиялық дистресс, студенттік жастар.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования является взаимосвязь компонентов эмпатии: когнитивной (перспективопринимание, ментализация) и аффективной (эмоциональный резонанс, сочувственное сопереживание), со стратегиями эмоциональной регуляции (когнитивная переоценка и подавление экспрессии) и уровнем эмпатического дистресса у студенческой молодежи.

ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Проанализировать современные концептуальные и нейрокогнитивные модели эмпатии с акцентом на различии когнитивной и аффективной компонентов.
2. Рассмотреть стратегии эмоциональной регуляции и детерминанты их выбора в студенческих выборках.
3. Описать феномен эмпатического дистресса как негативный аффективный исход и его связь с трудностями регуляции.
4. Систематизировать данные о взаимосвязях эмпатии, эмоциональной регуляции и дистресса у студентов.
5. Сформулировать концептуальную модель, задающую гипотезы для эмпирического исследования и практические направления профилактики.

МЕТОДОЛОГИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Методологическую основу статьи составляет теоретико-аналитический обзор научной литературы, соответствующий современным требованиям к систематизации эмпирических и концептуальных данных. В анализ включены

- теоретические и нейрокогнитивные модели эмпатии (Decety & Jackson, 2006; Zaki & Ochsner, 2012; Decety & Cowell, 2015);

- работы по дифференциации когнитивной и аффективной эмпатии, а также разведение эмпатии, эмоционального заражения, симпатии и компассии (Cuff et al., 2016; Bloom, 2017; Singer & Klimecki, 2014);
- процессуальная модель эмоциональной регуляции и исследования стратегий переоценки и подавления (Gross, 2015; Hu et al., 2014; Restubog et al., 2020);
- исследования эмпатического дистресса и его связи с дисрегуляцией и психопатологией (Contardi et al., 2016; Powell, 2018; Colonnello et al., 2024);
- эмпирические работы, анализирующие регуляцию как медиатор/модератор в связях эмпатии и благополучия (Lockwood et al., 2014; Geiger et al., 2024; Cairns et al., 2024);
- русскоязычные адаптации и апробации опросников QCAE, ERQ и IRI-PD (Карягина и др., 2013; Панкратова и Корниенко, 2017; Окатова, 2021);
- исследования студенческих выборок в российском и международном контексте, посвященные эмоциональной компетентности, эмпатии и устойчивости (Белашева, 2015; Гаранина и Кулешова, 2022).

Метод анализа включает сопоставление теоретических подходов, синтез результатов эмпирических исследований, выявление согласованности и противоречий в данных, а также формирование интегративной концептуальной модели, задающей основания для последующего количественного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. МНОГОМЕРНОСТЬ ЭМПАТИИ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Современная литература трактует эмпатию как многокомпонентную систему процессов, включающую когнитивные и

аффективные составляющие. Когнитивная эмпатия соотносится с перспективой принятием и ментализацией, способностью реконструировать внутренние состояния другого человека и интерпретировать их в терминах убеждений, намерений и чувств. Аффективная эмпатия описывает феномен эмоционального резонанса и сопереживания, при котором человек «разделяет» эмоции другого на уровне чувств (Cuff et al., 2016).

Принципиально важно отличать эмпатию от смежных феноменов. Эмоциональное заражение представляет собой автоматический, нерелективный «захват» аффекта, не предполагающий осознания различия «я — другой». Симпатия фиксирует положительное отношение без обязательного разделения эмоций. Эмпатическая забота (compassion) связана с теплой, альтруистической мотивацией помочь. Тогда как эмпатический дистресс, самофокусированная тревожная реакция на страдание другого, сопровождающаяся ощущением перегрузки и беспомощности (Singer & Klimecki, 2014; Bloom, 2017). Для студенческой популяции эти различия особенно важны, поскольку высокие уровни «эмпатичности» по самоотчетам могут скрывать разные профили: от ресурсной эмпатической заботы до уязвимо-эмпатического дистресса.

Нейрокогнитивные данные уточняют дихотомию эмпатии, указывая на частично диссоциируемые системы. Аффективная/резонансная система (передняя островковая кора, передняя поясная кора, участки «зеркальной» сети) обеспечивает быстрый эмоциональный отклик на сигналы боли и эмоций другого, тогда как когнитивная/ментализирующая сеть (дорсомедиальная префронтальная кора, теменно-височное соединение, задняя верхняя височная борозда) поддерживает атрибуцию состояний и децентрацию (Decety & Jackson, 2006; Zaki & Ochsner,

2012). Ключевую роль играют фронтальные механизмы контроля, позволяющие удерживать психологическую дистанцию, изменять интерпретацию ситуации и тем самым предотвращать переход от сопереживания к личностному дистрессу (Ochsner, 2013).

Исследования с использованием Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy (QCAE) подтверждают двухфакторную структуру эмпатии (когнитивная vs аффективная) и её дифференциальные связи с личностными чертами и регуляторными способностями в молодежных выборках (Reniers et al., 2010; Окатова, 2021). В особенности важно, что именно аффективные компоненты и субшкала Personal Distress опросника Interpersonal Reactivity Index (IRI-PD) оказываются сильнее связаны с тревогой, депрессивной симптоматикой и выгоранием (Карягина и др., 2013; Карягина и Придачук, 2017). Это задает основу для анализа эмпатии не только как ресурса, но и как потенциального фактора риска в условиях высокой нагрузки.

Для студенческой молодежи, особенно обучающейся по помогающим и креативным специальностям, такая многомерность эмпатии имеет прямые последствия. С одной стороны, развитая когнитивная эмпатия поддерживает эффективную коммуникацию, командную работу, академическое и профессиональное взаимодействие. С другой, высокая аффективная чувствительность при дефиците регуляции может вести к накоплению личностного дистресса, особенно в условиях постоянного контакта с чужими переживаниями (Cairns et al., 2024). Отсюда возникает необходимость рассматривать профиль эмпатии в связке с регуляторными механизмами.

2. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ МЕДИАТОР И МОДЕРАТОР

В логике процессуальной модели J. Gross эмоциональная регуляция опре-

деляется как совокупность процессов, через которые индивид влияет на то, какие эмоции он испытывает, когда и как они выражаются (Gross, 2015). Когнитивная переоценка относится к ранне-фазовым стратегиям: она модифицирует интерпретацию ситуации до развёртывания интенсивной эмоциональной реакции, снижая её субъективную и физиологическую интенсивность. Подавление экспрессии, напротив, является поздне-фазовой стратегией, нацеленной на контроль поведенческих проявлений уже возникшей эмоции, что часто не уменьшает переживаемый негативный аффект и увеличивает физиологическую нагрузку (Hu et al., 2014).

Метааналитические данные свидетельствуют, что частое использование переоценки ассоциируется с более высоким уровнем благополучия, лучшей социальной адаптацией и меньшей выраженностью тревожно-депрессивной симптоматики, тогда как привычное подавление связано с повышенным дистрессом, снижением качества межличностных отношений и менее благоприятными социальными исходами (Hu et al., 2014; Restubog et al., 2020; Salazar-Kämpf et al., 2023). Для студенческой молодежи, сталкивающейся с академическими стрессорами, экзаменационной тревогой и неопределенностью профессионального будущего, выбор стратегий регуляции становится критическим фактором психологической устойчивости.

Выбор и эффективность стратегий эмоциональной регуляции задаются сочетанием аффективных, когнитивных, мотивационных, индивидуальных и социокультурных детерминант (Matthews et al., 2021). На когнитивном уровне развитая ментализация, рабочая память и когнитивная гибкость повышают вероятность использования переоценки. На аффективном уровне высокая эмоциональная реактивность и интенсивность переживаний затрудняют применение когнитивных стратегий в моменты «перегрева», способствуя переходу к более

простым, но затратным формам контроля (например, подавлению). Мотивационные факторы, такие как ориентация на поддержание отношений и благополучия другого, активируют межличностные формы регуляции, тесно связанные с эмпатией (Geiger et al., 2024).

Особую роль играет социокультурный контекст. В постсоветских выборках описана норма сдерживания эмоциональной экспрессии, делающая подавление социально приемлемой и даже ожидаемой стратегией. Русскоязычная адаптация Emotion Regulation Questionnaire (ERQ) демонстрирует воспроизводимость двухфакторной структуры (переоценка и подавление) и фиксирует высокую распространенность подавления, особенно у молодежи (Панкратова и Корниенко, 2017). Для казахстанских студентов это означает, что культурно «подкрепляемое» подавление может стать привычной стратегией контроля эмоций, в том числе и в ситуациях сочувствия, что потенциально усиливает риск эмпатического дистресса.

Таким образом, различие между переоценкой и подавлением носит не только терминологический, но и механистический характер: первое, как правило, способствует интеграции эмпатии в устойчивое просоциальное поведение. Второе, повышает вероятность внутреннего напряжения и истощения.

3. ЭМПАТИЧЕСКИЙ ДИСТРЕСС КАК НЕГАТИВНЫЙ АФФЕКТИВНЫЙ ИСХОД

Эмпатический дистресс (personal distress) представляет собой комплексную самофокусированную негативную реакцию на страдание другого человека, включающую переживание интенсивного внутреннего напряжения, тревоги, чувства перегруженности и утраты контроля над собственными эмоциями (Davis, 1983; Карягина и Придачук, 2017). В отличие от эмпатической заботы (empathic concern), которая связана с просоциальной мотивацией, направленной на помощь, поддержку и облегчение

страданий другого, эмпатический дистресс характеризуется смещением фокуса внимания на собственный дискомфорт, что делает переживание чужой боли не источником мотивированного действия, а фактором эмоционального истощения. Такой тип реакции нередко приводит к избеганию ситуаций, связанных с высокой эмоциональной нагрузкой, поскольку субъект стремится минимизировать собственное страдание, а не решать проблему другого. Таким образом, эмпатический дистресс выступает своеобразным индикатором уязвимости эмоциональной системы, особенно в тех условиях, где требуется постоянное соприкосновение с переживаниями других людей.

Современные исследования, проведённые в молодежных выборках, последовательно показывают, что трудности эмоциональной регуляции являются существенным предиктором более высоких показателей эмпатического дистресса, а также разнообразных неблагоприятных социально-психологических исходов. В выборке молодых взрослых, например, было продемонстрировано, что выраженные трудности регуляции эмоций по шкале DERS положительно ассоциируются не только с уровнем PD, но и с враждебностью, что отражает общий профиль эмоциональной дисрегуляции и повышенной реактивности (Contardi et al., 2016). При этом перспективное принятие выступает защитным фактором: способность к когнитивной переработке ситуации и пониманию ментальных состояний другого частично компенсирует уязвимость, снижая интенсивность дистресс-реакции. Эти данные позволяют предположить, что эмпатический дистресс возникает не только как следствие высокой аффективной чувствительности, но и как результат взаимодействия этой чувствительности с дефицитами регуляторных механизмов.

Модерационные исследования подтверждают, что используемые страте-

гии эмоциональной регуляции способны существенно изменять направление и силу связи между компонентами эмпатии и аффективным неблагополучием. В крупной студенческой выборке было показано, что аффективная эмпатия надёжно предсказывает более высокий уровень личностного дистресса, однако этот эффект значительно ослабляется при привычном использовании стратегии когнитивной переоценки. Напротив, опора на подавление экспрессии усиливает негативные последствия высоких уровней аффективной эмпатии и приводит к нарастанию эмоционального напряжения. Более того, благоприятная связь когнитивной эмпатии с меньшим уровнем дистресса полностью исчезает у студентов, которые склонны к подавлению эмоций, что указывает на ключевую роль регуляторного профиля: именно он определяет, будет ли эмпатия способствовать адаптации или становится фактором уязвимости (Powell, 2018). Эти результаты подтверждают центральное положение современной литературы о том, что эмпатия сама по себе не является ни исключительно «полезной», ни исключительно «вредной»; её влияние определяется тем, какие регуляторные стратегии доступны и доминируют у конкретного субъекта.

Особенно значимыми такие эффекты оказываются в академических контекстах, характеризующихся высокой эмоциональной и когнитивной нагрузкой, например в медицинских вузах. Исследования показывают, что специфические трудности эмоциональной регуляции частично медируют связь между личностным дистрессом и депрессивной симптоматикой у студентов-медиков (Colonnello et al., 2024). Это означает, что подверженность эмпатическому дистрессу в сочетании с недостатком регуляторных ресурсов создаёт повышенный риск эмоционального выгорания и ухудшения психического здоровья. В студенческой среде, где регулярно присутствуют стрессоры, конкуренция, межличностные требования

и необходимость эмоционального взаимодействия, эмпатический дистресс выступает важным индикатором уязвимости. Тем самым подтверждается, что мишенью профилактических и образовательных программ должны становиться развитие навыков эмоциональной регуляции, укрепление когнитивных стратегий переработки эмоций, а также формирование устойчивого отношения к собственным переживаниям.

4. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ И ДИСТРЕССА: ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Синтез представленных данных позволяет сформировать расширенную интегративную модель, в рамках которой именно специфическое сочетание когнитивных и аффективных компонентов эмпатии со стратегиями эмоциональной регуляции определяет индивидуальную траекторию психического здоровья студентов. Когнитивная эмпатия, опирающаяся на процессы ментализации, перспективопринимания и префронтального контроля, является важным ресурсом адаптации: она способствует точному считыванию социальных сигналов, адекватной интерпретации межличностных ситуаций и формированию более взвешенных реакций в условиях эмоциональной сложности. При наличии развитых навыков когнитивной переоценки, ключевой адаптивной стратегии эмоциональной регуляции, когнитивная эмпатия усиливает просоциальное поведение, способствует более конструктивным способам разрешения межличностных конфликтов и снижает вероятность возникновения личностного дистресса. В условиях академического стресса, высокой учебной нагрузки и разнообразных социальных требований такой профиль эмоциональной и когнитивной компетентности позволяет студентам поддерживать психологическую устойчивость, эффективно перерабатывать негативные эмоции и сохранять

мотивацию (Lockwood et al., 2014; Geiger et al., 2024).

Аффективная эмпатия, напротив, характеризуется высокой чувствительностью к эмоциональным состояниям других людей и быстрым резонансом с чужим страданием. В благоприятных условиях она может усиливать мотивацию к помощи и повышать социальную отзывчивость, однако в ситуациях дефицита регуляторных ресурсов, низкой устойчивости к стрессу или при доминировании культурных норм подавления экспрессии аффективная эмпатия превращается в источник уязвимости. Высокая интенсивность эмоционального резонанса без адекватных механизмов когнитивного контроля повышает вероятность перехода от сочувствия к самофокусированному дистрессу, усиливает эмоциональное истощение и провоцирует избегание контактов, связанных с высокой эмоциональной нагрузкой, механизм, неоднократно описанный в исследованиях студентов и молодых взрослых (Singer & Klimecki, 2014; Powell, 2018). Такой тип реагирования может приводить к устойчивой тревоге, эмоциональной вымотанности и снижению социальной вовлеченности, особенно в академической среде, где межличностные взаимодействия являются постоянным источником напряжения.

Стратегии эмоциональной регуляции, прежде всего когнитивная переоценка и подавление экспрессии, выполняют одновременно медиаторную и модераторную функцию. Как медиаторы они объясняют, каким образом когнитивная и аффективная эмпатия трансформируются в адаптивные или дезадаптивные эмоциональные исходы. Например, переоценка позволяет переработать аффективный резонанс в более конструктивные формы реагирования, тогда как подавление, напротив, усиливает внутреннее напряжение и препятствует снижению негативного аффекта. Как

модераторы стратегии регуляции изменяют силу и направленность связей между компонентами эмпатии и аффективными исходами: благоприятные эффекты когнитивной эмпатии исчезают при высоком уровне подавления, тогда как негативное влияние аффективной эмпатии смягчается при частом использовании переоценки (Salazar-Kämpf et al., 2023).

Социокультурные и гендерные факторы дополнительно усложняют эту картину. Постсоветский культурный контекст, характеризующийся нормами сдержанности эмоциональной экспрессии и высокими ожиданиями социальной саморегуляции, делает подавление социально приемлемой и широко распространённой стратегией, что увеличивает уязвимость студентов с высокой аффективной эмпатией (Панкратова и Корниенко, 2017). Гендерные различия в самоотчётных уровнях эмпатии и дистресса также оказываются значимыми: женщины чаще сообщают о более высоких показателях эмпатии и личностного дистресса, однако нейрофизиологические исследования фиксируют менее устойчивые различия, указывая на значимое влияние социальных сценариев, гендерных ожиданий и норм самопрезентации (Pang et al., 2023).

В совокупности такие данные позволяют заключить, что высокий уровень эмпатии в студенческой среде не является однозначно ресурсным или однозначно рискованным фактором. Его влияние определяется сочетанием двух ключевых детерминант: доминирующего компонента эмпатии (когнитивного или аффективного) и доступных стратегий эмоциональной регуляции. В условиях академической и социальной нагрузки высокий уровень когнитивной эмпатии в сочетании с адаптивными регуляторными стратегиями формирует устойчивую, ресурсную траекторию развития. В то время как выраженная аффектив-

ная эмпатия при дефиците регуляции и привычном подавлении приводит к дистрессу, выгоранию и снижению общей эмоциональной устойчивости. Это определяет необходимость разработки целевых интервенций, ориентированных на укрепление навыков регуляции, развитие ментализации и снижение давления культурных сценариев, способствующих дисрегуляции и усилению эмпатического дистресса у студенческой молодежи.

5. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ, СМЯГЧАЮЩИЕ РИСК

Несмотря на выявленные риски, влияние эмпатии и эмоциональной дисрегуляции на психическое здоровье студентов не является фатальным или жестко детерминированным. Напротив, современная литература подчёркивает наличие широкого спектра личностных, межличностных и контекстуальных ресурсов, которые могут существенно смягчать негативные последствия высокой аффективной чувствительности, трудностей регуляции и связанных с этим проявлений эмпатического дистресса. Одним из значимых защитных факторов выступают стресс-ассоциированные убеждения собственной самоэффективности и, напротив, низкая выраженность чувства беспомощности в трудных ситуациях. Психометрическое исследование турецкой версии Шкалы воспринимаемого стресса показало, что низкая самоэффективность и выраженное чувство беспомощности в стрессовых ситуациях положительно связаны с депрессией, тревогой, академическими трудностями, межличностными сложностями и проблемами со здоровьем у студентов (Kaaya et al., 2017). Это позволяет предположить, что студенты, уверенные в своей способности справляться с учебными и межличностными требованиями, менее склонны интерпретировать эмоционально нагруженные ситуации как непреодолимые, что снижает

вероятность хронификации дистресса и формирования устойчивого чувства собственной неадекватности.

Не менее важным психологическим ресурсом является самосострадание. Сострадание — это способность относиться к собственным ошибкам и переживаниям с пониманием, доброжелательностью и признанием универсальности человеческой уязвимости. Исследования показывают, что самосострадание эффективно снижает разрушительное воздействие внутренней самокритики, фрустрации и эмоциональной перегрузки, связанных с эмпатическим дистрессом. Оно способствует формированию более устойчивой мотивации помогать другим, снижает страх перед ошибками и предотвращает эмоциональное выгорание, особенно среди молодежи, регулярно сталкивающейся с переживаниями других людей (Zabelina & Robinson, 2010).

Эмоциональная устойчивость и регуляторная гибкость дополняют этот набор защитных факторов. Эмоциональная устойчивость включает способность выдерживать интенсивные негативные переживания, восстанавливаться после стресса и сохранять функциональность в условиях эмоциональных вызовов. Регуляторная гибкость, в свою очередь, предполагает способность динамически переключать стратегии регуляции в зависимости от ситуации: использовать переоценку в условиях высокой эмоциональной нагрузки, снижать подавление, когда оно усугубляет напряжение, и применять более адаптивные формы эмоционального взаимодействия. Эти механизмы играют особую роль у студентов помогающих специальностей, педагогов, психологов, медицинских работников и других групп, регулярно сталкивающихся с эмоционально насыщенными контактами (Matthews et al., 2021).

Наряду с личностными характеристиками, значимым ресурсом выступает образовательный и организационный контекст, в котором разворачивается студенческая жизнь. Поддерживающая образовательная среда: включающая курсы и тренинги по развитию эмоциональной компетентности, программы развития эмпатии, практики осознанности, супервизию, групповую рефлексивную практику и регулярные обсуждения сложных ситуаций. Оно создаёт пространство, где студенты могут безопасно говорить о трудностях, нормализовать опыт эмоционального напряжения и учиться стратегиям адаптивной регуляции. Исследования показывают, что такие формы образовательной поддержки способствуют снижению тревоги, повышению толерантности к неопределённости и укреплению навыков эмоционального взаимодействия (Белашева, 2015; Гаранина и Кулешова, 2022; Cairns et al., 2024).

В контексте казахстанской студенческой молодежи особое значение имеет необходимость адаптации подобных программ с учетом культурных норм, связанных с выражением эмоций, социальной сдержанностью и высокой ценностью академических достижений. В условиях, где эмоциональная экспрессия часто ограничивается культурными ожиданиями, а академический успех воспринимается как ключевой показатель социального статуса, развитие навыков ментализации, обучение когнитивным стратегиям регуляции, культивирование самосострадания и формирование безопасных пространств для эмоционального взаимодействия становятся особенно важными. Создание институциональных механизмов поддержки: психологических служб вузов, групп взаимопомощи, менторских программ, интеграции элементов эмоционального образования в учебный процесс, может существенно уменьшить риск возникновения эмпатического дистресса, трево-

жных состояний и эмоционального выгорания. Такие меры формируют более устойчивую основу для профессионального и личностного развития студентов, укрепляют их психологические ресурсы и повышают способность справляться с эмоционально нагруженными ситуациями как в учебной, так и в будущей профессиональной деятельности.

6. ГЕНДЕРНЫЕ И РОЛЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОФИЛЯХ ЭМПАТИИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ

Отдельного внимания заслуживает вопрос гендерных и ролевых различий в профилях эмпатии и эмоциональной регуляции в студенческой среде. Многочисленные опросные исследования фиксируют более высокие самоотчётные уровни эмпатии и эмоциональной чувствительности у студенток по сравнению со студентами, а также большую выраженность личностного дистресса и тревожности у женщин. Вместе с тем нейрофизиологические и экспериментальные данные демонстрируют менее устойчивые различия, что позволяет предположить значимый вклад гендерных стереотипов, социальных ожиданий и сценариев самопрезентации. Для женщин в большинстве культур, включая постсоветскую, социально поощряется выраженная забота о других, эмоциональная вовлечённость и готовность говорить о чувствах, тогда как для мужчин сохраняется давление норм эмоциональной сдержанности и самостоятельности. В результате женщины чаще идентифицируют и вербализуют свои эмпатические реакции и дистресс, тогда как мужчины могут предпочитать стратегии внешнего дистанцирования или соматизации напряжения, что не всегда отражается в самоотчетах.

В академическом контексте подобные различия усиливаются за счёт роли профессиональных ожиданий. Студенты, выбирающие помогающие профес-

сии (психология, педагогика, медицина, социальная работа), часто осознают, что эмпатия входит в набор «профессионально значимых» качеств. Для студенток это может приводить к внутреннему усилению требований к себе как к «эмпатичному специалисту», что в сочетании с высокой аффективной чувствительностью и дефицитом регуляторных навыков повышает риск эмпатического дистресса и выгорания. Для студентов-мужчин, напротив, могут быть характерны противоречивые ожидания: с одной стороны, необходимость продемонстрировать эмпатию и поддержку. С другой, культурное давление на эмоциональную сдержанность, что способствует выбору подавления как основной стратегии регуляции. Такая конфигурация может приводить к накоплению скрытого напряжения и формированию латентных форм эмоционального истощения, не всегда распознаваемых самим студентом.

Гендерные различия проявляются также в выборе конкретных стратегий регуляции и в оценке «допустимости» различных эмоций. Женщины, по данным ряда исследований, чаще используют когнитивную переоценку, но одновременно и более интенсивно переживают чувства вины и стыда, особенно в ситуациях межличностных конфликтов и академических неудач. Мужчины в большей степени опираются на поведенческое и эмоциональное избегание, включая снижение вовлечённости в эмоционально нагруженные взаимодействия и переключение внимания на деятельность, не требующую выражения чувств. В результате один и тот же уровень аффективной эмпатии может иметь разные последствия: у студенток он чаще приводит к открытой вербализации дистресса, а у студентов, к скрытому напряжению, снижению мотивации и уходу в формальное взаимодействие. Учет этих различий чрезвычайно важен при разработке профилактических программ:

универсальные интервенции, не принимающие во внимание гендерный и ролевой контекст, могут оказаться менее эффективными или даже непреднамеренно усиливать давление социальных стереотипов.

7. ПЕРСПЕКТИВЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ В КАЗАХСТАНСКИХ ВУЗАХ

Сформулированная концептуальная модель, связывающая когнитивную и аффективную эмпатию, стратегии эмоциональной регуляции и эмпатический дистресс, открывает широкие перспективы для последующих эмпирических исследований в казахстанской студенческой выборке. Во-первых, представляется целесообразным проведение количественных исследований с использованием валидированных опросников (QCAE, ERQ, IRI-PD), позволяющих одновременно оценить профиль эмпатии, преобладающие стратегии регуляции и уровень личностного дистресса. Применение методов медиаторного и модераторного моделирования (например, на основе структурного моделирования путей) даст возможность проверить гипотезы о том, что когнитивная переоценка опосредует и смягчает связи между аффективной эмпатией и дистрессом, тогда как подавление усиливает их. Отдельного внимания заслуживает включение переменных, отражающих культурные нормы и гендерные ожидания, что позволит более точно оценить вклад контекстуальных факторов.

Во-вторых, перспективным направлением является лонгитюдное изучение динамики эмпатии, регуляции и дистресса в течение учебного года или нескольких семестров. Такой дизайн позволил бы отследить, как изменяются профили студентов под воздействием академической нагрузки, практик (особенно клинических и консультативных), участия в

волонтерских и помогающих проектах. Возможно, что на ранних курсах высокая аффективная эмпатия воспринимается как ресурс, но при отсутствии поддерживающей среды и навыков регуляции со временем превращается в фактор риска выгорания. Лонгитюдные данные позволили бы выявить критические периоды, когда студенты особенно уязвимы к эмпатическому дистрессу, и выстроить профилактические вмешательства с учётом этих временных «окон».

В-третьих, важной задачей является апробация и оценка эффективности целевых интервенций, направленных на развитие когнитивной эмпатии, ментализации и адаптивных стратегий регуляции. Это могут быть краткосрочные тренинги по когнитивной переоценке, программы, основанные на подходах mindfulness и самосострадания, групповые форматы рефлексии профессионального опыта для студентов помогающих специальностей. Эмпирическая оценка таких программ (до–после, контрольные группы, последующие замеры) позволит не только подтвердить эффективность предложенной модели, но и адаптировать интервенции к особенностям казахстанской образовательной системы. Особенно актуально интегрировать элементы эмоционального образования в уже существующие дисциплины (например, практикумы по консультированию, педагогической практике, клинические ротации), чтобы не перегружать учебные планы и одновременно укреплять психологические ресурсы студентов.

Наконец, перспективным направлением является межвузовское и межкультурное сравнение профилей эмпатии и эмоциональной регуляции, включающее студентов разных специальностей и регионов. Сопоставление данных казахстанских студентов с выборками из других стран постсоветского простран-

ства и из международных контекстов позволило бы уточнить, какие аспекты выявленных связей носят универсальный характер, а какие обусловлены спецификой культурных норм, образовательных практик и социально-экономических условий. Это, в свою очередь, расширит теоретическую значимость представленной модели и создаст основу для развития более тонко настроенных, культурно чувствительных профилактических и образовательных программ, направленных на поддержание психического здоровья студенческой молодежи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмпатия и эмоциональная регуляция образуют взаимосвязанную систему психологических механизмов, от которых существенно зависят качество межличностных отношений, устойчивость к стрессу и общее психическое благополучие студенческой молодежи. Проведённый обзор убедительно демонстрирует, что эмпатия является многомерным конструктом, включающим когнитивные и аффективные компоненты, которые существенно различаются по своим ассоциациям с регуляторными стратегиями и эмоциональными исходами. Когнитивная эмпатия, функционально сопряжённая с ментализацией и префронтальным контролем, при развитых навыках переоценки выступает выраженным защитным фактором: она способствует более адаптивному социальному функционированию, снижает риск личностного дистресса и поддерживает устойчивость в условиях академического давления.

Аффективная эмпатия, напротив, повышает чувствительность к страданию другого и может становиться источником уязвимости, особенно в контекстах, где доминируют нормы подавления эмоциональной экспрессии или отсутству-

ют эффективные навыки регуляции. В этих условиях она усиливает вероятность эмпатического дистресса, тревоги и эмоционального истощения. Стратегии эмоциональной регуляции, прежде всего когнитивная переоценка и подавление, выступают как медиаторами, так и модераторами связей между компонентами эмпатии и эмоциональными исходами, «перенаправляя» влияние эмпатии либо в ресурсную, либо в уязвимую траекторию. Существенную роль играют и культурные, а также гендерные модераторы: постсоветские нормы эмоциональной сдержанности усиливают привычность подавления, а социальные ожидания влияют на самоотчёты об эмпатии и дистрессе.

Сформулированная концептуальная модель задаёт теоретическую и методологическую основу для дальнейших эмпирических исследований в казахстанских студенческих выборках. Применение валидированных опросников (QCAE, ERQ, IRI-PD) и медиаторного моделирования позволяет углублённо исследовать взаимосвязи между когнитивной и аффективной эмпатией, стратегиями регуляции и уровнями эмпатического дистресса. В практической плоскости результаты подчёркивают значимость разработки и внедрения программ психологической профилактики и образовательных интервенций, направленных на развитие когнитивной эмпатии и навыков ментализации, обучение адаптивным стратегиям эмоциональной регуляции (особенно переоценке), снижение нормативного давления на подавление эмоций, а также укрепление самосострадания, самоэффективности и эмоциональной устойчивости студентов.

Подобные программы способны стать важным ресурсом профилактики эмоционального выгорания и поддержания психического здоровья студенческой молодёжи, особенно в группах, ориен-

тированных на помогающие профессии и вовлечённых в интенсивное межличностное взаимодействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Bloom, P. (2016). *Against empathy: The case for rational compassion*. Ecco.

Cairns, P., Isham, A. E., & Zachariae, R. (2024). The association between empathy and burnout in medical students: A systematic review and meta-analysis. *BMC Medical Education*, 24, 640. <https://doi.org/10.1186/s12909-024-05625-6>

Colonnello, V., Castellano, P., Mazzetti, M., & Russo, P. M. (2024). Specific emotion regulation difficulties mediate the relationship between personal distress and depressive symptoms in medical students. *Frontiers in Psychology*, 15, 1432318. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1432318> Frontiers

Contardi, A., Imperatori, C., Penzo, I., Del Gatto, C., & Farina, B. (2016). The association among difficulties in emotion regulation, hostility, and empathy in a sample of young Italian adults. *Frontiers in Psychology*, 7, 1068. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01068> researchgate.net

Cuff, B. M. P., Brown, S. J., Taylor, L., & Howat, D. J. (2016). Empathy: A review of the concept. *Emotion Review*, 8(2), 144–153. <https://doi.org/10.1177/1754073914558466>

Davis, M. H. (1983). Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(1), 113–126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>

Decety, J., & Cowell, J. M. (2015). Empathy, justice, and moral behavior. *AJOB Neuroscience*, 6(3), 3–14. <https://doi.org/10.1080/21507740.2015.1047055>

Decety, J., & Jackson, P. L. (2006). A social-neuroscience perspective on empathy. *Current Directions in Psychological Science*, 15(2), 54–58. <https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2006.00406.x>

Geiger, E. J., Pruessner, L., Barnow, S., & Joormann, J. (2024). Empathy is associated with interpersonal emotion regulation goals in everyday life. *Emotion*, 24(4), 1092–1106. <https://doi.org/10.1037/emo0001332>

Gross, J. J. (2015). Emotion regulation: Current status and future prospects. *Psychological Inquiry*, 26(1), 1–26. <https://doi.org/10.1080/1047840X.2014.940781>

Hu, T., Zhang, D., Wang, J., Mistry, R., Ran, G., & Wang, X. (2014). Relation between emotion regulation and mental health: A meta-analysis review. *Psychological Reports*, 114(2), 341–362. <https://doi.org/10.2466/03.20.PR0.114k22w4>

Kaya C., Tansey N.N., Melekoglu M., Cakiroglu O., Chan F. (2017). Psychometric evaluation of Turkish version of the Perceived Stress Scale with Turkish college students. *Journal of Mental Health*. 1-7.

Lockwood, P. L., Seara-Cardoso, A., & Viding, E. (2014). Emotion regulation moderates the association between empathy and prosocial behavior. *PLOS ONE*, 9(5), e96555. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0096555>

org/10.1371/journal.pone.0096555

Matthews, M., Webb, T. L., Shafir, R., Snow, M., & Sheppes, G. (2021). Identifying the determinants of emotion regulation choice: A systematic review with meta-analysis. *Cognition and Emotion*, 35(6), 1056–1084. <https://doi.org/10.1080/02699931.2021.1945538>

Ochsner, K. N. (2013). The role of control in emotion, emotion regulation, and empathy. In D. Hermans, B. Rimé, & B. Mesquita (Eds.), *Changing emotions* (pp. 157–165). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203075630-27>

Pang, C., Li, W., Zhou, Y., Gao, T., & Han, S. (2023). Are women more empathetic than men? Questionnaire and EEG estimations of sex/gender differences in empathic ability. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 18(1), nsad008. <https://doi.org/10.1093/scan/nsad008>

Powell, P. A. (2018). Individual differences in emotion regulation moderate the associations between empathy and affective distress. *Motivation and Emotion*, 42(4), 602–613. <https://doi.org/10.1007/s11031-018-9684-4>

Reniers, R. L. E. P., Corcoran, R., Drake, R., Shryane, N. M., & Völlm, B. A. (2010). The QCAE: A questionnaire of cognitive and affective empathy. *Journal of Personality Assessment*, 93(1), 84–95. <https://doi.org/10.1080/00223891.2010.528484>

Restubog, S. L. D., Ocampo, A. C. G., & Wang, L. (2020). Taking control amidst the chaos: Emotion regulation during the COVID-19 pandemic. *Journal of Vocational Behavior*, 119, 103440. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103440>

Salazar Kämpf, M. S., Adam, L., Rohr, M. K., Exner, C., & Wieck, C. (2023). A meta-analysis of the relationship between emotion regulation and social affect and cognition. *Clinical Psychological Science*, 11(6), 1115–1136. <https://doi.org/10.1177/21677026221149953>

Singer, T., & Klimecki, O. M. (2014). Empathy and compassion. *Current Biology*, 24(18), R875–R878. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2014.06.054>

Zabelina, D. L., & Robinson, M. D. (2010). Don't be so hard on yourself: Self-compassion facilitates creative originality among self-judgmental individuals. *Creativity Research Journal*, 22(3), 288–293. <https://doi.org/10.1080/10400419.2010.503538>

Zaki, J., & Ochsner, K. (2012). The neuroscience of empathy: Progress, pitfalls and promise. *Nature Neuroscience*, 15(5), 675–680. <https://doi.org/10.1038/nn.3085>

Белашева, И. В. (2015). Эмоциональная компетентность и психологическая устойчивость личности студентов вуза. *Мир науки, культуры, образования*, 2(51), 284–287.

Гаранина, Ж. Г., & Кулешова, Н. Е. (2022). Особенности эмоционального интеллекта и эмпатии студентов вуза. *Гуманитарные науки*, 1(57), 143–152.

Карягина, Т. Д., Будаговская, Н. А., & Дубровская, С. В. (2013). Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса. *Консультативная психология и психотерапия*, 21(1), 202–227.

Карягина, Т. Д., & Придачук, М. А. (2017). Эмпатически обусловленный дистресс и воз-

возможности его диагностики. *Консультативная психология и психотерапия*, 25(2), 8–38.

Окатова, М. А. (2021). Апробация русскоязычной версии опросника когнитивной и аффективной эмпатии (QCAE). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(4), 685–699. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-4-685-699>

Панкратова, А. А., & Корниенко, Д. С. (2017). Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса. *Вопросы психологии*, (5), 139–149.

УДК 159.972

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_31

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ДЕТЕРМИНАЦИИ СИМПТОМОВ КОМПУЛЬСИВНОГО ПЕРЕЕДАНИЯ У ЖЕНЩИН

А. САДУЕВА

Maqsut Narikbayev University, Высшая гуманитарная школа

a_saduyeba@kazguu.kz

Аннотация

Цель обзора – систематизировать данные о роли эмоциональной устойчивости в детерминации симптомов компульсивного переедания у женщин в контексте социокультурных факторов. На основе современной литературы рассмотрены: эпидемиология и клинико-социальное значение расстройств пищевого поведения, теоретические модели компульсивного и эмоционального переедания, влияние социокультурных стандартов женской внешности, норм питания и культурных сценариев, психологические предикторы (стресс, негативный аффект, перфекционизм, личностные черты, эмоциональный интеллект) и понятие резильентности. Особое внимание уделяется исследованиям, показывающим, что компульсивное переедание выступает дезадаптивной стратегией эмоционального совладания в условиях хронического стресса, стыда за тело и конфликтующих социальных ожиданий. Эмоциональная устойчивость (резильентность), измеряемая, в частности, с помощью Connor–Davidson Resilience Scale (CD-RISC-25), рассматривается как ресурс, позволяющий выдерживать социокультурное давление, перерабатывать негативный аффект и снижать вероятность использования еды как основного средства регуляции эмоций. Обсуждаются методологические подходы к изучению связи между социокультурными факторами, эмоциональной устойчивостью и симптомами компульсивного переедания, а также предлагается концептуальная модель, в которой резильентность выступает как прямой предиктор и модератор этих связей. Делается вывод о дефиците данных по странам Центральной Азии, включая Казахстан, и обосновывается необходимость эмпирических исследований женских выборок с учётом культурно специфичных норм питания и женской роли.

Ключевые слова: компульсивное переедание, эмоциональное переедание, эмоциональная устойчивость, резильентность, социокультурные факторы, женская внешность, нормы питания.

Abstract

The aim of this article is to provide a critical review of current research on the role of emotional resilience in determining binge-eating symptoms among women within a sociocultural framework. International data consistently show that eating disorders (EDs) rank among the most severe psychiatric conditions in terms of mortality and loss of healthy life years (Arcelus et al., 2011; Deloitte Access Economics, 2020; van Hoeken & Hoek, 2020). Global prevalence of EDs has markedly increased between 2000 and 2018 (Galmiche et al., 2019), while population-level data for Kazakhstan are lacking.

The first part of the paper outlines clinical and psychological characteristics of binge and emotional eating and the place of binge-eating disorder (BED) in contemporary diagnostic systems, drawing on the classic Binge Eating Scale (Gormally et al., 1982) and evidence-based clinical guidelines (Hilbert et al., 2017). The next section reviews sociocultural standards of female appearance, food norms and cultural scripts that increase the risk of disordered eating, including the role of thin-ideal internalization, body dissatisfaction and shame (Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018; Keel & Klump, 2003; Khayal & Ahmad, 2024; Plows et al., 2017; Tylka & Subich, 2004; Webb, 2000).

A further section examines psychological predictors of binge-eating symptoms in women, such as self-critical perfectionism, neuroticism, emotional dysregulation and emotional intelligence deficits, stress and negative affect (Izydorczyk, 2012; Izydorczyk, 2013; Rymarczyk, 2021; Webb, 2000). Emotional resilience is conceptualized in line with the Connor–Davidson Resilience Scale (Connor & Davidson, 2003) and sociocultural approaches to resilience that emphasize the importance of cultural and community resources (Clauss-Ehlers, 2008).

On the basis of this synthesis, an integrative conceptual model is proposed in which sociocultural factors (appearance standards, food norms, contemporary media influences), psychological characteristics (perfectionism, emotional vulnerability, shame) and emotional resilience jointly determine the severity of binge-eating symptoms in women. Emotional resilience is viewed as a resource directly associated with lower symptom severity and as a potential moderator that buffers the impact of sociocultural pressure on eating behavior. The article highlights the lack of empirical data from Central Asia and Kazakhstan and argues for quantitative studies in female samples using validated instruments (BES, CD-RISC-25) and culturally adapted questionnaires of sociocultural attitudes.

Keywords: binge eating, emotional eating, emotional resilience, resilience, sociocultural factors, female body image, food norms.

Аңдатпа

Бұл шолудың мақсаты – әйелдердегі компульсивті шамадан тыс тамақтану симптомдарының эмоционалдық тұрақтылықпен байланысын социомәдени контекстте жүйелеу. Заманауи әдебиет негізінде тамақтану бұзылыстарының эпидемиологиясы мен клиникалық-әлеуметтік маңызы, компульсивті және эмоционалдық артық тамақтанудың теориялық модельдері, әйел сыртқы келбетінің социомәдени стандарттары, тамақтану нормалары мен мәдени сценарийлердің әсері қарастырылады. Психологиялық предикторлар (стресс, негативті аффект, перфекционизм, тұлғалық қасиеттер, эмоционалдық интеллект) және резильенттілік ұғымы талданады. Бірқатар зерттеулер компульсивті артық тамақтануды созылмалы стресс, дене үшін ұят сезімі және қарама-қайшы әлеуметтік күтулер жағдайында эмоционалдық күресудің дезадаптивті стратегиясы ретінде сипаттайды. Connor–Davidson Resilience Scale (CD-RISC-25) арқылы өлшенетін эмоционалдық тұрақтылық социомәдени қысымға төзуді, негативті аффектті қайта өңдеуді және эмоцияларды реттеудің негізгі құралы ретінде тамақты қолдану ықтималдығын төмендететін ресурс ретінде қарастырылады. Социомәдени факторлар, эмоционалдық тұрақтылық және компульсивті артық тамақтану симптомдары арасындағы байланыстарды зерттеудің әдістемелік тәсілдері мен резильенттіліктің тікелей предиктор және модератор ретіндегі рөлі сипатталған концептуалдық модель ұсынылады. Орталық Азия елдерінде, соның ішінде Қазақстанда, эмпирикалық деректердің тапшылығы атап өтіліп, әйелдер таңдаулары негізінде мәдениетке сезімтал зерттеулер жүргізу қажеттігі негізделеді.

Түйін сөздер: компульсивті артық тамақтану, эмоционалдық артық тамақтану, эмоционалдық тұрақтылық, резильенттілік, социомәдени факторлар, әйел сыртқы келбеті, тамақтану нормалары.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования является взаимосвязь между социокультурными установками, связанными с женской внешностью и нормами питания, эмоциональной устойчивостью и симптомами компульсивного переедания у женщин в Казахстане. Особое внимание уделяется тому, как социокультурное давление и культурно обусловленные представления о «правильном» теле и питании сочетаются с индивидуальными ресурсами резильентности и в совокупности детерминируют выраженность симптомов компульсивного переедания.

ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи — на основе анализа отечественных и зарубежных исследований теоретически обосновать модель, в которой социокультурное давление и эмоциональная устойчивость совместно определяют риск компульсивного переедания у женщин, и обозначить основания для последующего эмпирического исследования в казахстанском контексте.

В рамках этой общей цели ставятся следующие задачи:

1. Проанализировать современные концептуальные и эмпирические модели компульсивного переедания и других расстройств пищевого поведения, с акцентом на роли стресса, стыда, социального сравнения и эмоционального совладания (например, Davis, 2013; Hilbert, Hoek, & Schmidt, 2017; Webb, 2000).
2. Рассмотреть исследования, описывающие влияние социокультурных стандартов женской внешности, норм питания и медиа-контента на риск нездорового пищевого поведения, включая данные по европейским, южноазиатским и постсоветским выборкам (Keel & Klump, 2003; Tylka & Subich, 2004; Lzydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018;

Khayal & Ahmad, 2024; Pilecki, Sałapa, & Józefik, 2016).

3. Обобщить подходы к пониманию эмоциональной устойчивости (резильентности) и её роли как защитного фактора в условиях хронического стресса и социокультурного давления (Connor & Davidson, 2003; Clauss-Ehlers, 2008).

4. Систематизировать данные о взаимосвязях между социокультурным давлением, эмоциональной устойчивостью и различными формами дезадаптивного пищевого поведения, с особым акцентом на компульсивное переедание и эмоциональное переедание у женщин (например, Constant et al., 2023; Lzydorczyk, 2012, 2013).

5. Обозначить пробелы в существующей литературе, связанные с отсутствием данных по странам Центральной Азии и Казахстану, и на этой основе сформулировать концептуальную модель и гипотезы для последующего количественного исследования с использованием шкал BES, CD-RISC-25 и авторского опросника социокультурных установок.

МЕТОДОЛОГИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Методологическую основу статьи составляет теоретико-аналитический обзор научной литературы, направленный на интеграцию данных о социокультурных факторах, эмоциональной устойчивости и компульсивном переедании у женщин. Анализ строится на нескольких блоках источников:

- эпидемиологические и обзорные работы по распространённости и бремени расстройств пищевого поведения в мире (Deloitte Access Economics, 2020; Galmiche, Déchelotte, Lambert, & Tavolacci, 2019; van Hoeken & Hoek, 2020);
- исследования, описывающие социокультурные модели РПП, роль медиа

и стандартов внешности, а также нормы питания и контроля над едой (Keel & Klump, 2003; Tylka & Subich, 2004; Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018; Plows et al., 2017; Khayal & Ahmad, 2024; Pilecki et al., 2016; Webb, 2000);

- работы, посвящённые компульсивному и эмоциональному перееданию, личностным факторам риска и связи переедания со стрессом и эмоциональной регуляцией (Gormally, Black, Daston, & Rardin, 1982; Davis, 2013; Elfhag & Morey, 2008; Constant et al., 2023; Izydorczyk, 2012, 2013);
- концептуальные и эмпирические исследования резильентности и её социокультурных детерминант (Connor & Davidson, 2003; Clauss-Ehlers, 2008);
- работы, отражающие специфику постсоветского и российского контекста в изучении РПП и связанных психологических факторов (например, Лифинцева, Новикова, Караваева, & Фомичева, 2019; Вельш, 2022).

Поиск источников осуществлялся в международных и региональных базах данных (например, PubMed, PsycINFO, Web of Science, РИНЦ) с приоритетом статей, опубликованных преимущественно после 2000 года, а для базовых инструментов и методологических работ — классических публикаций (Gormally et al., 1982; Connor & Davidson, 2003). В обзор включались рецензируемые эмпирические исследования, систематические обзоры и мета-анализы, а также клинические и методологические рекомендации.

Метод анализа включал:

- сопоставление теоретических моделей и эмпирических данных о связи социокультурных факторов, резильентности и компульсивного переедания;
- выделение согласованных и противоречивых результатов, связанных с

ролью эмоциональной устойчивости как защитного фактора;

- оценку того, в какой мере существующие модели учитывают культурный контекст и позволяют быть перенесёнными на казахстанскую реальность;
- поэтапное построение интегративной концептуальной модели, в которой социокультурное давление рассматривается как контекстуальный риск, эмоциональная устойчивость — как ресурс и модератор, а симптомы компульсивного переедания — как поведенческий исход.

Таким образом, методология теоретического анализа направлена не только на суммирование существующих данных, но и на формирование обоснованного концептуального каркаса для последующего количественного исследования среди женщин в Казахстане с использованием валидированных шкал BES и CD-RISC-25, а также культурно чувствительного авторского опросника социокультурных установок.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ

Международные данные показывают, что расстройства пищевого поведения затрагивают миллионы людей и сопровождаются значительной смертностью, инвалидизацией и экономическими издержками. По оценке Deloitte Access Economics (2020), около 9 % населения США (примерно 30 млн человек) в течение жизни сталкиваются с расстройством пищевого поведения, а совокупная распространённость РПП составляет 8,60 % среди женщин и 4,07 % среди мужчин. РПП относятся к числу психических расстройств с наиболее высокой смертностью, уступая только опиоидной зависимости (Arcelus et al., 2011). Обзор бремени РПП показывает, что эти расстройства ответственны более чем за 3,3 млн потерянных

лет здоровой жизни ежегодно вследствие смертности и инвалидизации (van Hoeken & Hoek, 2020).

Систематический обзор Galmiche и соавторов (2019) продемонстрировал, что глобальная распространённость РПП в общей популяции увеличилась примерно с 3,5 % до 7,8 % в период с 2000 по 2018 годы. При этом во многих странах остаются существенные диагностические «белые пятна»: люди с избыточной массой тела и выраженными симптомами переедания получают диагноз РПП существенно реже, чем лица с нормальным или пониженным ИМТ, несмотря на более высокий риск дезадаптивного поведения (см. обсуждение стигмы веса в: Flament et al., 2015). Для Казахстана на данный момент отсутствуют массовые эпидемиологические исследования, позволяющие оценить распространённость РПП и, в частности, компульсивного переедания в женской популяции.

На фоне роста интереса к РПП в литературе всё больше внимания уделяется не только факторам риска, но и защитным механизмам – в частности, эмоциональной устойчивости (resilience), понимаемой как способность выдерживать стресс и восстанавливаться после неблагоприятных событий без ухода в дезадаптивные стратегии совладания (Connor & Davidson, 2003; Clauss-Ehlers, 2008). При этом компульсивное переедание всё чаще рассматривается как одна из форм дезадаптивной эмоциональной регуляции.

Цель настоящего обзора – критически обобщить данные о роли эмоциональной устойчивости в детерминации симптомов компульсивного переедания у женщин с акцентом на социокультурный контекст и потенциальную релевантность этих выводов для Казахстана. Для достижения этой цели последовательно рассматриваются:

1. клинико-психологические характеристики компульсивного и эмоционально-

го переедания;

2. влияние социокультурных стандартов женской внешности, норм питания и современных медийных влияний;

3. психологические предикторы компульсивного переедания у женщин;

4. концепции эмоциональной устойчивости и резильентности;

5. интегративная модель, связывающая указанные уровни анализа.

2. КОМПУЛЬСИВНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПЕРЕЕДАНИЕ: КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

2.1. Компульсивное переедание и его место в классификации РПП.

В современных диагностических системах расстройство компульсивного переедания (binge-eating disorder, BED) выделено как самостоятельная нозологическая единица, отличающаяся от булимии nervosa отсутствием систематического компенсаторного поведения (Hilbert et al., 2017). Ключевыми признаками являются повторяющиеся эпизоды потребления большого количества пищи за ограниченный промежуток времени, сопровождающиеся субъективным ощущением потери контроля, а также выраженный дистресс и чувство вины после эпизода.

Классическая Binge Eating Scale (BES) разработана Gormally и соавторами (1982) для оценки тяжести симптомов компульсивного переедания, включая поведенческие (частота и объём эпизодов) и аффективно-когнитивные компоненты (ощущение потери контроля, стыд, самокритика). Шкала продемонстрировала хорошую внутреннюю согласованность и валидность как в клинических, так и в неклинических выборках, в том числе среди женщин с ожирением (Gormally et al., 1982; Hilbert et al., 2017).

Важно, что компульсивное переедание существует на континууме – от редких эпизодов переедания с умеренным дистрессом до тяжёлых клинических форм BED. Даже субклинические формы компульсивного переедания у женщин связаны с повышенным уровнем психологического дистресса, ухудшением качества жизни и повышенным риском депрессивных и тревожных расстройств (Hilbert et al., 2017).

2.2. Эмоциональное переедание как стратегия совладания.

Эмоциональное переедание в современной литературе рассматривается как специфическая форма дезадаптивного эмоционального совладания, при которой еда используется не для удовлетворения физиологического голода, а для регуляции внутреннего напряжения и негативного аффекта. Пища в таком контексте становится своеобразным «быстрым регулятором», способном временно снизить тревогу, стыд, грусть, одиночество или чувство несоответствия ожиданиям окружающих, а также заглушить навязчивый самокритичный внутренний диалог (Webb, 2000). В клинических и неклинических выборках показано, что склонность к эмоциональному перееданию чаще встречается у женщин и ассоциируется с хроническим стрессом, неудовлетворённостью телом, повышенной чувствительностью к социальной оценке и дефицитами адаптивной эмоциональной регуляции (Plows et al., 2017; Webb, 2000). При этом эмоциональное переедание нередко поддерживается социальными нормами и сценариями «поощрения через еду» (например, «утешить себя сладким после тяжёлого дня»), что дополнительно закрепляет связь между негативным аффектом и импульсивным приёмом пищи.

Концепция эмоционального переедания тесно пересекается с феноменом компульсивного переедания. Эпизоды «за-

поя в еде», которые описывают женщины с выраженными симптомами компульсивного переедания, часто запускаются не физиологическим голодом, а именно эмоциональными триггерами, межличностными конфликтами, ощущением неуспеха, стыда за внешний вид или «провал» диеты, ощущением одиночества и внутренней пустоты. В таких эпизодах женщина переживает субъективную потерю контроля над количеством и скоростью приёма пищи, после чего испытывает вину, стыд и усиливающуюся самокритику, что, в свою очередь, может приводить к повторным эпизодам переедания и закреплению порочного круга (Gormally et al., 1982; Keski-Rahkonen, 2021). В этом смысле компульсивное переедание у значительной части женщин можно рассматривать как устойчивую дезадаптивную стратегию эмоционального совладания, при которой еда становится центральным инструментом регуляции аффекта в условиях дефицита более конструктивных способов справиться со стрессом и сложными переживаниями (Izydorczyk, 2012; Izydorczyk et al., 2019).

Ряд исследований подчёркивает, что эмоциональное переедание формируется и поддерживается на пересечении индивидуальных и социокультурных факторов: личностной уязвимости, перфекционизма, сложности в осознании и выражении эмоций, а также интериоризации норм, согласно которым женщина должна «держаться в руках», выглядеть определённым образом и не демонстрировать «слабость» (Hilbert et al., 2017; Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018). В условиях хронического стресса, социальной сравнимости и высокой значимости внешности эмоциональное переедание может восприниматься как доступный и социально приемлемый, но долгосрочно дезадаптивный способ переживания трудных состояний. Это делает связь между эмоциональным и компульсивным перееданием ключевым объектом исследования: именно через

призму функций еды как средства регуляции аффекта становится понятнее, почему часть женщин переходит от эпизодического эмоционального переедания к устойчивому паттерну компульсивного поведения, сопровождающемуся выраженным субъективным дистрессом и ухудшением качества жизни (Constant et al., 2023; Hernández-Florez et al., 2023).

3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПУЛЬСИВНОГО ПЕРЕЕДАНИЯ

3.1. Социокультурные стандарты женской внешности и образ тела.

Влияние социокультурных стандартов женской внешности на формирование расстройств пищевого поведения подробно рассматривается в работе Р. Keel и К. Klump (2003), где авторы поднимают вопрос о том, являются ли расстройства пищевого поведения «культурно связанной» патологией. На материале кросс-культурных данных они показывают, что по мере распространения западных медийных образов, акцентирующих худобу, контроль над телом и «успешность» через внешний вид, возрастает частота анорексии, булимии и симптомов нарушенного пищевого поведения в разных регионах мира (Keel & Klump, 2003). Особенно подчёркивается, что риск РПП увеличивается там, где идеал стройности начинает противоречить традиционным телесным и гендерным нормам, создавая хроническое ощущение несоответствия и усиливая давление на женщин.

Исследования В. Izydorczyk и К. Sitnik-Warchulska (2018), опирающиеся на адаптацию опросника Sociocultural Attitudes Toward Appearance Questionnaire, демонстрируют, что интериоризация медийного идеала стройности и воспринимаемое давление со стороны медиа, семьи, партнёров и сверстников являются значимыми факторами риска для развития

неудовлетворённости телом и нездоровых пищевых паттернов у подростков и женщин разных возрастов. Высокие уровни интериоризации идеала и ощущаемого давления оказываются связаны с более выраженной тревогой по поводу веса, диетическим поведением, стремлением к постоянному контролю за телом и использованием ограничительных или компенсаторных стратегий (Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018). Эти результаты согласуются с более широкими кросс-культурными данными, показывающими, что усиление медийного и социального акцента на внешности сопровождается ростом неудовлетворённости телом и симптомов расстройств пищевого поведения в различных социокультурных контекстах (например, Pilecki et al., 2016).

Таким образом, социокультурные стандарты женской внешности воздействуют прежде всего на аффективно-когнитивный уровень образа тела: формируют завышенные и нередко внутренне недостижимые требования к внешности, усиливают тенденцию к социальному сравнению и способствуют хронизации недовольства своим телом. В условиях постоянного несоответствия идеалу повышается вероятность обращения к дезадаптивным стратегиям питания, жёстким ограничениям, «чёрно-белому» диетическому мышлению и эпизодам переедания, сопровождающимся чувством вины и стыда (Keel & Klump, 2003; Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018). Для настоящего исследования это критично, поскольку именно интериоризация идеала внешности и переживаемое социокультурное давление рассматриваются как ключевые контекстуальные предикторы риска компульсивного переедания у женщин.

3.2. Нормы питания, культура диет и стыд за еду.

Tylka и Subich (2004), рассматривая многомерную модель симптоматики РПП у студенток, показывают, что интериоризация медийного идеала и социальное сравнение связаны с диетическим поведением и паттернами переедания через посредство неудовлетворённости телом и негативного аффекта. Нормы питания и контроль над едой, навязанные культурой «диет» и «правильного» питания, формируют когнитивные схемы, в которых нарушение диеты воспринимается как личная неудача, вызывая стыд и самокритику, что, в свою очередь, может усиливать эпизоды компульсивного переедания (Tylka & Subich, 2004).

Plows и соавторы (2017), анализируя связи между установками к «здоровому питанию», групповыми нормами и идентичностью, отмечают, что нормы питания часто встроены в социальную идентичность (например, «правильная девушка следит за фигурой», «хорошая мать правильно кормит семью»). Нарушение этих норм может вызывать интенсивный стыд и чувство несоответствия, что увеличивает риск дезадаптивного питания, включая эпизоды переедания на фоне переживаний (Plows et al., 2017).

3.3. Современные медийные влияния и кросс-культурный контекст.

В работе Khayal и Ahmad (2024), посвящённой социокультурным факторам переедания у подростков, подчёркивается роль социальных сетей, блогеров и медийных нарративов успеха, в которых стройность и «идеальное тело» рассматриваются как условие социальной привлекательности и принятия. Авторы отмечают, что подростки и молодые женщины оказываются под двойным давлением: с одной стороны – ожидания семьи и традиционной культуры, с другой – глобальные стандарты привлекательности и успешности, транслируемые через цифровые медиа (Khayal &

Ahmad, 2024).

Кросс-культурные исследования в странах Восточной и Центральной Европы также демонстрируют рост симптомов РПП по мере усиления вестернизации и изменения гендерных ролей (Pilecki et al., 2016; Rymarczyk, 2021). В то же время авторы подчёркивают, что РПП не являются исключительно «западным» феноменом: они наблюдаются в различных культурных контекстах, но формы проявления, субъективное значение тела и питания, а также доступность помощи зависят от локальных норм и структур неравенства.

Для Казахстана, где традиционные представления о гостеприимстве и женской роли сочетаются с активным влиянием глобальных медиа, можно предположить аналогичный конфликт норм, однако эмпирические данные по этому вопросу практически отсутствуют.

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ КОМПУЛЬСИВНОГО ПЕРЕЕДАНИЯ У ЖЕНЩИН

4.1. Перфекционизм, самокритика и негативный аффект.

Психологические исследования указывают на важную роль перфекционизма и самокритики в формировании и поддержании РПП. В ряде работ показано, что самокритичный перфекционизм (ориентация на высокие стандарты, сопряжённая с жёсткой самооценкой и страхом неудачи) связан с более выраженной симптоматикой РПП и эмоционального дистресса (Tylka & Subich, 2004).

В польских исследованиях Izydorczyk (2012, 2013), посвящённых женщинам с психогенным компульсивным перееданием, выявлено сочетание повышенного уровня нейротизма, тревожности и неудовлетворённости телом с выраженными нарушениями пищевого поведения.

ния. Авторы отмечают, что эти женщины характеризуются более высоким уровнем внутренней напряжённости, самокритики и склонности использовать еду для снятия эмоционального напряжения (Izydorczyk, 2012; Izydorczyk, 2013).

Таким образом, перфекционизм и самокритика могут создавать фон хронического стресса и негативного аффекта, на котором эпизоды переедания выступают как попытка быстро снизить напряжение.

4.2. Личностные черты и эмоциональная регуляция.

Работы, посвящённые личностным коррелятам ожирения и расстройств пищевого поведения, показывают, что эмоциональное и компульсивное переедание тесно связаны с высоким уровнем нейротизма, импульсивности и низкой самодисциплины. В клинических выборках женщины с ожирением и выраженными эпизодами переедания чаще демонстрируют повышенную эмоциональную реактивность, трудности в выдерживании неприятных чувств и склонность к импульсивным решениям «здесь и сейчас», когда еда используется как быстрый способ уменьшить внутреннее напряжение, а не как ответ на физиологический голод (Webb, 2000; Elfhag & Morey, 2008). В такой конфигурации личностных черт пищевое поведение становится частью более широкой паттерна эмоциональной дисрегуляции: человек хуже переносит тревогу, стыд или одиночество и быстрее «сдаётся» в пользу моментального облегчения ценой долгосрочных последствий для веса и здоровья.

Исследование К. Rymarczyk (2021), посвящённое синдрому «готовности к анорексии» у женщин, дополняет эту картину, показывая, что сочетание повышенного нейротизма, перфекционизма и сильного давления социокультурных стандартов формирует специфический профиль уязвимости. Такой профиль

может проявляться как в рестриктивных, так и в переедающих паттернах: часть женщин уходит в жёсткий контроль, диеты и ограничение, другая — в циклы переедания, чувства вины и последующих компенсаторных попыток «взять себя в руки» (Rymarczyk, 2021). Эти данные подчёркивают, что личностные черты и способы эмоциональной регуляции не только усиливают общий риск расстройств пищевого поведения, но и во многом определяют, какая именно форма симптоматики (ограничительная, компульсивно-переедающая или смешанная) будет преобладать. Для моего исследования это важно, потому что на этом фоне эмоциональная устойчивость рассматривается как потенциальный ресурс, способный смягчить влияние нейротизма и социокультурного давления на выбор дезадаптивных стратегий, в том числе компульсивного переедания.

4.3. Стыд, социальное сравнение и психический дистресс.

Исследование С. Webb (2000), посвящённое психологическому дистрессу при ожирении, подчёркивает, что центральную роль в поддержании дезадаптивного пищевого поведения играют переживания стыда и социального сравнения. Женщины с ожирением и выраженными переедающими паттернами, по данным автора, склонны постоянно сопоставлять своё тело и «успешность» с окружающими, чаще занимая позицию «я хуже, чем другие», «я не соответствую норме» (Webb, 2000). Такое хроническое социальное сравнение сопровождается интенсивным телесным стыдом, чувством собственной дефективности, ожиданием осуждения и отвержения. В этой эмоциональной среде еда начинает выполнять функцию краткосрочного облегчения: эпизоды переедания позволяют на время «отключиться» от самокритичных мыслей и переживаемого стыда, но затем приводят к новому витку самоуничижения и вины, замыкая

порочный круг (Webb, 2000).

В совокупности результаты Webb (2000) и других исследований по эмоциональному и компульсивному перееданию позволяют рассматривать компульсивное переедание у женщин как специфическую форму дезадаптивного эмоционального совладания, сформированную на пересечении нескольких уровней риска. На макроуровне действует социокультурное давление, задающее жёсткие стандарты женской внешности и «правильного» питания; на личностном уровне уязвимость, связанная с нейротизмом, перфекционизмом и высокой чувствительностью к оценке; на уровне регуляции дефициты навыков управления эмоциями и склонность к импульсивным стратегиям. Хронический дистресс, стыд и социальное сравнение становятся триггерами эпизодов переедания, а пищевое поведение средством регуляции аффекта, пусть и ценой долгосрочного ухудшения физического и психологического состояния. Для настоящего исследования это принципиально важно, поскольку позволяет концептуализировать компульсивное переедание не только как симптом РПП, но и как индикатор неудачной эмоциональной регуляции в условиях сильного социокультурного давления.

5. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ (RESILIENCE) И ЕЁ РОЛЬ В КОНТЕКСТЕ РПП

5.1. Концепция резильентности и её измерение.

Connor и Davidson (2003) определяют резильентность как личностную характеристику, отражающую способность человека адаптироваться к стрессу, сохранять функциональность и восстанавливаться после травматических или неблагоприятных событий. В их понимании устойчивость включает не только «выдерживание» нагрузки, но и активное преодоление последствий стресса с со-

хранением чувства контроля и смысла. Для операционализации этого конструкта авторы разработали Connor–Davidson Resilience Scale (CD-RISC), включающую 25 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале Лайкерта. Пункты шкалы отражают разные аспекты устойчивости: уверенность в собственной способности справляться с трудностями, гибкость мышления, терпимость к неопределённости, ощущение опоры на прошлый опыт преодоления кризисов и, частично, духовные/экзистенциальные ресурсы (Connor & Davidson, 2003). CD-RISC-25 продемонстрировала хорошую внутреннюю согласованность и конструктивную валидность в клинических и неклинических выборках, в том числе у пациентов с тревожными и депрессивными расстройствами, что делает её одним из наиболее распространённых инструментов измерения эмоциональной устойчивости в современной исследовательской практике (Connor & Davidson, 2003).

Современные подходы подчёркивают, что резильентность нельзя рассматривать исключительно как фиксированную черту личности; гораздо более корректно понимать её как динамический процесс, зависящий от контекста и доступных ресурсов. На уровень эмоциональной устойчивости влияют качество социальной поддержки, экономические и образовательные возможности, культурные и семейные нормы, а также доступ к психологическим и медицинским ресурсам. В этом смысле эмоциональная устойчивость – это не просто «твёрдость характера» или индивидуальная сила воли, а способность мобилизовать и использовать доступные индивидуальные (когнитивные навыки, стратегии регуляции эмоций, опыт преодоления трудностей) и коллективные ресурсы (семья, сообщество, культурные практики) для совладания со стрессом. Для настоящего исследования это особенно важно, поскольку CD-RISC-25 позволяет количественно зафиксировать ва-

риации эмоциональной устойчивости у женщин в Казахстане и рассмотреть, как этот ресурс соотносится с симптомами компульсивного переедания и воздействием социокультурного давления в сфере внешности и питания.

5.2. Социокультурный взгляд на резильентность.

Clauss-Ehlers (2008), анализируя резильентность в контексте культурного разнообразия и миграции, подчёркивает, что устойчивость личности формируется не только за счёт внутренних качеств, но и на пересечении индивидуальных, семейных и социокультурных ресурсов. Социокультурная резильентность включает ощущение принадлежности к значимому сообществу, доступ к поддерживающим социальным сетям, наличие ролевых моделей, а также возможность опираться на культурные практики, ценности и нарративы, которые помогают придавать смысл трудному опыту и переживаемым вызовам (Clauss-Ehlers, 2008). В этой перспективе устойчивость — это не просто «личная сила», а динамическое взаимодействие между человеком и его средой, где ресурсы и риски распределены неравномерно.

Для женщин в патриархальных и переходных обществах (к которым во многом относятся и постсоветские контексты) это означает, что эмоциональная устойчивость может одновременно и поддерживаться, и подрываться самим социокультурным окружением. С одной стороны, семейная сплочённость, религиозные и духовные практики, общинная взаимопомощь и ценность взаимной заботы могут выступать мощными ресурсами резильентности, помогая женщинам справляться с хроническим стрессом, экономическими трудностями и социальными изменениями. С другой стороны, жёсткие гендерные роли, ожидания самопожертвования, стигма вокруг психических трудностей, давление соответствовать идеалам «хорошей

жены», «идеальной матери» и одновременно «успешной современной женщины» создают дополнительную нагрузку и могут снижать субъективное ощущение контроля и эффективности.

В таких условиях уровень резильентности нельзя рассматривать изолированно от структурных ограничений и культурных сценариев. Женщина может обладать высокими личностными ресурсами (самоэффективность, оптимизм, гибкость), но постоянно сталкиваться с системными барьерами и противоречивыми требованиями, которые истощают её эмоциональные запасы. Для настоящего исследования это принципиально важно: эмоциональная устойчивость в казахстанском контексте должна пониматься не только как индивидуальная черта, измеряемая по CD-RISC-25 (Connor & Davidson, 2003), но и как феномен, встроенный в конкретную социокультурную реальность, где те же источники поддержки (семья, сообщество, культурные нормы) могут одновременно быть и источниками давления, в том числе в сфере внешности, питания и женских социальных ролей.

5.3. Резильентность, стресс и пищевое поведение.

Хотя прямых исследований связи эмоциональной устойчивости и компульсивного переедания пока немного, косвенные данные позволяют предположить защитную роль резильентности. Более высокий уровень резильентности ассоциируется с меньшей выраженностью депрессии и тревоги, более адаптивными стратегиями эмоциональной регуляции и меньшей склонностью к дезадаптивным стратегиям совладания, таким как злоупотребление психоактивными веществами или избегающее поведение (Connor & Davidson, 2003; Clauss-Ehlers, 2008).

Учитывая, что компульсивное и эмоциональное переедание часто выполняют функцию «быстрого» купирования не-

гитивного аффекта, логично предположить, что высокий уровень эмоциональной устойчивости снижает вероятность использования еды как основного средства регулирования эмоций. Напротив, низкая резильентность в сочетании с высоким социокультурным давлением и психологической уязвимостью может усиливать риск формирования компульсивных паттернов питания.

Для женской популяции Казахстана, где сочетаются традиционные нормы женской роли и современные требования продуктивности, привлекательности и «самодисциплины», изучение эмоциональной устойчивости как буферного фактора между социокультурным давлением и симптомами компульсивного переедания представляется особенно актуальным.

6. ИНТЕГРАТИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

На основе рассмотренной литературы можно предложить интегративную модель, включающую три уровня:

1. Социокультурный уровень.

а. стандарты женской внешности и идеала тела (Keel & Klump, 2003; Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018);

б. нормы питания, культура диет и ожидания контроля над едой (Plows et al., 2017; Tyłka & Subich, 2004);

с. влияние медиа и социальных сетей, формирующих образ «идеальной женщины» и «правильного питания» (Khayal & Ahmad, 2024).

2. Психологический уровень уязвимости.

а. самокритичный перфекционизм и жёсткие внутренние стандарты (Tyłka & Subich, 2004);

б. черты личности (нейротизм, импульсивность, низкая самодисциплина) (Izydorczyk, 2012, 2013; Webb, 2000);

с. дефициты эмоциональной регуляции, низкий эмоциональный интеллект, склонность к стыду и социальному сравнению (Plows et al., 2017; Webb, 2000; Rymarczyk, 2021).

3. Ресурсный уровень – эмоциональная устойчивость.

а. общий уровень резильентности, измеряемый с помощью CD-RISC-25 (Connor & Davidson, 2003);

б. социокультурные и семейные ресурсы, поддерживающие способность выдерживать стресс (Clauss-Ehlers, 2008).

В рамках этой модели социокультурные факторы создают фон повышенных требований к внешности, питанию и женской роли. Психологические особенности определяют, насколько женщина уязвима к этому давлению и к каким стратегиям совладания она склонна. Эмоциональная устойчивость в таком подходе рассматривается, с одной стороны, как прямой предиктор, связанный с меньшей выраженностью симптомов компульсивного переедания, а с другой как модератор, который ослабляет связь между социокультурным давлением и компульсивным перееданием, снижая вероятность обращения к еде как к основной стратегии эмоционального совладания.

Иными словами, при высоком уровне социокультурного давления и неблагоприятном психологическом профиле (перфекционизм, нейротизм, дефициты эмоциональной регуляции) низкая эмоциональная устойчивость будет способствовать формированию компульсивных паттернов переедания. Напротив, высокий уровень резильентности может снижать вероятность использования еды как основной стратегии совладания с эмоциональным дистрессом, даже при наличии ощутимого социокультурного давления.

7. ОГРАНИЧЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ

ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Обзор показывает, что большинство исследований по компульсивному перееданию, социокультурным факторам и эмоциональной устойчивости проводилось в Северной Америке и Европе, а также в отдельных странах Восточной Европы и Южной Азии (Izydorczyk & Sitnik-Warchulska, 2018). Для Казахстана и стран Центральной Азии отсутствуют систематические эпидемиологические данные по РПП, а также количественные исследования, изучающие связь между социокультурными установками, эмоциональной устойчивостью и симптомами компульсивного переедания у женщин.

К ограничениям существующей литературы относятся несколько важных моментов. Во-первых, преобладают поперечные опросные дизайны, что существенно затрудняет формулирование выводов о причинно-следственных связях между социокультурными факторами, психологическими характеристиками и симптомами компульсивного переедания. Во-вторых, большинство исследований опирается на самоотчетные методы в темах, чувствительных к стыду и социальной желательности, поэтому существует риск искажения ответов и недооценки реальной выраженности симптомов. В-третьих, инструменты, изначально разработанные в западных контекстах, далеко не всегда проходят полноценную культурную адаптацию и валидацию при применении в других странах, что ограничивает обобщаемость результатов. Наконец, в имеющихся моделях сравнительно редко одновременно учитываются не только факторы риска, но и защитные факторы, такие как резильентность, в сочетании с социокультурными предикторами, из-за чего потенциальная буферная роль эмоциональной устойчивости остается изученной недостаточно полно.

Для казахстанского контекста перспективным направлением видится прове-

дение количественных исследований с использованием BES (Gormally et al., 1982), CD-RISC-25 (Connor & Davidson, 2003) и авторских или адаптированных опросников социокультурных установок, отражающих специфическое сочетание традиционных норм (гостеприимство, роль женщины в семье) и современных медийных идеалов. Такие исследования позволят, во-первых, оценить распространенность симптомов компульсивного переедания у женщин в конкретном культурном контексте. Во-вторых, на их основе можно будет описать профиль социокультурного давления и психологической уязвимости, то есть понять, какие именно установки, ожидания и переживания чаще всего сопровождают нездоровые пищевые паттерны. В-третьих, они дают возможность эмпирически проверить роль эмоциональной устойчивости как защитного фактора и модератора, показывающего, в какой мере резильентность способна смягчать влияние социокультурного стресса на выраженность симптомов компульсивного переедания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расстройства пищевого поведения, включая расстройство компульсивного переедания, представляют собой серьезную клинико-социальную проблему с высокой смертностью, значительной потерей «здоровых лет жизни» и тяжёлым психологическим дистрессом (Arcelus et al., 2011). Глобальная распространенность РПП растёт (Galmiche et al., 2019), а данные по Казахстану в настоящий момент отсутствуют.

Обзор литературы показывает, что компульсивное и эмоциональное переедание у женщин формируются на пересечении социокультурных факторов (стандарты внешности, нормы питания, медийные влияния), психологической уязвимости (перфекционизм, нейротизм, стыд, дефициты эмоциональной регуляции) и ресурсных характеристик,

в первую очередь эмоциональной устойчивости (Connor & Davidson, 2003).

Эмоциональная устойчивость в этой модели выступает как потенциальный защитный фактор и модератор: более высокий ее уровень связан с меньшей выраженностью психологического дистресса и дезадаптивного совладания и, вероятно, снижает вероятность использования еды как основного средства регуляции эмоций. Напротив, низкая резильентность в сочетании с сильным социокультурным давлением и психологической уязвимостью может способствовать закреплению компульсивных паттернов переживания.

Для Казахстана данная тематика особенно актуальна в связи с сочетанием традиционных норм женской роли, культурой обильных застолий и усиливающимся влиянием глобальных медиа, транслирующих идеал худобы, продуктивности и жесткого самоконтроля. Это обосновывает необходимость эмпирических количественных исследований женских выборок с использованием валидированных инструментов (BES, CD-RISC-25) и культурно чувствительных опросников социокультурных установок, а также разработки профилактических и консультативных программ, направленных одновременно на снижение социокультурного риска и укрепление эмоциональной устойчивости женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Arcelus, J., Mitchell, A. J., Wales, J., & Nielsen, S. (2011). Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders: A meta-analysis of 36 studies. *Archives of General Psychiatry*, 68(7), 724–731. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2011.74>

Clauss-Ehlers, C. S. (2008). Sociocultural factors, resilience, and coping: Support for a culturally sensitive measure of resilience. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(3), 197–212. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.02.004>

Connor, K. M., & Davidson, J. R. T. (2003). Development of a new resilience scale: The Connor–Davidson Resilience Scale (CD-RISC). *Depression and Anxiety*, 18(2), 76–82. <https://doi.org/10.1002/da.10113>

Deloitte Access Economics. (2020). The social and economic cost of eating disorders in the United States of America: A report for the Strategic Training Initiative for the Prevention of Eating Disorders and the Academy for Eating Disorders. <https://doi.org/10.1002/eat.23486>

Galmiche, M., Déchelotte, P., Lambert, G., & Tavolacci, M. P. (2019). Prevalence of eating disorders over the 2000–2018 period: A systematic literature review. *The American Journal of Clinical Nutrition*, 109(5), 1402–1413. <https://doi.org/10.1093/ajcn/nqy342>

Gormally, J., Black, S., Daston, S., & Rardin, D. (1982). The assessment of binge eating severity: An instrument for the measurement of binge eating. *Addictive Behaviors*, 7(1), 47–55. [https://doi.org/10.1016/0306-4603\(82\)90024-7](https://doi.org/10.1016/0306-4603(82)90024-7)

Hilbert, A., Hoek, H. W., & Schmidt, R. (2017). Evidence-based clinical guidelines for eating disorders: International comparison. *Current Opinion in Psychiatry*, 30(6), 423–437. <https://doi.org/10.1097/ycp.0000000000000360>

Izydorczyk, B. (2012). Neuroticism and compulsive overeating: A comparative analysis of the level of neuroticism and anxiety in a group of females suffering from psychogenic binge

eating. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, 1, 5–13.

Izydorczyk, B. (2013). Selected psychological traits and body image characteristics in females suffering from binge eating disorder. *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, 1, 29–38.

Izydorczyk, B., & Sitnik-Warchulska, K. (2018). Sociocultural appearance standards and risk factors for eating disorders in adolescents and women of various ages. *Frontiers in Psychology*, 9, 429. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00429>

Keel, P. K., & Klump, K. L. (2003). Are eating disorders culture-bound syndromes? Implications for conceptualizing their etiology. *Psychological Bulletin*, 129(5), 747–769. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.5.747>

Khayal, S., & Ahmad, S. (2024). Socio-cultural factors of overeating among adolescents. *Pakistan Journal of Psychological and Philosophical Research*, 15(2). <https://doi.org/10.62663/pjpprp.v15i2.180>

Pilecki, M. W., Sałapa, K., & Józefik, B. (2016). Socio-cultural context of eating disorders in Poland. *Journal of Eating Disorders*, 4(1), 11. <https://doi.org/10.1186/s40337-016-0093-3>

Plows, S. E., Smith, F. D., Smith, J. R., Chapman, C. M., La Macchia, S. T., & Louis, W. R. (2017). Healthy eating: A beneficial role for perceived norm conflict? *Journal of Applied Social Psychology*, 47, 295–304. <http://dx.doi.org/10.1111/jasp.12430>

Rymarczyk, K. (2021). The role of personality traits, sociocultural factors, and body dissatisfaction in anorexia readiness syndrome in women. *Journal of Eating Disorders*, 9(1), 51. <https://doi.org/10.1186/s40337-021-00410-y>

Tylka, T. L., & Subich, L. M. (2004). Examining a multidimensional model of eating disorder symptomatology among college women. *Journal of Counseling Psychology*, 51(3), 314–328. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.51.3.314>

van Hoeken, D., & Hoek, H. W. (2020). Review of the burden of eating disorders: Mortality, disability, costs, quality of life, and family burden. *Current Opinion in Psychiatry*, 33(6), 521–527. <https://doi.org/10.1097/yco.0000000000000641>

Webb, C. (2000). Psychological distress in clinical obesity: The role of eating disorder beliefs and behaviours, social comparison and shame [Doctoral dissertation, University of Leicester].

УДК 159.923.35

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_47

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЁЖИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ, РИСКИ И РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ

М. АЛИБАЕВА

Maqsut Narikbayev University, Высшая гуманитарная школа

madina_alibayeva@kazguu.kz

Аннотация

Перфекционизм является одним из ключевых психологических факторов, влияющих на творческую активность и профессиональное самоопределение молодых людей в условиях усиливающейся академической, социальной и цифровой конкуренции. В современной психологической литературе он рассматривается как многомерный конструкт, включающий как адаптивные стремления к высоким стандартам и ориентацию на мастерство, так и дезадаптивные опасения, связанные с ошибками, стыдом и зависимостью от внешней оценки. Цель данной статьи: систематизировать данные о роли перфекционизма в творчестве, описать его функциональные механизмы и определить условия, при которых перфекционизм поддерживает реализацию творческого потенциала либо приводит к его блокировке. Методологическую основу составляет теоретико-аналитический обзор современных эмпирических исследований, метааналитических работ и теоретических моделей перфекционизма (Frost et al., Hewitt & Flett, Hamachek), а также исследований творческой активности и творческого мышления в художественных, образовательных и цифровых контекстах. Показано, что адаптивные аспекты перфекционизма связаны с устойчивой мотивацией, дисциплиной, развитием навыков и готовностью выдерживать длительные циклы проб и ошибок, тогда как дезадаптивные компоненты ассоциируются с прокрастинацией, снижением оригинальности, эмоциональным дистрессом и устойчивой творческой блокировкой. Особое внимание уделяется социально-предписанному перфекционизму, усиливающемуся под влиянием социальных сетей, алгоритмического ранжирования и норм идеальной самопрезентации. На основе анализа формулируются психологические и образовательные рекомендации, ориентированные на развитие самосострадания, реалистичных стандартов и поддерживающей творческой среды для молодёжи.

Ключевые слова: перфекционизм, творческая активность, молодёжь, адаптивный перфекционизм, дезадаптивный перфекционизм, творческая блокировка.

Abstract

Perfectionism is one of the key psychological factors influencing the creative activity and professional self-development of young people, especially in the context of growing academic, social, and digital competition. Contemporary psychological research conceptualizes perfectionism as a multidimensional construct that includes both adaptive striving for excellence and mastery, and maladaptive concerns related to mistakes, shame, and dependence on external evaluation. The aim of this article is to synthesize current findings on the role of perfectionism in creativity, identify its functional mechanisms, and determine the conditions under which perfectionism either facilitates or hinders the realization of creative potential. The methodological basis of the article is a theoretical and analytical review of contemporary empirical studies, meta-analytic research, and the main theoretical models of perfectionism (Frost et al., Hewitt & Flett, Hamachek), as well as studies on creative activity and creative thinking in artistic, educational, and digital contexts. The results indicate that adaptive dimensions of perfectionism are associated with sustained motivation, discipline, skill development, and a willingness to tolerate repeated cycles of trial and error. In contrast, maladaptive components are linked to procrastination, reduced originality, emotional distress, and persistent creative block. Special attention is paid to socially prescribed perfectionism, which is intensified by social media dynamics, algorithmic ranking, and norms of idealized self-presentation. Based on the analysis, the article formulates psychological and educational recommendations aimed at developing self-compassion, realistic standards, flexible thinking, and supportive creative environments for young people.

Keywords: perfectionism, creativity, youth, adaptive perfectionism, maladaptive perfectionism, creative block.

Аңдатпа

Перфекционизм – қазіргі жағдайда академиялық, әлеуметтік және цифрлық бәсекелестіктің күшеюіне байланысты жастардың шығармашылық белсенділігі мен кәсіби қалыптасуына әсер ететін маңызды психологиялық факторлардың бірі. Ғылыми әдебиетте перфекционизм көпөлшемді конструкт ретінде қарастырылады және оған жоғары нәтижеге жетуге бағытталған адаптивті талпыныстар мен қателіктерден қорқу, ұят, сыртқы бағалауға тәуелділік сияқты дезадаптивті компоненттер кіреді. Бұл мақаланың мақсаты – перфекционизмнің шығармашылыққа әсері жөніндегі қазіргі зерттеулерді жүйелеу, оның функционалдық механизмдерін сипаттау және қандай жағдайларда перфекционизм шығармашылық әлеуеттің дамуына көмектесетінін немесе кедергі келтіретінін анықтау. Зерттеудің әдіснамалық негізі ретінде қазіргі эмпирикалық еңбектерге, метааналитикалық зерттеулерге және перфекционизмнің теориялық модельдеріне (Frost, Hewitt & Flett, Hamachek), сондай-ақ көркемдік, білім беру және цифрлық ортадағы шығармашылық белсенділік туралы жұмыстарға жасалған теориялық-аналитикалық шолу алынды. Нәтижелер адаптивті перфекционизмнің мотивацияны, тәртіпті,

дағдыларды дамыту мен қателерді тәжірибе ретінде қабылдауға ықпал ететінін көрсетеді. Ал дезадаптивті аспектілер прокрастинацияға, түпнұсқалықтың төмендеуіне, эмоционалдық күйзеліске және шығармашылық бөгелуге әкеледі. Әсіресе әлеуметтік желілер, алгоритмдік сұрыптау және мінсіз өзіндік презентация нормалары күшейтетін әлеуметтік-тапсырылған перфекционизмге ерекше назар аударылады. Талдау негізінде жастардың шығармашылық дамуын қолдауға бағытталған психологиялық және білім беру ұсыныстары беріледі.

Кілт сөздер: перфекционизм, шығармашылық белсенділік, жастар, адаптивті перфекционизм, дезадаптивті перфекционизм, шығармашылық бөгеліс.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования является влияние различных форм перфекционизма: адаптивного, дезадаптивного и социально-предписанного, на творческую активность и эмоциональное состояние молодёжи, включая студентов творческих специальностей, начинающих художников, дизайнеров, писателей и других представителей креативных сфер.

ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Проанализировать современные концепции перфекционизма и их применимость к творческой деятельности.
2. Выявить механизмы влияния перфекционизма на творческое мышление, продуктивность и эмоциональное состояние.
3. Описать роль социального окружения и цифровых платформ в формировании перфекционистских установок молодёжи.
4. Сформулировать рекомендации для психологов, педагогов и самих молодых людей по управлению перфекционизмом в творчестве.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологическую основу статьи составляет теоретико-аналитический обзор научных публикаций, соответствующий требованиям журнала. В анализ включены:

- классические модели перфекционизма:

Frost Multidimensional Perfectionism Scale (Frost et al., 1990),

Hewitt & Flett Multidimensional Perfectionism Theory (1991), модель Hamachek (1978);

- концепции адаптивного и дезадаптивного перфекционизма;

- исследования творчества в молодёжных выборках: Kaufman & Beghetto (2009), Silvia et al. (2008);
- исследования творческой блокировки, самосострадания и самооценки;
- работы о влиянии социальных сетей на самопрезентацию и перфекционизм.

Метод анализа: синтез результатов, сравнение теоретических подходов, выявление согласованности и противоречий в данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

МНОГОМЕРНОСТЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

Полученные в результате анализа литературы данные подтверждают, что перфекционизм в контексте творчества не может рассматриваться как единое и однородное явление. Классические многомерные модели перфекционизма (Frost et al., 1990; Hewitt & Flett, 1991; Hamachek, 1978) демонстрируют, что за одним термином скрывается целый спектр установок и переживаний, различающихся по своему влиянию на поведение и психологическое благополучие. Шестифакторная модель Frost и соавторов, включающая озабоченность ошибками, сомнения в действиях, родительскую критику и ожидания, личные стандарты и организованность, подчёркивает, что перфекционизм сочетает в себе одновременно когнитивные убеждения, эмоциональные реакции и поведенческие паттерны. Трёхфакторная модель Hewitt и Flett (1991) дополняет эту картину, описывая самоориентированный, социально-предписанный и ориентированный на других перфекционизм и тем самым показывая, что важным измерением является не только то, каким должен быть результат, но и откуда приходят эти требования, изнутри или извне. Именно такая многослойность делает перфекционизм особенно значимым для понимания творческой

активности: одна и та же «требовательность к себе» может в одних условиях поддерживать устойчивую вовлечённость в творческий процесс, а в других, приводить к дистрессу и блокировке.

Адаптивный перфекционизм описывается в литературе как совокупность стремления к высоким стандартам, аккуратности, ориентации на качественное выполнение задач и готовности вкладывать усилия в достижение результата. В более современных работах этот аспект сопоставляется с понятием *excellencism*, то есть ориентацией на мастерство и оптимальный уровень выполнения без жёсткой фиксации на ошибках и постоянного самоневротизирующего контроля (Goulet-Pelletier et al., 2022). В ряде исследований показано, что подобные установки положительно связаны с настойчивостью, длительной практикой, профессиональной самоидентификацией и высоким уровнем вклада в творческую деятельность; они могут способствовать углублённому освоению техники и развитию сложных творческих навыков, требующих многолетнего тренинга (Gallucci et al., 2000; Wigert et al., 2012). В художественных и креативных выборках адаптивный перфекционизм нередко проявляется как готовность возвращаться к работе, перерабатывать и улучшать её, но при этом признавать ценность промежуточных стадий и черновиков. Для молодёжи, находящейся на этапах профессионального самоопределения, такой тип перфекционизма может выступать ресурсом, поддерживающим мотивацию и формирующим готовность выдерживать длительные циклы проб и ошибок, неизбежные в творческих профессиях.

Вместе с тем анализ эмпирических данных демонстрирует, что именно дезадаптивный перфекционизм чаще всего связан с нарушениями творческой активности. К дезадаптивным аспектам устойчиво относят выраженный страх ошибок, сомнения в собственных ре-

шениях, фокус на расхождении между реальным результатом и идеализированным эталоном, а также зависимость от внешней оценки и признания (Frost et al., 1990; Hewitt & Flett, 1991). В теоретических моделях всё чаще проводится различие между так называемыми *perfectionistic strivings* (перфекционистскими стремлениями) и *perfectionistic concerns* (перфекционистскими опасениями): если первые связаны с высокими стандартами и усилиями, то вторые отражают именно тревогу по поводу возможной ошибки, постороннего взгляда и несоответствия ожиданиям. В конфигурации, где преобладают опасения, перфекционизм перестаёт быть нейтральной «требовательностью к себе» и превращается в источник хронического напряжения, самокритики и ригидности. Исследования последовательно показывают, что такие проявления ассоциируются с тревожностью, депрессивной симптоматикой, снижением самооценки и эмоциональным выгоранием, особенно в тех сферах, где результат подлежит публичной оценке и сравнению (Gallucci et al., 2000). Для молодых художников, музыкантов, дизайнеров и других представителей креативных профессий это означает, что любая «несовершенная» работа может переживаться как угроза самооценки, а не как естественный этап развития.

Для творчества это имеет принципиальное значение. Творческая деятельность по своей природе предполагает неопределённость, эксперимент, риск неудачи и временную несовершенство промежуточных продуктов. На ранних этапах работы идея почти всегда выглядит «сырой», неоформленной и далёкой от идеала, и именно готовность иметь дело с этой несовершенностью определяет, сможет ли человек довести замысел до результата. Адаптивный перфекционизм позволяет выдерживать эту неопределённость, интерпретируя её как часть процесса и фокусируясь на постепенном улучшении. Дезадаптив-

ный перфекционизм, напротив, делает её невыносимой: субъект стремится либо избежать самого столкновения с незавершённостью, либо бесконечно откладывает демонстрацию результата, ожидая недостижимого состояния «полной готовности». В результате центральным различием для понимания роли перфекционизма в творчестве становится не сам факт стремления к качеству, а характер эмоциональной и когнитивной реакции на ошибки и несоответствия. Там, где ошибки воспринимаются как материал для обучения и повод скорректировать стратегию, перфекционизм может поддерживать рост; там, где они трактуются как доказательство собственной несостоятельности, перфекционизм становится фактором риска, ограничивающим свободу эксперимента и готовность к творческому риску.

Наконец, анализ многомерности перфекционизма показывает, что его влияние на творчество всегда носит условный и контекстуальный характер. Оно зависит от того, какие подструктуры, стремления или опасения, преобладают у конкретного молодого человека, каков источник перфекционистских требований (внутренний идеал или внешние ожидания) и в каких условиях осуществляется творческая деятельность: в поддерживающей или критичной среде, в пространстве эксперимента или жёсткой селекции. Один и тот же уровень «высоких стандартов» может по-разному проявляться в мастерской, где ценится процесс и проба, и в конкурентной цифровой среде, где внимание концентрируется на безупречном конечном продукте. Это создаёт основу для перехода к более детальному рассмотрению механизмов творческой блокировки, связанных с дезадаптивными формами перфекционизма, и тех условий, при которых перфекционизм может трансформироваться из ресурса развития в источник хронического стресса и отказа от творческой активности.

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ КАК ФАКТОР ТВОРЧЕСКОЙ БЛОКИРОВКИ

Одним из наиболее последовательных выводов современной литературы является то, что дезадаптивный перфекционизм тесно связан с феноменом творческой блокировки. Под творческой блокировкой в данном контексте понимаются не разовые затруднения, а устойчивые, повторяющиеся трудности в инициировании, продолжении или завершении творческих задач, сопровождающиеся субъективным ощущением «застывания», истощения или невозможности перейти от замысла к действию. Речь идёт о состоянии, при котором человек может сохранять интерес к творчеству, мысленно многократно «прокручивать» идею, но при этом испытывать выраженный внутренний барьер на уровне реальных действий. В исследовательских работах молодые люди с высокими показателями перфекционистских опасений описывают опыт творчества как постоянно сопровождающийся сомнениями, самоупреками и страхом несоответствия эталону; многие из них подчёркивают, что испытывают трудности уже на этапе начала работы, поскольку «не видят, как сделать сразу достаточно хорошо», и поэтому предпочитают откладывать действие.

Механизмы, посредством которых перфекционизм приводит к блокировке, носят многоуровневый характер и затрагивают когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты творческого процесса. На когнитивном уровне дезадаптивный перфекционизм связан с постоянной оценкой «на ходу» и преждевременной цензурой идей. Вместо последовательного разделения фаз генерации и редактирования продукта, которое в классических моделях творчества рассматривается как условие сохранения оригинальности и гибкости, многие молодые люди стремятся создавать «сразу хорошо», не допуская «черновых» вариантов. Это приводит к резкому уменьшению количества гене-

рируемых идей, снижению вариативности решений и, как следствие, к падению оригинальности. Как показывают исследования креативного мышления, установка на безошибочность и страх оценки приводят к сужению ассоциативного поля, снижению гибкости и беглости дивергентного мышления, особенно в условиях, где присутствует фактор внешнего оценивания и социального сравнения (Silvia et al., 2008; Wigert et al., 2012). В экспериментальных заданиях такие участники чаще преждевременно отвергают собственные идеи как «слишком банальные» или «недостаточно хорошие», не давая себе возможности развить и трансформировать первоначальные инсайты.

На эмоциональном уровне дезадаптивный перфекционизм поддерживает хроническое чувство неудачи и собственной «недостаточности», даже при объективно высоком качестве результата. Эмоциональный фон творчества у таких молодых людей окрашен не столько любопытством и интересом, сколько напряжением, стыдом и страхом разоблачения как «недостаточно талантливых». Молодые художники, музыканты и авторы в качественных исследованиях описывают, что любая несовершенная деталь в работе вызывает у них непропорционально сильные переживания стыда, разочарования и внутреннего гнева, которые подрывают желание продолжать (Denis, n.d.; Bhatt, 2023; Song, 2025). При этом даже позитивная обратная связь нередко обесценивается: внимание фокусируется на единичных замечаниях или на несоответствии результата внутреннему идеалу. В такой логике творческий процесс перестаёт быть пространством исследования и игры и превращается в постоянный экзамен, где любая попытка может быть зачтена как «провал», а сама личность, как «недостаточно хорошая» для выбранной сферы.

Поведенческий уровень блокировки

проявляется в прокрастинации, незавершённых проектах и избегании ситуаций, связанных с оценкой. Исследования в студенческих и художественных выборках показывают, что высокие показатели перфекционистских опасений предсказывают откладывание творческих заданий, многократные «перезапуски» уже начатых проектов, частую смену замыслов и отказ от демонстрации работ из-за устойчивого ощущения «ещё не готово» (Glossop, 2014). Вместо линейного движения от идеи к реализации формируются циклы начала и прекращения работы, сопровождающиеся сильным эмоциональным истощением. При этом субъективно молодые люди часто объясняют прокрастинацию недостатком вдохновения, неблагоприятными внешними обстоятельствами или «неподходящим настроением», хотя качественные интервью выявляют, что за этим стоят страх критики, негативные ожидания относительно реакции аудитории и убеждённость в собственной несостоятельности как автора.

Важно подчеркнуть, что творческая блокировка при дезадаптивном перфекционизме не означает отсутствия идей или интереса к творчеству. Напротив, многие авторы отмечают, что у таких молодых людей нередко наблюдается высокий творческий потенциал, богатое образное мышление и сильная мотивация к самовыражению. Они могут подробно представлять будущий проект, мысленно дорабатывать детали, следить за работами коллег и вдохновляться ими, но при этом испытывать выраженное затруднение при переходе к конкретным действиям. Парадокс состоит в том, что именно сочетание высокого потенциала и жёстких перфекционистских требований делает переживание собственных несовершенных попыток особенно болезненным: чем более значимой является творческая деятельность для самоидентичности, тем труднее молодому человеку допустить возможность «ошибаться на глазах у других». Это

подтверждает необходимость рассматривать перфекционизм не как простое «наличие или отсутствие» черты, а как качество внутреннего диалога с собой в ситуации творческого риска, определяющее, будет ли эксперимент восприниматься как допустимый и ценный или как угроза целостности Я.

ПАРАДОКС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: УСИЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРЕДПИСАННОГО ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Отдельного, более детального рассмотрения требует влияние цифровой среды, и прежде всего социальных сетей, на формирование и дальнейшее усиление социально-предписанного перфекционизма у творчески активной молодёжи. Современные исследования демонстрируют, что именно в этой группе пользователей социальные платформы функционируют не только как пространство демонстрации результатов творчества, но и как мощный механизм нормирования, задавания стандартов и формирования представлений о том, что считается «успехом» или «неуспехом» в творческой деятельности. Интенсивность взаимодействия с социальными сетями, а также специфическая логика их алгоритмов, делает этот контекст критически значимым для понимания психологических процессов, связанных с перфекционизмом, самооценкой и мотивацией к творчеству.

С одной стороны, цифровые платформы действительно предоставляют беспрецедентные возможности для творческой самореализации: они позволяют молодым художникам, дизайнерам, музыкантам, писателям, фотографам и создателям других форм контента быстро находить аудиторию, делиться работами, получать обратную связь и выстраивать профессиональное портфолио без необходимости проходить сложные институциональные фильтры. Для многих молодых творцов именно онлайн-пространство становится первым и часто

главным способом заявить о себе, получить признание и выстроить профессиональную идентичность. Этот доступ к открытой аудитории воспринимается как возможность, которая не существовала для предыдущих поколений авторов.

Однако одновременно с этим социальные сети формируют весьма специфическую среду, где доминируют визуальная привлекательность, компактность подачи и ориентация на алгоритмическую оптимизацию. Алгоритмы, отбирающие контент по вовлеченности, фактически вознаграждают те форматы, которые вызывают быстрые эмоциональные реакции, а не те, которые демонстрируют процессный или исследовательский характер творчества. В таких условиях критерием ценности становится не сам творческий процесс, а количество взаимодействий: лайков, репостов, комментариев, показов. Это приводит к постепенному смещению фокуса с внутреннего мотивационного центра удовольствия от творчества на внешнюю оценку, что, согласно литературе, является ключевым предиктором усиления социально-предписанного перфекционизма.

Одним из наиболее существенных последствий цифровой среды является формирование у молодых людей искажённого представления о норме творческого развития. Исследования показывают, что пользователи социальных сетей имеют доступ исключительно к результатам, «финальным версиям» проектов, тщательно отобранным и отредактированным перед публикацией (Коновалова, 2020). Практически полностью невидимыми остаются этапы проб, ошибок, технических сбоев, нерешённых задач, внутренних сомнений, именно те элементы, которые составляют сердце любого творческого процесса.

Как следствие, создаётся иллюзия, что другие творцы легко, быстро и безошибочно

бочно достигают высоких результатов. Молодые люди, сравнивая свою «кухню», черновики, попытки, эксперименты, с идеально отшлифованными результатами других, начинают ощущать собственную траекторию как «отстающую» или «недостаточно профессиональную». Возникающие в результате когнитивные искажения («у всех получается быстро, только я не справляюсь», «мне стыдно показывать незавершённое») усиливают ожидания внешней безупречности и формируют зависимость от предполагаемых норм и требований аудитории.

Алгоритмическая логика социальных сетей способствует тому, что социально-предписанный перфекционизм переживается как объективная, внешняя реальность. Молодые люди приписывают алгоритмам фактическую роль «оценочной комиссии»: если пост не получает внимание, это рассматривается не как особенность алгоритма, а как признак собственной недостаточности или низкого качества работы. Таким образом, алгоритм постепенно превращается в «воображаемого наблюдателя», чьи ожидания необходимо оправдывать. Это усиливает стресс и формирует цикл перфекционистской самопрезентации: публикации проходят многоступенчатое редактирование, авторы выкладывают только «идеальные» работы, избегая демонстрации процесса, черновиков и промежуточных этапов создания.

В условиях, где каждая публикация подлечит мгновенной публичной оценке, существенно возрастает уровень тревожности, связанной с самопрезентацией. Наблюдается феномен, при котором творчески активная молодёжь начинает избегать рискованных, нестандартных, экспериментальных работ, опасаясь негативной реакции аудитории или «недостаточной вовлечённости». Даже небольшое снижение отклика относительно «обычной нормы» может восприниматься как подтверждение твор-

ческой несостоятельности. Это снижает готовность к исследованию новых медиумов, техник, стилей и приводит к стандартизации контента.

Таким образом, цифровая среда парадоксальным образом сочетает расширение возможностей для творчества с усилением давления, социального сравнения и потребности в контроле результата. Для части творчески активной молодёжи социальные сети действительно становятся пространством роста, поддержки и вдохновения; для другой, становятся источником нарастающего стыда, страха ошибок и глубокой творческой уязвимости. Это подтверждает необходимость изучать цифровой контекст как критический модератор того, каким образом перфекционизм формируется и проявляется в творческой деятельности современной молодёжи, особенно в условиях постоянного социального наблюдения и алгоритмического ранжирования.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, СМЯГЧАЮЩИЕ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Несмотря на выраженные риски, связанные с дезадаптивным перфекционизмом, анализ литературы демонстрирует, что его влияние на творчество не является фатальным и может существенно смягчаться за счёт целого комплекса личностных, эмоциональных, межличностных и контекстуальных ресурсов. Современные исследования подчёркивают, что сами по себе перфекционистские установки не ведут к неизбежному снижению творческой активности: значимым оказывается то, какие внутренние механизмы саморегуляции доступны молодому человеку, а также какими особенностями обладает среда, в которой протекает его творческая деятельность. При наличии поддерживающих факторов перфекционизм может частично утрачивать свою деструктивность и переставать функци-

онировать как ограничение, трансформируясь в элемент, повышающий дисциплину, структурность и устойчивость в достижении творческих целей.

Самооценка и самоэффективность играют ключевую роль в том, как молодой человек интерпретирует собственные ошибки, временные неудачи и множественные попытки, неизбежные в процессе творчества. Высокая и более устойчивая самооценка позволяет воспринимать трудности как естественную часть развития, а не как доказательство личной несостоятельности (Chou et al., 2019). В таких случаях стремление к высоким стандартам переживается не как угроза самооценки, а как возможность проверить собственные способности и выйти на новый уровень мастерства. Самоэффективность, уверенность в способности достигать результата, несмотря на препятствия, усиливает этот процесс: молодые люди с высокой самоэффективностью демонстрируют больше настойчивости, чаще возвращаются к сложным задачам и реже «загорают» от страха несоответствия. Чем выше уровень самоэффективности, тем меньше вероятность, что ошибка будет интерпретирована как личный провал, а не как часть исследовательской, экспериментальной природы творчества.

Особое место занимает конструкт самосострадания, который позволяет смягчать самые болезненные аспекты дезадаптивного перфекционизма, хроническую самокритику, стыд и страх оценки. Самосострадание включает доброжелательность к себе, понимание универсальности ошибок и способность осознавать собственные переживания без самонаказания. Исследования убедительно показывают, что самосострадание уменьшает разрушительное влияние внутреннего критика, повышает терпимость к неопределённости и увеличивает вероятность творческого риска (Zabelina & Robinson, 2010). Для молодых авторов, артистов, художников

это особенно значимо: умение воспринимать свои «сырые» наброски и неудачные попытки как часть нормального процесса делает творчество менее напряжённым и более живым. Самосострадание изменяет структуру переживания ошибки: она перестаёт быть подтверждением «плохости» и становится элементом обучения, что критически важно в условиях, где результат почти всегда далёк от идеала на начальных стадиях.

Эмоциональная устойчивость также является одним из центральных защитных факторов. Под эмоциональной устойчивостью понимается способность выдерживать интенсивные эмоции, регулировать их и возвращаться к продуктивному состоянию после фрустрационных событий. Молодые люди с развитыми навыками эмоциональной регуляции легче справляются с тревогой, возникающей при публичной демонстрации работ, негативной обратной связи или временном отсутствии вдохновения. Они воспринимают эмоциональные колебания как часть творческого пути, а не как сигнал прекращать деятельность. В таких случаях перфекционистские стремления более вероятно будут направлены в конструктивное русло, в виде дисциплины, планирования, совершенствования техники, а не в форму самонаказания, самокритики или избегания.

Не менее важным оказывается социальный и образовательный контекст. Среда, поддерживающая творчество, создающая пространство для обмена, допускающая ошибки и позволяющая обсуждать незавершённые идеи, может существенно снизить давление перфекционистских ожиданий. Практики совместного творчества, мастерские, менторство, гибкая обратная связь, обсуждение черновиков, всё это способствует формированию толерантности к ошибкам и нормализации несовершенных этапов творческого процесса (Dunn & Mellor, 2017; Trell & van Hoven, 2010). В

подобных условиях даже молодые люди с выраженными дезадаптивными установками начинают демонстрировать более гибкое отношение к собственным стандартам, поскольку видят, что неидеальность, универсальна и присуща всем, включая более опытных коллег.

В совокупности эти данные показывают, что влияние перфекционизма на творчество невозможно понять вне учёта индивидуальных ресурсов и особенностей среды. Один и тот же уровень перфекционистских установок у разных молодых людей может приводить к противоположным результатам, от творческого подъёма до полной блокировки, в зависимости от того, насколько доступна им поддержка, насколько развиты навыки эмоциональной регуляции и есть ли у них опыт безопасного творческого взаимодействия. Это открывает перспективы для интервенций, направленных не только на снижение перфекционизма как черты, но и на развитие тех ресурсов, которые позволяют превратить даже его дезадаптивные аспекты в условие роста и устойчивости, а не в источник боли и ограничений.

ПЕРФЕКЦИОНИЗМ, САМОКРИТИКА И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Отдельного внимания требует связь перфекционизма с самокритикой и особенностями эмоциональной регуляции у творчески активной молодёжи. Исследования показывают, что дезадаптивный перфекционизм нередко опосредует своё влияние на психологическое благополучие через избыточную самокритику, которая становится устойчивым стилем внутреннего диалога (James et al., 2015; Halamová et al., 2020). В контексте творчества это проявляется в том, что молодые люди интерпретируют любые несовершенства работы как доказательство личной некомпетентности, а не как нормальный этап обучения. В результате каждая попытка создать новый продукт сопровождается не только

оценкой результата, но и оценкой собственной ценности как автора, что значительно повышает риск эмоционального истощения и отказа от творческой деятельности.

Эмпирические данные также свидетельствуют о том, что высокий уровень самокритики связан с усилением депрессивных и тревожных симптомов в подростковом и юношеском возрасте (Gittins & Hunt, 2020). В творческих выборах самокритика нередко сочетается с феноменом так называемого эмпатического дистресса, повышенной чувствительностью к внешней оценке, критике и предполагаемым ожиданиям значимых других. Молодые художники и артисты склонны «считывать» малейшие сигналы неодобрения или отсутствия внимания как подтверждение того, что они «недостаточно талантливы» или «никогда не достигнут уровня, которого требуют индустрия и аудитория». Это усиливает перфекционистские опасения и поддерживает замкнутый круг: чем выше значимость внешней оценки, тем болезненнее воспринимаются любые несовершенства, тем больше усиливается внутренняя критика.

Особую роль в этом контексте играет профиль эмоциональной регуляции. Стратегии подавления эмоций, характерные для части молодых людей с выраженным перфекционизмом, приводят к накоплению напряжения и увеличению вероятности аффективных срывов в критические моменты. Например, перед показом работ или публичным выступлением. Напротив, более адаптивные стратегии, такие как когнитивная переоценка и осознанное принятие эмоций, позволяют снижать интенсивность переживаний и рассматривать эмоциональные реакции как управляемые, а не как угрозу. В исследованиях показано, что сочетание высоких стандартов с гибкими навыками эмоциональной регуляции снижает риск того, что перфекционизм перейдёт в хроническую самокритику

и эмоциональное выгорание (Zaccari et al., 2024). Таким образом, ключевым становится не только уровень перфекционистских требований, но и то, каким образом молодой человек обращается с возникающими чувствами стыда, тревоги и разочарования в процессе творчества.

С точки зрения практики это открывает важное направление для профилактических и коррекционных программ: работа с перфекционизмом в творческой среде не может ограничиваться лишь «снижением стандартов» или рекомендациями «меньше требовать от себя». Гораздо более перспективным представляется развитие навыков самонаблюдения, дифференциации внутреннего критика и конструктивной самооценки, обучение стратегиям эмоциональной регуляции и формирование более доброжелательного внутреннего отношения к себе как к автору. Подобные подходы позволяют сохранять высокие цели и стремление к качеству, одновременно уменьшая разрушительное влияние самокритики и перфекционистских опасений на творческий процесс.

ИМПЛИКАЦИИ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Полученные в ходе анализа данные имеют прямое значение для организации психологической помощи и построения образовательных программ в художественных, креативных и смешанных (например, дизайн, медиа, цифровое творчество) средах. Во-первых, результаты подчёркивают необходимость раннего выявления дезадаптивных форм перфекционизма у подростков и молодых взрослых, вовлечённых в творчество. Регулярные скрининговые опросники, обсуждение переживаний, связанных с оценкой и самопрезентацией, а также включение темы перфекционизма в психопросветительские мероприятия могут помочь нормализовать опыт ошибок и снизить уровень скрытого стыда,

сопровождающего творческий процесс.

Во-вторых, в образовательных контекстах целесообразно переходить от исключительно результат-ориентированных моделей оценки к более процессно-ориентированным форматам. Практики, включающие демонстрацию набросков, черновиков, промежуточных версий работы и обсуждение «истории» творческого продукта, позволяют сделать видимыми неизбежные этапы проб и ошибок (Dunn & Mellor, 2017; Trell & van Hoven, 2010). Это снижает вероятность того, что студенты будут сравнивать свои «сырые» опыты с отшлифованными результатами других и воспринимать собственную траекторию как неудачу. Важно, чтобы педагоги моделировали более гибкое отношение к несовершенству, открыто говорили о собственных ошибках и демонстрировали, что творчество по определению включает риск и уязвимость.

В-третьих, результаты исследования подчеркивают значимость интеграции элементов когнитивно-поведенческой терапии, Compassion-focused Therapy и других подходов, ориентированных на работу с самокритикой и стыдом, в программы психологического сопровождения творческой молодёжи. Групповые формы работы, мастерские, супервизионные группы, творческие лаборатории, могут стать пространством, где молодые авторы учатся безопасно делиться незавершёнными идеями, получать поддерживающую обратную связь и пробовать новые стратегии саморегуляции. Пилотные исследования показывают, что подобные интервенции способны снижать выраженность негативного перфекционизма и самокритики, одновременно повышая чувство самоэффективности и удовлетворённости творческой деятельностью (Hamedani et al., 2023; Standish, 2022).

Наконец, для разработчиков цифровых платформ и кураторов онлайн-сооб-

ществ, связанных с творчеством, важным выводом становится необходимость более осознанного дизайна сред, в которых молодёжь демонстрирует свои работы. Практики, позволяющие показывать процесс создания, а не только итоговые результаты, механизмы мягкой модерации комментариев, форматы взаимоподдержки (например, «критика без обесценивания») могут снизить интенсивность социально-предписанного перфекционизма и создать условия, в которых риск и эксперимент вновь становятся допустимыми. Таким образом, профилактика дезадаптивного перфекционизма в творчестве требует координации усилий психологов, педагогов, администраторов образовательных учреждений и представителей цифровых индустрий.

НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Несмотря на значительный объём существующей литературы, посвящённой взаимосвязи перфекционизма и творческой активности, полученные результаты указывают на ряд направлений, которые требуют дальнейшего теоретического и эмпирического изучения. Во-первых, перспективным представляется углублённый анализ дифференциации подтипов перфекционизма в динамике творческого процесса. Большинство исследований рассматривают перфекционизм как относительно стабильную черту, однако данные о вариативности перфекционистских установок на различных стадиях творческой работы, от генерации идеи до её реализации и публичной демонстрации, остаются фрагментарными. Использование продольных дизайнов и методик микроанализа творческого процесса могло бы выявить, как именно изменяются perfectionistic strivings и perfectionistic concerns в зависимости от контекста и эмоционального состояния автора.

Во-вторых, существует очевидная не-

обходимость изучения медиаторов и модераторов связи между перфекционизмом и творческой продуктивностью. В частности, большая часть эмпирических данных подтверждает роль самокритики, стыда, самосострадания и навыков эмоциональной регуляции, однако структурные модели этих взаимодействий пока остаются недостаточно разработанными. Будущие исследования могли бы использовать методы структурного моделирования (SEM) и многоуровневого анализа (MLM) для выявления сложных межфакторных зависимостей и определения того, какие внутренние механизмы являются ключевыми в переходе от адаптивного к дезадаптивному перфекционизму.

В-третьих, практически не изученной остаётся роль культурных факторов в формировании перфекционизма у творческой молодёжи. Кросс-культурные исследования могли бы показать, насколько социальные нормы, ценности, образовательные ожидания и особенности медийного пространства влияют на восприятие ошибок, стандартов качества и значимость внешней оценки. Особенно актуальны сравнительные работы, в которых сопоставляются творческие выборки из стран с различными образовательными традициями, уровнями цифровизации и нормами профессиональной конкуренции.

Кроме того, мало исследованным остаётся влияние конкретных характеристик цифровой среды на развитие социально-предписанного перфекционизма. Хотя современные работы показывают связь между активностью в социальных сетях и повышением перфекционистских опасений, до сих пор неясно, какие именно элементы интерфейса, алгоритмов, механик взаимодействия или визуальных стандартов оказывают решающее воздействие. Будущие исследования, включающие экспериментальные манипуляции (например, скрытие лайков, показ черновиков, изменение

алгоритмических рекомендаций), могут дать более точные выводы о специфических факторах риска и путях их смягчения.

Наконец, важным направлением является разработка и тестирование психологических интервенций, направленных на снижение дезадаптивного перфекционизма в творческих выборках. Перспективными выглядят программы, основанные на самосострадании (CFT), когнитивно-поведенческих подходах, принятии и осознанности (ACT), а также групповые формы работы: мастерские, творческие лаборатории, peer-to-peer супервизии. Влияние таких интервенций на творческую продуктивность, эмоциональное благополучие и устойчивость к стрессу остаётся открытым вопросом и требует эмпирического подтверждения.

Таким образом, дальнейшие исследования должны учитывать многомерность перфекционизма, сложность его эмоциональных, когнитивных и социально-контекстуальных механизмов, а также быстро меняющиеся условия творчества в цифровую эпоху. Продолжение работы в этих направлениях позволит уточнить модели перфекционизма, повысить качество психологической помощи и создать более поддерживающую среду для творчески активной молодёжи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перфекционизм является амбивалентным феноменом, играющим двойственную роль в творческом развитии молодёжи. Его адаптивные аспекты способствуют дисциплине, росту мастерства и устойчивой мотивации, тогда как дезадаптивные компоненты снижают оригинальность, провоцируют эмоциональное напряжение и приводят к творческой блокировке. Наибольшие риски связаны с социально-предписанным перфекционизмом, усиливающимся в условиях цифрового пространства.

Практические рекомендации включают развитие самосострадания, формирование реалистичных стандартов, обучение гибкому мышлению, создание безопасной творческой среды и снижение акцента на внешней оценке. Творческое развитие молодёжи требует комплексного подхода, объединяющего психологическую поддержку, образовательные интервенции и развитие критического отношения к медиа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bhatt, S. (2023). A gender study on perfectionism, self-criticism, and self-reflection among visual artists. *International Journal of Interdisciplinary Approaches in Psychology*, 1(6), 1–15.
- Chou, C.-C., Huang, M.-Y., Lin, T.-W., Lu, F. J. H., Chiu, Y.-H., & Chen, J.-F. (2019). Moderating effect of self-esteem on the relationship between perfectionism and creative thinking among collegiate dancers. *Creativity Research Journal*, 31(2), 188–197. <https://doi.org/10.1080/10400419.2019.1606620>
- Denis, A. S. (n.d.). The impact of perfectionism within the arts. Unpublished manuscript.
- Dunn, V. J., & Mellor, T. (2017). Creative, participatory projects with young people: Reflections over five years. *Research for All*, 1(2), 284–299. <https://doi.org/10.18546/RFA.01.2.05>
- Frost, R. O., Marten, P., Lahart, C., & Rosenblate, R. (1990). The dimensions of perfectionism. *Cognitive Therapy and Research*, 14(5), 449–468.
- Gallucci, N. T., Middleton, G., & Kline, A. (2000). Perfectionism and creative strivings. *The Journal of Creative Behavior*, 34(2), 135–141.
- Gittins, C. B., & Hunt, C. (2020). Self-criticism and self-esteem in early adolescence: Do they predict depression? *PLOS ONE*,

15(12), e0244182.

Glossop, P. (2014). "It's not perfect – I need to start again!": Exploring the relationship between self-compassion and creativity in a high school art environment. [Master's thesis, Thompson Rivers University].

Goulet-Pelletier, J.-C., Gaudreau, P., & Cousineau, D. (2022). Is perfectionism a killer of creative thinking? A test of the model of the two paradoxical effects of perfectionism. *British Journal of Psychology*, 113(3), 683–707.

Guilford, J. P. (1967). *The nature of human intelligence*. McGraw-Hill.

Hamachek, D. E. (1978). Psychodynamics of normal and neurotic perfectionism. *Psychology: A Journal of Human Behavior*, 15(1), 27–33.

Halamová, J., Langová, P., Baránková, M., Strnádelová, B., & Koróniová, J. (2020). Consensual qualitative research on free associations for criticism and self-criticism. *Human Affairs*, 30(3), 365–381.

Hamedani, K. H., Amani, R., & Yarmohamadi Vassel, M. (2023). The effectiveness of enhanced cognitive-behavioral group therapy on negative perfectionism, self-criticism, and self-compassion. [Manuscript].

Hewitt, P. L., & Flett, G. L. (1991). Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 60(3), 456–470.

James, K., Verplanken, B., & Rimes, K. A. (2015). Self-criticism as a mediator in the relationship between unhealthy perfectionism and distress. *Personality and Individual Differences*, 79, 123–128.

Kaufman, J. C., & Beghetto, R. A. (2009). Beyond big and little: The four C model of creativity. *Review of General Psychology*, 13(1), 1–12.

Kozbelt, A. (2007). A quantitative analysis of Beethoven as self-critic: Implications for psychological theories of musical creativity. *Psychology of Music*, 35(1), 144–168.

Nekoie-Moghadam, M., Beheshtifar, M., & Mazrae-Sefidi, F. (2012). Relationship between employees' perfectionism and their creativity. *African Journal of Business Management*, 6(12), 4659–4665.

Özer, E. (2019). The impact of core self-evaluation on self-criticism. *Universal Journal of Educational Research*, 7(7), 1526–1531.

Runco, M. A., & Acar, S. (2012). Divergent thinking as an indicator of creative potential. *Creativity Research Journal*, 24(1), 66–75.

Song, R. (2025). The effects of perfectionism among visual artists in their early adulthood [Unpublished undergraduate honours thesis]. Tyndale University.

Standish, C. (2022). The impact of self-criticism throughout the creative process [Unpublished doctoral dissertation]. University of Oklahoma.

Trell, E. M., & van Hoven, B. (2010). Making sense of place: Exploring creative and (inter)

active research methods together with young people. *Fennia*, 188(1), 91–104.

Wigert, B., Reiter-Palmon, R., Kaufman, J. C., & Silvia, P. J. (2012). Perfectionism: The good, the bad, and the creative. *Journal of Research in Personality*, 46(6), 775–779.

Zabelina, D. L., & Robinson, M. D. (2010). Don't be so hard on yourself: Self-compassion facilitates creative originality among self-judgmental individuals. *Creativity Research Journal*, 22(3), 288–293.

Zaccari, V., Mancini, F., & Rogier, G. (2024). State of the art of the literature on definitions of self-criticism: A meta-review. *Frontiers in Psychiatry*, 15, 1239696.

Коновалова, А. В. (2020). Перфекционизм и перфекционистская самопрезентация в социальных сетях. *Вестник РГГУ. Серия „Психология. Педагогика. Образование“*, (2), 151–165.

UDC 338.48:316.7

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_63

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM AND HOSPITALITY IN KAZAKHSTAN: THE ROLE OF CROSS-CULTURAL DIFFERENCES IN SHAPING VISITOR EXPERIENCES AND ADDRESSING TOUR-ISM CHALLENGES

SHESTOPALOV L.N.

Maqsut Narikbayev University, School of Liberal Arts

KOPEY A.D.

Maqsut Narikbayev University, School of Liberal Arts

Abstract

Kazakhstan's tourism sector has experienced rapid expansion in recent years, becoming a cornerstone of the country's economic diversification strategy. Supported by initiatives such as the Kazakhstan 2050 Strategy and the Tourism Development Concept 2023-2029, the industry has benefited from rising visitor numbers, infrastructure development, and growing revenues. At the center of this growth is the hospitality sector, which directly influences visitor satisfaction, loyalty, and perceptions of Kazakhstan as a destination. Global trends in sustainability, digital innovation, and experiential tourism further underscore the importance of adapting hospitality practices to remain competitive. However, challenges persist, particularly regarding inconsistent service standards, limited professional training, and gaps in cross-cultural awareness. As Kazakhstan attracts tourists from diverse cultural backgrounds - including Europe, China, Russia, and the Gulf region - understanding and accommodating varying expectations becomes critical. Drawing on frameworks such as Hofstede's cultural dimensions, this study explores how tourism and hospitality trends intersect with cross-cultural differences in Kazakhstan. The aim is to identify both the challenges and opportunities that arise from these dynamics and to provide insights into how Kazakhstan can leverage its tourism potential for sustainable and culturally inclusive development.

Keywords: Kazakhstan tourism; hospitality sector; sustainable tourism; cross-cultural differences; cultural dimensions; experiential tourism; digitalization.

Аннотация

Туристический сектор Казахстана в последние годы переживает стремительный рост, став краеугольным камнем стратегии диверсификации экономики страны. Благодаря таким инициативам, как Стратегия «Казахстан-2050» и Концепция развития туризма на 2023 - 2029 годы, отрасль выиграла от роста числа посетителей, развития инфраструктуры и роста доходов. В центре этого роста находится сектор гостеприимства, который напрямую влияет на

удовлетворенность посетителей, лояльность и восприятие Казахстана как туристического направления. Глобальные тенденции в области устойчивого развития, цифровых инноваций и впечатляющего туризма еще раз подчеркивают важность адаптации практик гостеприимства для сохранения конкурентоспособности. Однако проблемы сохраняются, особенно связанные с непоследовательными стандартами обслуживания, ограниченным профессиональным обучением и пробелами в межкультурной осведомленности. Поскольку Казахстан привлекает туристов из разных культурных слоев, включая Европу, Китай, Россию и страны Персидского залива, понимание и учет различных ожиданий становится критически важным. Опираясь на такие подходы, как культурные измерения Хофстеде, данное исследование изучает, как тенденции в сфере туризма и гостеприимства пересекаются с межкультурными различиями в Казахстане. Цель состоит в том, чтобы выявить как проблемы, так и возможности, возникающие в результате этой динамики, а также предоставить информацию о том, как Казахстан может использовать свой туристический потенциал для устойчивого и инклюзивного в культурном отношении развития.

Ключевые слова: Туризм в Казахстане; сектор гостеприимства; устойчивый туризм; межкультурные различия; культурные измерения; познавательный туризм; цифровизация.

Аңдатпа

Қазақстанның туризм секторы соңғы жылдары қарқынды өсуді бастан кешіріп, елдің экономикасын әртараптандыру стратегиясының негізіне айналды. «Қазақстан-2050» Стратегиясы және 2023-2029 жылдарға арналған Туризмді дамыту тұжырымдамасы сияқты бастамалар арқылы сала келушілер санының артуы, инфрақұрылымның дамуы және кірістің өсуінің пайдасын көрді. Бұл өсудің негізінде келушілердің қанағаттануына, адалдығына және Қазақстанды туристік бағыт ретінде қабылдауына тікелей әсер ететін қонақжайлылық секторы жатыр. Тұрақтылық, цифрлық инновациялар және тәжірибелік туризмдегі жаһандық үрдістер бәсекеге қабілетті болып қалу үшін қонақжайлылық тәжірибесін бейімдеудің маңыздылығын одан әрі көрсетеді. Дегенмен, әсіресе сәйкес келмейтін қызмет стандарттары, шектеулі кәсіби дайындық және мәдениетаралық хабардар болудағы олқылықтар төңірегінде қиындықтар әлі де бар. Қазақстан Еуропа, Қытай, Ресей және Парсы шығанағы елдерін қоса алғанда, әртүрлі мәдени ортадан туристерді тартатындықтан, әртүрлі үміттерді түсіну және шешу өте маңызды. Хофстедтің мәдени өлшемдері сияқты тәсілдерге сүйене отырып, бұл зерттеу туризм мен қонақжайлылық тенденциялары Қазақстандағы мәдени айырмашылықтармен қалай тоғысатынын зерттейді. Мақсат – осы динамикадан туындайтын қиындықтар мен мүмкіндіктерді анықтау және Қазақстанның тұрақты және мәдени инклюзивті даму үшін туристік әлеуетін қалай пайдалана алатыны туралы түсінік беру.

Кілт сөздер: Қазақстандағы туризм; қонақжайлылық секторы; тұрақты туризм; мәдениетаралық айырмашылықтар; мәдени өлшемдер; білім беру туризмі; цифрландыру.

Kazakhstan's tourism sector has emerged as one of the most rapidly expanding segments of the national economy, playing a vital role in the country's broader economic diversification efforts. Blessed with unique natural landscapes, rich cultural heritage, and a strategic location between Europe and Asia, the country has increasingly attracted international visitors. In 2023 alone, tourism contributed more than 1.2 trillion KZT (around USD 2.7 billion) to the national economy, while tax revenues exceeded 500 billion KZT - a 25% increase from the previous year. Similarly, the hotel industry recorded revenues of 224 billion KZT, reflecting a 27% year-on-year rise [1]. These developments underscore the sector's growing importance and align with the government's long-term vision, articulated in the Kazakhstan 2050 Strategy and the Tourism Development Concept 2023 - 2029, both of which identify tourism as a key driver of sustainable growth.

Priority areas for development include Astana (business and cultural tourism), Almaty (adventure and ski tourism), East Kazakhstan (eco-tourism), Mangystau (coastal tourism along the Caspian Sea), and South Kazakhstan (pilgrimage tourism). Table 1 illustrates Kazakhstan's tourism clusters, highlighting their focus areas, flagship products, and persistent challenges.

Cluster/region	Focus Area	Key Tourism Products	Main Challenges
Astana	Business, cultural tourism	MICE events, museums, World Nomad Games, EXPO legacy	Over-dependence on events, seasonality
Almaty	Adventure, ski, urban tourism	Shymbulak ski resort, mountain hiking, eco-tourism	Infrastructure bottlenecks, environmental pressure
East Kazakhstan	Eco-tourism, heritage	Katon-Karagai National Park, Altai heritage	Accessibility, accommodation quality
Mangystau (Caspian)	Coastal, cultural tourism	Caspian Sea resorts, underground mosques, Silk Road	Limited infrastructure, water scarcity
South Kazakhstan	Pilgrimage heritage tourism	Khoja Ahmed Yasawi Mausoleum (UNESCO site)	Service standards, language skills

Table 1 - Tourism cluster/region analysis of Kazakhstan.

Source: <https://stat.gov.kz/en/industries/economy/national-accounts/publications/368248/>

This cluster-based approach shows how Kazakhstan organizes its tourism development through specialization. Yet persistent barriers such as infrastructure bottlenecks, environmental pressures, and inconsistent service standards constrain competitiveness. Recent infrastructure programs, however, are addressing these issues. The expansion of FlyArystan, Kazakhstan's low-cost airline, has improved affordability and accessibility, while the Nurlı Zhol program has strengthened road and rail links to major ecotourism destinations such as Katon-Karagai National Park and Burabay.

At the heart of this growth lies the hospitality sector, which shapes visitor experiences, fosters satisfaction, and generates loyalty. High-quality accommodation, service standards, and cultural integration directly influence international perceptions. Global tourism trends - sustainability, digital innovation, and community engagement - further define competitiveness, with Kazakhstan progressively adopting eco-friendly hospitality practices [2]. Large-scale events such as EXPO 2017 and the World Nomad Games 2024 have also showcased the country's potential as a hub for cultural and sporting tourism.

KEY CHALLENGES: SEASONALITY, CONNECTIVITY, AND CROSS-CULTURAL GAPS

Despite this momentum, challenges remain. Seasonality limits year-round employment and revenue, as international arrivals peak in summer. Connectivity issues, such as limited direct flights and substandard road conditions - restrict growth in rural and secondary destinations. Service quality inconsistencies are particularly visible in rural accommodations and mid-range hotels, where international benchmarks are often unmet.

More critically, gaps in cross-cultural awareness hinder competitiveness. Kazakhstan's visitor base is highly diverse,

including Europeans seeking independent and nature-based experiences, Chinese travelers preferring structured group itineraries, and Gulf tourists expecting halal-compliant services. Without adequate cultural adaptation, these differences can produce dissatisfaction and undermine loyalty.

Hofstede's cultural dimensions provide a useful lens for analyzing these mismatches [3]. Kazakhstan's collectivist, high power-distance context contrasts with individualistic and egalitarian norms in Europe and North America. For instance, strict procedures may frustrate Europeans seeking flexibility, while Gulf visitors may feel alienated by limited recognition of Islamic hospitality standards. Addressing these gaps requires a systematic investment in cross-cultural competence across the hospitality workforce.

GLOBAL TRENDS AND KAZAKHSTAN'S STRATEGIC ALIGNMENT

Kazakhstan's tourism strategy reflects global trends emphasizing sustainability, experiential travel, and digitalization. Government initiatives to diversify destinations and enhance infrastructure align with UNWTO sustainability objectives [4]. Expanding natural parks, heritage sites, and traditional events supports immersive, socially and emotionally engaging visitor experiences.

Nevertheless, gaps persist in digital transformation. AI-driven personalization, data analytics, and mobile-friendly platforms remain underdeveloped, constraining service customization and real-time responsiveness. Moreover, service disparities between urban and rural areas remain significant. To compete globally, Kazakhstan must simultaneously expand physical infrastructure and strengthen digital readiness.

Cross-cultural competence emerges as a

critical factor for competitiveness in this context. Research shows that cultural awareness, communication styles, and sensory and emotional experiences strongly influence tourist satisfaction and loyalty. Training initiatives that integrate cultural psychology and intercultural communication have demonstrated positive impacts on staff readiness and guest satisfaction. Updating university curricula and embedding continuous professional development can ensure hospitality graduates are prepared for Kazakhstan's diverse visitor base.

POLICY DIRECTIONS

This policy framework highlights four strategic domains: intercultural competence, digital infrastructure, seasonality mitigation, and international collaboration. Together, they provide a roadmap for elevating service quality, diversifying offerings, and stabilizing visitor flows to strengthen Kazakhstan's global competitiveness.

Policy direction	Description	Expected outcomes
Cross-cultural Training and Curriculum Reform	Embed cultural competence modules in hospitality training; partner with international schools for curriculum modernization	Better prepared staff for diverse guests; improved service quality
Investment in Digital Infrastructure	Accelerate adoption of AI, big data analytics, and mobile-friendly platforms	Enhanced personalization, service efficiency, and marketing precision
Seasonality and Connectivity Mitigation	Develop year-round attractions; improve internal and international transport networks	Stabilized visitor flows; consistent service delivery
International Collaboration	Join global tourism networks and bilateral agreements	Increased visibility; knowledge sharing; attraction of diverse visitor segments

Table 2 - Policy Directions to Sustainably Enhance Tourism Competitiveness in Kazakhstan

Kazakhstan's tourism and hospitality sectors are experiencing rapid growth, supported by strong government initiatives, unique cultural and natural assets, and rising international demand. Strategic investments in infrastructure, destination diversification, and global partnerships underscore the country's ambition to become a leading tourism hub. However, sustaining this momentum requires addressing qualitative challenges such as seasonality, connectivity, service consistency, and cultural adaptability.

Cross-cultural competence represents a particularly critical prerequisite, enabling hospitality professionals to deliver culturally attuned services that enhance visitor satisfaction and loyalty. Policy priorities: curriculum reform, digital innovation, mitigation of seasonality, and international collaboration will be central to advancing sustainable growth. Future research should focus on longitudinal studies and case analyses to evaluate the long-term impacts of these strategies, particularly in sustainability and service quality.

With sustained emphasis on cultural sensitivity, technological innovation, and sustainable practices, Kazakhstan is well positioned to deliver authentic, high-quality tourism experiences and strengthen its role in the global tourism arena.

REFERENCES

Bureau of National Statistics of Kazakhstan. (2023). Tourism Satellite Account of the Republic of Kazakhstan (2023). <https://stat.gov.kz/en/industries/economy/national-accounts/publications/368248/>.

Gretzel, U., Sigala, M., Xiang, Z., & Koo, C. (2015). Smart tourism: foundations and developments. *Electronic markets*, 25(3), 179-188.

Huang, S. S., & Crofts, J. (2019). Relationships between Hofstede's cultural dimensions and tourist satisfaction: A cross-country cross-sample examination. *Tourism management*, 72, 232-241.

World Tourism Organization. (2024, January). UNWTO World Tourism Barometer: January 2024 (excerpt). UNWTO. https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2024-01/UNWTO_Barom24_01_January_Excerpt.pdf?VersionId=IWu1BaPwtlJt66kRlw9WxM9L.y7h5.d1

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_69

A REVIEW ARTICLE OF BURNASHEVA L.R. PROBLEMS OF LANGUAGE LOCALIZATION OF COMPUTER GAMES IN TRANSLATION INTO RUSSIAN (USING THE EXAMPLES OF HALF-LIFE 2 AND PORTAL 2)

AYANA ALMISSAYEVA

School of Liberal Arts, Maqsut Narikbayev University

Abstract

This review article critically synthesizes the findings of L. R. Burnasheva's study, Problems of language localization of computer games in translation into Russian (using the examples of Half-Life 2 and Portal 2), within the broader scholarly discourse on video game localization. Her work is contextualized against established theoretical frameworks, including transcreation and Skopos theory, and methodological approaches prevalent in the field.

The review highlights her significant contributions—namely, a systematic four-category problem classification and a practical four-stage localization algorithm—while critically examining the study's focus on Valve games and its limited engagement with player reception data and contemporary industry trends. The discussion identifies key trends towards an integrated localization paradigm and persistent research gaps, particularly concerning post-2020 games, AI-assisted translation, and empirical player-focused studies.

Concluding with targeted recommendations, this article advocates for a multidisciplinary, methodologically diverse, and technologically attuned research agenda to advance the quality and efficacy of video game localization for the Russian-speaking market.

Keywords: video game localization, Russian language, translation studies, transcreation, linguistic adaptation, game localization algorithms, player reception, AI in translation

PROBLEM STATEMENT

Adapting a video game for a new market goes far beyond just swapping words from one language to another. It involves a deep consideration of culture, language nuances, and technical aspects to give players a truly absorbing experience. When it comes to Russian, some unique difficulties arise. The language has a complex grammatical structure with six cases that affect word endings, words can vary greatly in length, and its system for changing word forms can be a challenge.

These include grammatical case agreement, significant text expansion, contextual ambiguity, and cultural transposition, which can manifest as UI text overflow, inconsistent voice acting, narrative dissonance, and loss of humor (Burnasheva, 2025; O'Hagan & Mangiron, 2013).

To show these issues, we can look at how *Half-Life 2* was localized. The historical case of the game, with its multiple, sometimes conflicting Russian versions, exemplifies the tangible impact of these challenges on player experience and product reception.

RELEVANCE

The video game market is a huge industry, generating billions of dollars each year. Russian-speaking players represent a big part of this market. The quality of the translation has a direct impact on how well a game sells. Games that are well translated tend to make more money in non-English speaking countries, while poor translations often lead to bad reviews from players, less engagement, and lower sales.

The commercial importance of high-quality localization is widely acknowledged: research shows that superior adaptation enhances player satisfaction and critical reception, which are commonly understood as contributing factors to market success in target regions (Parsa, 2021). In an era of simultaneous worldwide releases, overcoming the specific hurdles of Russian-

language localization is not merely a linguistic task but a critical business and cultural strategy for ensuring inclusivity and commercial viability.

PURPOSE OF THE REVIEW

This review aims to provide a comprehensive synthesis and critical analysis of Burnasheva's (2025) research within the existing corpus of scholarship on Russian video game localization. It will examine the theoretical underpinnings, methodological approaches, principal findings, and limitations of her work. Furthermore, this article will interpret broader trends, identify significant research gaps and contradictions, and outline a forward-looking agenda for future studies in this dynamic and economically vital field.

LITERATURE SEARCH METHODS

DATABASES

A search was done across several international databases like Scopus, Web of Science, Google Scholar, and ResearchGate, as well as Russian platforms such as CyberLeninka, eLIBRARY.RU, and Gramota Publishing. Journals that focus on specialized translation (for example, *Philology. Theory & Practice*, *Vertimo Studijos*, *John Benjamins series*) were given focus.

KEYWORDS

The research was carried out using the subsequent terms:

English: video game localization, Russian language, translation studies, transcreation, linguistic adaptation, game localization algorithms, player reception, AI in translation.

Russian: локализация компьютерных игр на русский язык, проблемы локализации видеоигр русский, перевод *Half-Life 2 Portal 2*, лингвистическая локализация игр.

INCLUSION/EXCLUSION CRITERIA

The review included academic articles, theses, and book chapters (published between 2010 and 2025) explicitly addressed linguistic, cultural, or technical aspects of video game localization, with a focus on Russian, including studies based on data or specific examples. Sources that provided empirical data, case studies, or robust theoretical frameworks were favored.

The review excluded sources that weren't academic (like forums or Steam discussions), analyses that were purely technical and didn't involve language, and works published before 2010, with the exception of key foundational texts (e.g., O'Hagan & Mangiron, 2013; Bernal-Merino, 2014). Out of about 80 initial sources, 18 were chosen for a more detailed look.

THEMATIC SECTIONS

THEORETICAL FRAMEWORKS

The main theories provide a structure for understanding translation in games. O'Hagan and Mangiron (2013) view game translation as a type of audiovisual translation, focusing on transcreation—adapting the game in a creative way to maintain the fun and playability rather than sticking to a strictly literal translation. This aligns with the functionalist Skopos theory (Bernal-Merino, 2014) uses, where the paramount skopos (purpose) is the player's immersive and enjoyable experience in the target language.

Burnasheva (2025) productively integrates these Western-centric frameworks with Russian translation theory, notably invoking Barkhudarov's (1975) levels of equivalence. Her four-category problem classification (organizational-preparatory, technical, contextual, cultural-linguistic) operationalizes these theories into a practical analytical tool. This bridges the gap between abstract translation strategy and the concrete, often chaotic, reality of game development pipelines. Recent scholarship

emphasizes this integrative approach, viewing localization as a cybertextual practice where code, culture, and language are inseparable (Eskelinen, 2012).

COMPARISON OF METHODOLOGIES

Most studies use a qualitative approach, looking closely at specific examples. The author compares errors in the official Russian versions of *Half-Life 2* and *Portal 2* and suggests a four-step algorithm for translators: gather context beforehand, adapt the text directly, test it in the game, and make changes after release (Burnasheva, 2025).

The methodological landscape of Russian game localization research remains predominantly qualitative and case-study oriented. The author's methodology is emblematic of this trend, employing a comparative error analysis of 149 text segments from *Half-Life 2* and *Portal 2*. Her approach is descriptive and prescriptive, moving from error identification to the proposal of a structured four-stage Algorithm for Professional Video Game Localization (APVG). This mirrors earlier works, such as Kovalkova's (2017) comparative analysis of *Half-Life 2* translations using Chesterman's (Chesterman, 2016) meme-based strategies.

A notable limitation across the field, including in Burnasheva's (2025) work, is the scarcity of quantitative and mixed-methods research. While some studies quantify text expansion (Russian translations can be 30-50% longer) or error frequency, there is a stark absence of empirical studies on player reception (Šiaučiūnė & Liubinienė, 2011). Methodologies common in related fields—such as player surveys, focus groups, psycholinguistic experiments, or gameplay analytics—are underutilized (Lapin & Malushenko, 2024). This creates a researcher-centric view of quality, potentially overlooking the end-user's perspective.

STRENGTHS AND LIMITATIONS

Strengths: The reviewed article's author's primary contribution lies in her systematic structuring of a notoriously complex process. Her problem classification provides a valuable heuristic for both scholars and practitioners to diagnose localization failures. The proposed APVG algorithm offers a clear, actionable workflow that emphasizes preparatory analysis, context-gathering, and iterative testing, thereby addressing the common pitfall of treating localization as a last-minute, linear task. Her use of Valve games as a corpus is a strength, given their cultural significance, rich textual layers, and documented localization history, which allow for deep, illustrative analysis (Pyae, 2018, pp. 105-116).

Limitations: The study's scope is narrowly focused on two AAA titles from a single developer (Valve), released over a decade ago. This limits the generalizability of findings to contemporary industry realities, such as the rise of live-service games, mobile gaming, VR/AR experiences, and indie titles with distinct localization needs (Wikipedia contributors, 2025). The analysis, while robust, is translator-centered. It incorporates no primary data on how Russian players actually perceive, understand, or emotionally engage with the localized versions. Furthermore, the study does not engage with the rapidly evolving impact of Neural Machine Translation (NMT) and AI-assisted tools on localization pipelines, a critical frontier in modern translation studies.

DISCUSSION

INTERPRETATION OF TRENDS

Research since 2020 indicates a consolidation of the integrated paradigm the author employs (Kushneruk, 2024, pp. 439-465). Localization is increasingly viewed not as a standalone translation phase but as a core component of culturalization—a deeper process of adapting game narratives, mechanics, and assets for

global cultural sensibilities (MultiLingual Media LLC, 2025). For Russian, the trend involves moving beyond purely technical correctness (e.g., fitting UI text) towards a more nuanced balancing act: preserving the original's tonal register (e.g., GLaDOS's sarcasm in *Portal 2*) while navigating the linguistic constraints of case systems and genre-specific terminology.

There is also growing academic interest in the phenomenon of community localization or fan translation, which often fills gaps left by official efforts and serves as a rich source of organic, player-approved adaptations (O'Hagan, 2017).

GAPS

Significant research gaps persist. First, there is a temporal and genre gap: a paucity of studies on games released after 2020, particularly in the mobile, indie, and VR spaces. Second, a methodological gap: a critical lack of player-centric, empirical research using surveys, interviews, biometrics (eye-tracking, galvanic skin response), or in-game telemetry to assess localization efficacy (Thompson et al., 2013).

Third, a technological gap: insufficient exploration of how AI and NMT are being integrated into Russian game localization workflows, their current capabilities, and their limitations regarding context and morphology (Burnasheva, 2025). Finally, a comparative gap: few studies systematically compare Russian localization challenges and strategies with those of other morphologically complex languages, such as Polish, Finnish, or Arabic (Bisazza et al., 2021).

CONTRADICTIONS

Key scholarly tensions remain unresolved. The central debate between domestication and foreignization is acute in Russian localization: should slang be rendered with culturally equivalent Russian jargon, or

retain a foreignizing flavor to preserve the game's original setting?

Burnasheva's (2025) pragmatic algorithm leans towards functional domestication for player experience, while other scholars argue for preserving cultural odor as part of the product's identity. Furthermore, the very definition of quality is contested—is it the translator's adherence to theoretical principles, the developer's compliance with technical constraints, or the player's subjective sense of immersion and enjoyment (Dawson-Andoh, 2022). These contradictions highlight the field's interdisciplinary nature and lack of unified metrics.

PROSPECTS FOR FURTHER STUDY

The future of Russian game localization research is multidisciplinary and demands methodological innovation. Promising directions include:

- 1) Human-Computer Interaction (HCI) crossover studies examining how localized UI/UX affects player cognition and behavior;
- 2) Longitudinal studies of AI tool adoption and their impact on translator agency and final quality;
- 3) Genre-specific analyses, particularly of narrative-heavy RPGs, competitive esports titles, and socially-driven mobile games;
- 4) Development of Russian-specific computational linguistics tools for predictive text expansion and case-agreement checking;
- 5) Economic studies quantifying the ROI of different localization investment levels (Tumozov, 2024).

CONCLUSION

Burnasheva's study constitutes a significant, structured contribution to understanding the multifaceted challenges of localizing video games into Russian. Synthesizing theoretical models with practical problem-

solving provides a valuable framework for both analysis and practice.

However, the field must evolve beyond classic case studies to embrace player-focused empirical research, engage with contemporary game genres and technologies, and develop more nuanced, evidence-based strategies for navigating the enduring tensions between fidelity, functionality, and cultural resonance in localization.

RECOMMENDATIONS FOR FUTURE RESEARCH

1. Use a mix of methods: Combine looking for errors with player surveys, eye-tracking, or gameplay metrics to get feedback from the players.
2. Look at a wider range of examples: Include recent games (e.g., indie, mobile, VR) and games from non-Western developers.
3. Research AI/machine translation: Determine how well tools can handle Russian word structure and context.
4. Create Russian-specific rules: Develop guidelines for variables, text length, and cultural references.
5. Do comparative studies: Compare Russian with other languages that have similar structures.
6. Look into community translation: Consider the role that fan translations play in filling gaps in official translations.

REFERENCES

- Bernal-Merino, M. Á. (2014). Translation and Localisation in Video Games: Making Entertainment Software Global.
- Bisazza, A., Üstün, A., & Sportel, S. (2021). On the Difficulty of Translating Free-Order Case-Marking Languages. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 9, 1233–1248.
- Burnasheva, L. R. (2025). Problems of language localization of computer games in

translation into Russian (using the examples of Half-Life 2 and Portal 2). *Philology Theory & Practice*, 18(2), 431–438.

Chesterman, A. (2016). Memes of translation. In *Benjamins translation library*.

Dawson-Andoh, A. (2022). *Game Localization from Multiple Perspectives: The Roles of Industry, Press, and Players*. Deep Blue (University of Michigan).

Eskelinen, M. (2012). *Cybertext Poetics : The Critical Landscape of New Media Literary Theory*. In *Continuum eBooks*.

Kovalkova, E. (2017). Problemy lingvisticheskoi lokalizatsii komp'yuternykh igr na russkii iazyk (na primere igrы «Half Life 2») [Problems of linguistic localization of computer games into Russian (using the example of the game «Half Life 2»)]. *Vertimo Studijos*, 6, 87–99.

Kushneruk, S. L. (2024). Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: Paradigmatic framework and conceptual apparatus. *Russian Journal of Linguistics*, 28(2), 439–465.

Lapin, D. A. & Malushenko, V. A. (2024). Study of video games: foreign approaches and methods. *Mediascope* (2). <https://www.mediascope.ru/en/2872>

MultiLingual Media LLC. (2025, July 2). *Culturalization in Video game Localization: Beyond Translation | MultiLingual*.

O'Hagan, M. (2017). Seeking delocalization. *The Journal of Internationalization and Localization*, 4(2), 183–202. <https://doi.org/10.1075/jial.00004.oha>

O'Hagan, M., & Mangiron, C. (2013). Game localization. In *Benjamins translation library*.

Parsa, R. N. (2021). Minako O'Hagan (ed): *The Routledge Handbook of Translation and Technology*. *Machine Translation*, 35(4), 745–761.

Pyae, A. (2018). Understanding the role of culture and cultural attributes in digital game localization. *Entertainment Computing*, 26, 105–116.

Šiaučiūnė, V., & Liubinienė, V. (2011). Video Game Localization: the Analysis of In-Game Texts. *Studies About Languages*, 0(19). <https://doi.org/10.5755/j01.sal.0.19.945>

Thompson, J. J., Blair, M. R., Chen, L., & Henrey, A. J. (2013). Video game telemetry as a critical tool in the study of complex skill learning. *PLoS ONE*, 8(9), e75129. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0075129>

Tumozov, M. A. (2024). Video Game Localization. *L Samara Regional Student Scientific Conference*, 2, 190-190.

Wikipedia contributors. (2025, November 23). Half-Life: Alyx. *Wikipedia*. https://en.wikipedia.org/wiki/Half-Life%3A_Alyx

UDC 37.018.43:004.8(574)

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_75

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SCHOOLS OF KAZAKHSTAN: OPPORTUNITIES AND PERSPECTIVES

ZARINA KUSSAINOVA

Maqsut Narikbayev University, School of Liberal Arts

zarina_kussainova@kazguu.kz

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-0242-6333>

Аннотация

В настоящее время Казахстан все активнее работает над цифровой трансформацией образования, и, конечно же, главную роль в этом процессе играет искусственный интеллект (ИИ). Важными шагами стали такие программы, как “Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы” и национальные стандарты по использованию ИИ в образовательных учреждениях. Но есть разница между официальными документами и реальностью, которую можно увидеть в школах. Особенно это касается преподавания английского языка. При этом, хотя во всем мире активно используется искусственный интеллект, в Казахстане им пользуются далеко не все и без четкой системы. В этой статье рассматривается, как искусственный интеллект внедряется в школах Казахстана, какие существуют реальные проекты и инициативы. Также в ней демонстрируется роль учителей английского языка в цифровизации. Цель моего исследования - не только перечислить технологии, но и показать, как они используются в реальности. Кроме того, в статье перечислены потенциальные проблемы и препятствия, которые препятствуют широкому внедрению искусственного интеллекта в казахстанских школах. Анализ был проведен на основе открытых отчетов Министерства образования Республики Казахстан, отчета Высшей школы образования Назарбаев университета (NUGSE), публикаций Казахстанской ассоциации преподавателей английского языка (КАТЕ) и материалов международных организаций, таких как ЮНЕСКО, ОЭСР и США. А также Департамент образования. Этот анализ позволяет определить текущее состояние интеграции искусственного интеллекта в школах Казахстана, сравнить его с международным опытом и сформулировать рекомендации для различных участников образования. Материал может быть полезен учителям английского языка, школьным администраторам и разработчикам программ повышения квалификации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация образования, Казахстан,

Аңдатпа

Қазіргі уақытта Қазақстан білім беруді цифрлық трансформациялау бойынша белсенді жұмыс істеуде, және, әрине, бұл процесте жасанды интеллект (АИ) басты рөл атқарады. “Жасанды интеллектті дамытудың 2024-2029 жылдарға арналған тұжырымдамасы” және білім беру мекемелерінде АИ қолдану жөніндегі ұлттық стандарттар сияқты бағдарламалар маңызды қадамдар болды. Бірақ ресми құжаттар мен мектептерде кездесетін шындық арасында айырмашылық бар. Бұл әсіресе ағылшын тілін оқытуға қатысты. Бұл ретте, бүкіл әлемде жасанды интеллект белсенді пайдаланылғанымен, Қазақстанда оны барлығы бірдей нақты жүйесіз пайдалана бермейді. Бұл мақалада жасанды интеллект Қазақстан мектептерінде қалай енгізілетіні, қандай нақты жобалар мен бастамалар бар екендігі қарастырылады. Сондай-ақ, ол цифрландырудағы ағылшын тілі мұғалімдерінің рөлін көрсетеді. Менің зерттеуімнің мақсаты - технологияларды тізімдеу ғана емес, сонымен қатар олардың шындықта қалай қолданылатынын көрсету. Сонымен қатар, мақалада қазақстандық мектептерде жасанды интеллектті кеңінен енгізуге кедергі келтіретін ықтимал проблемалар мен кедергілер келтірілген. Талдау Қазақстан Республикасы Білім министрлігінің ашық есептері, Назарбаев Университетінің Жоғары білім беру мектебінің (NUGSE) есебі, қазақстандық ағылшын тілі оқытушылары қауымдастығының (KATE) жарияланымдары және ЮНЕСКО, ЭЫДҰ және АҚШ сияқты халықаралық ұйымдардың материалдары негізінде жүргізілді. Сондай-ақ білім департаменті. Бұл талдау Қазақстан мектептеріндегі жасанды интеллект интеграциясының ағымдағы жай-күйін анықтауға, оны халықаралық тәжірибемен салыстыруға және білім берудің әртүрлі қатысушылары үшін ұсыныстарды тұжырымдауға мүмкіндік береді. Материал ағылшын тілі мұғалімдеріне, мектеп әкімшілеріне және біліктілікті арттыру бағдарламаларын жасаушыларға пайдалы болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, білім беруді цифрландыру, Қазақстан, ағылшын тілін оқыту, мұғалімнің көзқарасы, инновация.

Abstract

Nowadays, Kazakhstan is working on the digital transformation of education more and more actively, and, of course, the Artificial Intelligence (AI) leads the main role in this process. The important steps have become such programs as “Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029” and the national standards on AI use in educational institutions. But there is a difference between the official documents and the reality that it is possible to see in schools. Especially, it concerns the English teaching. In this case, although worldwide AI is actively used, in Kazakhstan it is used not by everybody and without clear system. This article examines how AI is introduced into the schools of Kazakhstan, what real projects and initiatives exist. Also, it demonstrates the role of English language teachers in digitalization. The aim of my research is not only to list the technologies, but to show how they are used in reality. Besides it, the article lists potential problems and obstacles that hinder the wide implementation of

AI in Kazakhstan's schools. The analysis was made based on open reports from the Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan, a report by Nazarbayev University Graduate School of Education (NUGSE), publications from the Kazakhstan Association of Teachers of English (KATE), and materials from international organizations such as UNESCO, the OECD, and the U.S. Department of Education as well. This analysis allows to define the current state of AI integration in schools of Kazakhstan, compare it with international experiences, and formulate recommendations for different participants of education. The material may be useful for English language teachers, school administrators, and professional development programs designers.

Keywords: artificial intelligence, digitalization of education, Kazakhstan, English language teaching, teacher's attitude, innovation.

INTRODUCTION

Nowadays, Artificial Intelligence (AI) is becoming one of the key trends in global education. Kazakhstan is also moving in this direction, although the process is still at an early stage.

Across the country, more attention is being paid to bringing digital technologies into schools. One example is the Digital Kazakhstan State Program (2018 –2022), which aims to “create the conditions for developing a digital economy and society”. Within this framework, the Digital School project was launched, aimed at implementing electronic gradebooks, interactive platforms, and adaptive learning tools. In 2025, the Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan approved National Standards for the Use of AI in Educational Institutions, emphasizing that “the main goal of AI integration is to increase the effectiveness of learning and to develop students’ digital competencies.”

Nevertheless, actual data show that the implementation of AI in schools remains uneven. According to the report by Nazarbayev University Graduate School of Education, mostly urban schools use AI for educational purposes. The report highlights that “teachers’ digital readiness remains low and requires systemic support”. This indicates that the problem lies not so much in the lack of technology, but in the lack of readiness to use it meaningfully.

Teaching English as a second language is an interesting example of how AI can be used. On one hand, this subject is particularly suited for technological enhancement: there are dozens of digital tools that help improve writing, pronunciation, and vocabulary. On the other hand, teachers face important questions – how reliable these technologies are, how they can be integrated into the curriculum, and whether they might diminish the teacher’s role. According to the Kazakhstan Association of Teachers of English notes: “Many educators perceive

AI as a convenient tool for preparing assignments and checking written work, but not as part of their teaching methodology.” This observation captures the current situation well: the technology exists, but the pedagogical model for its use does not.

Research from around the world shows that this isn’t just a problem in Kazakhstan. Luckin et al. (2023) assert that AI can markedly improve feedback quality and tailor learning experiences; however, its efficacy diminishes in the absence of pedagogical guidance. Likewise, Holappa and Sarja (2021), in their examination of Finnish practices, assert that “successful AI integration in education is possible only if teachers understand how the technology works and what problem it aims to solve” (p. 9).

In the Kazakhstani context, these conclusions are particularly relevant. English teachers are often “at the forefront” of digital innovation but act intuitively and without systematic support. In rural schools, these problems are made worse by technical issues like slow internet connections, not enough equipment, and not being able to use modern platforms. As noted in the NUGSE report, the gap between urban and rural schools remains “one of the main barriers to digital equity” (2023)

The focus on AI in English language teaching is also explained by the fact that most AI-based tools were originally designed for language learning. Grammarly, QuillBot, ChatGPT, and other apps were made to help people write and talk in English. This makes English a natural “starting point” for looking into how AI can be used in schools. But there is a problem with localization: how to make these technologies fit with Kazakhstan’s national standards, curricula, and language.

The purpose of this article is to analyze how AI is being integrated into school education in Kazakhstan, what practical examples already exist, and what challenges and

opportunities English language teachers encounter.

The main objectives are:

- To review international experiences in implementing AI in education;
- To analyze Kazakhstani studies and programs related to school digitalization;
- To identify the main areas where AI is already applied or could be useful in English language teaching;
- To outline the key challenges and risks teachers face and propose possible solutions.

The relevance of this study lies in the fact that Kazakhstan is currently at a stage where digital technologies are becoming part of everyday school life, yet pedagogical practice is struggling to keep up with the pace of technological progress.

LITERATURE REVIEW

The use of Artificial Intelligence (AI) in education is becoming more and more popular around the world. A lot of researchers agree that AI will only work in schools if teachers know how to use it and understand it.

Experts say that AI should be used to help teachers, not take their place. Luckin, et al. (2023) said that AI can really change how teachers give feedback, grade students, and help them, but only if teachers stay involved in the process. They also said that AI cannot be a teacher, since it doesn't understand meaning the way humans do; it can only help teachers meet students' individual needs. Similarly, Salmon (2019) pointed out that AI assistants can save teachers time by handling small tasks, so teachers can focus on the more important parts of teaching and learning.

Different countries have taken different approaches to using AI in education, but

they all seem to agree that teacher training is very important. In Finland, for example, teachers are required to learn about digital literacy and AI as part of their professional development (Holappa & Sarja, 2021). This helps them stay in control of the technology they use. In South Korea, schools have even added AI and digital ethics courses for students. Kim and Park (2022) said that what really matters are not how much technology schools have, but how well teachers are trained to use it.

In English language teaching (ELT), researchers have found that AI can make learning more personal. Wang and Zhang (2024) found that AI tools are great for improving grammar and writing, but only if they are used for feedback instead of automatic grading.

In Kazakhstan, research about AI in education is still developing, but similar ideas are starting to appear. Smogulova and Tokbergenova (2021) wrote that technology should be introduced together with new teaching methods and regular teacher training. Ibrayeva et al. (2025) also said that schools should buy new equipment, but they should also help teachers feel ready to use technology. Beknazar and Lee (2025) said that AI can help students think more deeply and question what they learn, but only if it is used in a smart way.

Overall, the main message from all this research is clear: AI can make education better, but only when teachers stay at the center of the learning process.

METHODOLOGY

This study employs document analysis as its primary research method. Document analysis is a qualitative approach that involves the systematic examination of publicly available texts such as policy documents, national programs, academic studies, and analytical reports (Bowen, 2009).

This approach aligns effectively with the research objectives, as all four goals necessitate the interpretation of existing written sources: evaluating international experiences, scrutinizing Kazakhstani digitalization initiatives, pinpointing current and prospective applications of AI in English language instruction, and assessing reported challenges and risks faced by educators. Comparing official stories, teaching methods, and scholarly discussions to find common themes and gaps is how document analysis helps achieve these goals.

Bowen (2009) says that document analysis

has a number of steps: choosing the right materials, checking their authenticity, coding themes, and putting together the results. Corbin and Strauss (2015) also stress that document analysis helps researchers find links between formal policies and what people actually do.

For selecting documents, I used a purposive sampling structure to ensure that the documents related to AI and education.

The criteria include: (1) Documents from national policy about AI and education, (2) analytical reports on AI in teaching, and (3) publications reflecting teachers'

#	Document	Publisher / Year	Relevance
1	Digital Kazakhstan State Program	Government of the Republic of Kazakhstan (2017)	A national digitalization strategy that sets goals for updating ICT and education
2	Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029	Government of the Republic of Kazakhstan (2024)	A national framework prioritizing AI development across sectors, including education
3	Digital Education Outlook 2023: Intelligent technologies for learning	OECD (2023)	Global report on AI and policies for digital education
4	AI and Education: Guidance for policymakers. UNESCO Publishing.	UNESCO (2021)	International guidance for AI governance, ethics, and inclusion
5	Digital Infrastructure Report	Ministry of Digital Development RK (2024)	Official information about broadband access and ICT in schools in Kazakhstan
6	KazTEA & ARELTA Conference Proceedings: "Transformative Learning in Kazakhstan Education Context"	KazTEA (Kazakhstan Teachers of English Association) & ARELTA (Akmola Regional English Language Teachers Association) (2024)	Publication contains research papers about ELT innovation and AI practices in Kazakhstan. It helps examine teachers' perspectives.

Table 1. Documents included in the document analysis

perspectives. After that, documents were tagged and classified according to the criteria.

FINDINGS

The examination of official documents and professional reports offers an accurate depiction of the integration of Artificial Intelligence (AI) into Kazakhstan's educational system. The materials I looked at show that there is a strong political will for digital transformation, but they also show that there are big gaps between strategy and practice. Below I will analyze these gaps in five themes: the national policy framework, infrastructure and access, teachers' readiness to use AI, international standards, and comparative synthesis.

THE NATIONAL POLICY FRAMEWORK

The Digital Kazakhstan State Program set the stage for digital transformation by making updating technology a top priority in education, healthcare, and government (2017). The educational part of it is about building up ICT infrastructure and teaching people how to use technology. But the program doesn't say exactly how AI should be used in schools.

Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029 (2024) fills this gap by setting long-term goals for how AI should be used in schools and in training teachers. It talks about making classrooms that use AI and stresses that teachers need to be ready for success. Still, the Concept remains mostly declarative: it outlines what should be done but provides few details on how these goals are expected to be achieved.

INFRASTRUCTURE AND ACCESS

Digital Infrastructure Report (2024) gives numbers that show the digital divide between different parts of Kazakhstan. About 60% of schools have stable broadband internet access, but there are big differences between urban and rural areas. AI-based tools are hard to use in

rural schools because they often have old equipment and poor internet connections. These results show that readiness of the infrastructure is still a big problem for fair AI use.

TEACHERS' READINESS TO USE AI

KazTEA&ARELTA Conference Proceedings (2024) include materials that discuss teachers' experiences with digitalization in the work, including the use of AI tools. According to these materials, English teachers consistently rely on these tools such as Grammarly, ChatGPT, etc. In most cases, for checking students' written works and creating materials for lesson planning. However, only some teachers actively use these tools, as proceedings repeatedly highlight the lack of clear guidelines or systematic training. As a consequence, teachers are not fully informed about how to use AI appropriately in practice, how to ensure privacy, or what the full potential of these tools actually is.

INTERNATIONAL STANDARDS

Digital Education Outlook (2023) indicates that effective use of AI depends not only on technological tools but also on teachers and the curriculum needs to be well-designed, and the school needs to support it. UNESCO: AI and Education: Guidance for Policymakers (2021) also talks about how important ethics, openness, and fair access are. Both reports offer frameworks that Kazakhstan's education system can adopt; however, their effectiveness necessitates adaptation to local conditions, particularly regarding multilingual education and infrastructural constraints.

COMPARATIVE SYNTHESIS

A comparison of Kazakhstani and international research reveals several consistent patterns. All authors agree that technology cannot be successfully implemented without pedagogical training. The main difference is that in countries with longer experience in digital transformation, such training has already become an integral part of the education system. Such contrasts

are important to highlight because they show that the education system is thinking not only about infrastructure, but also about integrating a long-term perspective for further development strategies. Looking at the international context and comparing it to Kazakhstan's context, it reveals that there are both structural and practical challenges. In Kazakhstan, the integration of AI often relies on the enthusiasm of individual teachers rather than support from the government. This issue leads to uneven conditions for teachers because while some teachers actively use and implement AI tools, others are experiencing pressure from administration and lack institutional support. Strengthening this support potentially could change the situation in favor of teachers' professional development. As a consequence, the progress of technological innovation develops at different speeds across the country, which affects both accessibility and quality.

The level of digital infrastructure remains a challenge: rural schools often lack stable internet access, making discussions about AI implementation largely theoretical. From the analysis, several key conclusions can emerge. AI is already a part of education policy around the world and is used in many areas, such as language learning. This dynamic indicates that AI implementation tends to occur in educational practice where digital systems are already well developed. Kazakhstan is still in the early stages of this process. There are state programs and more teachers are interested, but there is no set method or practical help yet. Despite the willingness to develop exists, however, training courses and systematic frameworks are still limited in practice. English language teachers represent one of the groups where AI integration could have the most immediate impact, as the subject is closely linked to language data processing, translation, and text analysis. Because English as a subject naturally aligns with AI capabilities such as automatic checking, chatbots for practice, English teachers have the potential to be among the

first who implement such technology. For AI integration to be successful, it is crucial not only to introduce technologies but also to foster a pedagogical culture of meaningful, informed, and ethical use.

DISCUSSION

The findings of this study reveal both progress and persistent challenges in the integration of Artificial Intelligence (AI) into Kazakhstan's education system. When compared to international research, several areas of convergence – and a few critical gaps – emerge.

POLICY VISION VERSUS IMPLEMENTATION

Both academic literature and documentary evidence emphasize that policy declarations alone are insufficient to ensure meaningful AI adoption. Scholars such as Luckin et al. (2023) and Holmes et al. (2019) argue that pedagogical frameworks and teacher competence must underpin any technological innovation. The case of Kazakhstan supports this: The Digital Kazakhstan State Program (2017) and Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029 (2024) both have clear strategic goals, but they don't have any plans for how to put them into action.

Kazakhstan is not the only country that has this gap between strategic vision and practical application. In the early stages of AI integration in South Korea and Finland, there were similar problems. At first, the government's efforts were focused on infrastructure, but they later turned to teacher training and curriculum development (Holappa & Sarja, 2021; Kim & Park, 2022). Kazakhstan seems to be on a similar path, moving from making plans to trying things out in real life.

TEACHER READINESS AND GROWTH AS A PROFESSIONAL

The results clearly show that teacher readiness is still the most important factor in AI adoption. KazTEA & ARELTA

Conference Proceedings (2024) shows that English language teachers are trying out AI tools, but they don't have any help with how to do it. Academic research corroborates this assertion: Wang and Zhang (2024) and Salmon (2019) emphasize that educators must transcend mere tool utilization to comprehend how AI can facilitate differentiated instruction and formative feedback.

In Kazakhstan, teacher training programs primarily emphasize general ICT literacy rather than the pedagogical integration of AI. Smogulova and Tokbergenova (2021) assert that professional development courses infrequently incorporate applied modules addressing AI or ethical concerns. This aligns with a broader trend observed in international research—absent continuous professional support, educators often utilize technology as a supplementary tool rather than as an integral aspect of pedagogical practice.

These results are in line with earlier research by Smogulova and Tokbergenova (2021) and Ibrayeva et al. (2025) who found that teacher training programs in Kazakhstan often stress general ICT literacy instead of how to use technology in the classroom. Consequently, the capacity of AI to customize learning or improve feedback is still not fully utilized.

INFRASTRUCTURE AND EQUITY

The Digital Infrastructure Report talks about digital inequality, which is still a structural problem. Only about 60% of schools have reliable broadband access, which puts teachers in rural areas at a disadvantage. This issue corresponds with UNESCO's (2021) principle of "inclusive digital transformation", which cautions that technological reforms should not exacerbate existing disparities.

This concern is echoed in academic literature. Wang and Zhang (2024) contend that AI initiatives in education predominantly advantage well-resourced institutions, thereby exacerbating the digital divide.

For Kazakhstan, this means that building infrastructure and training teachers must happen at the same time; neither can succeed on its own.

CULTURAL AND MORAL ASPECTS

International reports, especially UNESCO (2021) and OECD (2023), talk a lot about the moral issues of using AI in schools, such as protecting data, being open about algorithms, and being sensitive to different cultures. These topics are just starting to show up in Kazakhstan's policy papers and professional conversations. Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029 (2024) identifies ethics as a guiding principle but fails to implement it via teacher training or student curriculum.

Scholars like Holmes et al. (2019) and Luckin et al. (2023) stress that ethical literacy is important to stop people from relying too much on AI and to make sure that technology improves human judgment instead of replacing it. In Kazakhstan, incorporating these principles into national teacher standards would signify a substantial advancement towards sustainable and responsible AI integration.

COMBINING ACADEMIC AND DOCUMENTARY PROOF

When one looks at the literature and the documents selected for this study, one can see that they are very similar in terms of ideas. All stress the importance of teacher agency, professional learning, and fairness. But they differ in how deep they go and how they are used. International research provides comprehensive pedagogical frameworks for the incorporation of AI into lesson design (e.g., adaptive learning systems, feedback analytics), while Kazakhstani documents are predominantly general and aspirational.

This means that the next step in Kazakhstan's development should be to put existing policies into action by designing the curriculum, training teachers, and setting ethical rules. The excitement seen among

English language teachers shows that they are ready to work, which national institutions could use to their advantage by providing targeted professional development and funding for school-based innovation.

RECOMMENDATIONS

Based on all of the above, it is possible to make some conclusions and suggest practical steps that could help Kazakhstan move from formality to reality. Kazakhstan has a clear plan for going digital. The Digital Kazakhstan State Program (2018–2022) and the Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029 (2024) provide a regulatory framework in which AI is considered an integral part of education modernization. However, even if policy documents, rules of strategies exist, this doesn't guarantee effective implementation. English language teaching represents the most active area of AI use. This is largely because many digital tools (e.g., Grammarly, ChatGPT, Duolingo, Quizlet) were originally designed for language learning. Kazakhstan's English teachers are some of the most active in trying out these new technologies. Although such participation shows the potential of AI, it is necessary to provide a detailed guide. There are still differences in infrastructure between schools in cities and those in rural areas, this directly impacts integration. Since a stable internet connection is essential, there's a risk of uneven implementation. This imbalance affects professional interaction as a professional community of educators discussing AI is only beginning to form.

Kazakhstan already has some successful practices that can be built on, even though it is hard. For example, the Institute of Smart Systems and Artificial Intelligence (ISSAI) at Nazarbayev University is one example. It makes advanced AI solutions that are tailored to the needs of Kazakhstan, such as Soyle (a speech recognition and synthesis application) and KazLLM (a Kazakh language model) (ISSAI, 2025).

These changes show that AI can improve the way it is possible to learn and test ourselves, especially when it comes to language technologies.

Another example is the active use of professional development programs for teachers at Nazarbayev Intellectual Schools (NIS). In these programs, teachers learn how to use AI not just as a technical tool but also as a teaching partner. Also, ISSAI runs summer research programs for schoolchildren and students every year. These programs get kids interested in AI and give them hands-on experience working on real research projects.

The emergence of such initiatives is a positive sign: AI integration in Kazakhstan is moving from abstract discussion to tangible educational practice, relying on a strong research base and internal expertise.

PRACTICAL RECOMMENDATIONS

FOR UNIVERSITIES AND POLICY MAKERS

Courses and programs should be developed to support teachers' AI literacy. Furthermore, modules should be written in clear instructions for understanding. This framework needs to have more than just technical parts. There also should be parts that consists language, teaching, and ethics. The "UNESCO AI Competency Framework for Teachers" (UNESCO, 2023) may serve as a good foundation.

It is also important to introduce smooth, well-designed training for teachers who work and are training to become teachers. Designing lessons with AI in practice how these tools work in practice by using chatbots and content generators. Then after training course center should provide certification.

Prioritize equal access to digital infrastructure. Rural should receive funding and technical support, and stable internet connection.

It is important for colleges and universities that train future teachers. Include AI in modules into curricula, ensuring that students learn not only how to use technology, but also how to evaluate critically about how it affects learning in the future.

It is significant to develop research centers in universities. It should support researchers who are working on creation guidelines.

FOR SCHOOLS AND TEACHERS

It is important to begin the using of AI with simple tools. Teachers can apply AI for in many different way: some use it to check essays, while others create dialogues or tests. However, it's important to share these experiences with colleagues, because building supportive community is a key.

CONCLUSION

Nowadays, the topic of AI is one of the main parts of national strategies, pedagogical discussions and academic research. At this stage, Kazakhstan is laying the groundwork upon which a comprehensive system of next-generation digital education may develop in the coming years.

Kazakhstan has made a lot of progress at the policy level. The Digital Kazakhstan state program and Concept of Artificial Intelligence Development for 2024–2029 (2024) have set goals that are in line with global development: more personalized learning, better teaching, and the growth of digital skills. In this sense, the government is making the right strategic choice by not seeing technology as an end in itself, but as a way to modernize education.

Even though these are positive development, there is still a gap between what politicians say and what happens in schools every day. The NIS (2023) study clearly indicates that real AI use in education is still limited to individual schools and enthusiastic teachers. This is a natural stage for a country where digital infrastructure remains uneven and professional development systems are only beginning to adapt to new technological demands. Wherever AI has become part of the education system, teachers have been the true agents of change. Kazakhstan now need to move among this path – from experimentation toward a systemic model.

The near-term prospects for AI in Kazakhstani education are connected to several key directions:

1. Teacher training and retraining. No technology will succeed without investment in human capital.
2. Building national AI-powered educational platforms that work with Kazakhstan's many languages and cultures.
3. Setting moral standards and rules for how to use technology safely in schools.
4. Encouraging research and policy-making that is based on facts, not guesses, to make sure that changes are based on real data.

Kazakhstan has potential not only keep pace with development in the world, but it can also to design with its own model that is adaptable, people-centered, and aligned with needs of teachers.

REFERENCES

- Beknazar, L., & Lee, Y. (2025). ChatGPT as a vocabulary learning tool for EFL learners in Kazakhstan. *Modern English Education*, 26(0), 336–351. <https://doi.org/10.18095/meeso.2025.26.0.336>
- Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2023). Information and communication technologies in Kazakhstan: Statistical bulletin
- Bowen, G. A. (2009). Document analysis as a qualitative research method. *Qualitative research journal*, 9(2), 27-40. <https://doi.org/10.3316/QRJ0902027>
- Corbin, J., & Strauss, A. (2015). *Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory* (4th ed.). SAGE Publications.
- Government of the Republic of Kazakhstan. (2017). *Digital Kazakhstan state program*. Astana: Government of the Republic of Kazakhstan.
- Government of the Republic of Kazakhstan. (2024). Resolution No. 592 of July 24, 2024 “On approval of the Concept of artificial intelligence development for 2024–2029”. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592>
- Ibrayeva, Z., Maimakova, A., Gavrilova, Y., Akerke, A., & Akimbayev, Y. (2025). Problems and prospects for the implementation of artificial intelligence in the educational process of Kazakhstani Universities. *Periodicals of Engineering and Natural Sciences (PEN)*, 13(1), 83–96. <https://doi.org/10.21533/pen.v13.i1.251>
- ISSAI. (2025, March 28). Mangitas 01: ISSAI's new inference server for MangiSOZ Foundational Speech Model. ISSAI. <https://issai.nu.edu.kz/2025/03/28/mangitas-01-issais-new-inference-server-for-soyle-foundational-speech-model/>
- Holappa, J., & Sarja, A. (2021). Artificial intelligence in Finnish education: Teacher readiness and pedagogical implications. In *Proceedings of the International Conference on Education and New Learning Technologies* (pp. 9–15).
- Holmes, W., Bialik, M., & Fadel, C. (2019). *Artificial intelligence in education: Promises and implications for teaching and learning* (1st ed.). Center for Curriculum Redesign.
- Kazakhstan Association of Teachers of English. (2023). *Proceedings of the Annual KATE Conference*.
- KazTEA & ARELTA. (2024). *Transformative learning in Kazakhstan education context: Proceedings of the XX International Conference*. Kokshetau Ualikhanov University.
- Kim, H., & Park, S. (2022). AI literacy and teacher preparedness in South Korean schools. *Journal of Educational Technology & Society*, 25(3), 45–60.
- Luckin, R., Holmes, W., & Griffiths, M. (2023). *Artificial intelligence and the future of teaching*. London: UCL Knowledge Lab.
- Ministry of Digital Development of the Republic of Kazakhstan. (2024). *Digital Infrastructure of Kazakhstan Report 2024*. Astana: MoDDIA RK.
- Mishra, P., & Koehler, M. J. (2006). *Technological pedagogical content knowledge: A*

framework for teacher knowledge. *Teachers College Record*, 108(6), 1017–1054.

Nazarbayev University Graduate School of Education. (2021). Review of digitalization in Kazakhstani schools.

Nazarbayev Intellectual Schools (NIS). (2023). AI for Teachers: Joint Project with University College London. <https://www.nis.edu.kz/storage/files/01JSKE4QXHRJ05WSGS7TWHWHS H.pdf>

OECD (2023), *OECD Digital Education Outlook 2023: Towards an Effective Digital Education Ecosystem*, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/c74f03de-en>.

Salmon, G. (2019). May the fourth be with you: Creating education 4.0. *Journal of Learning for Development*, 6(2), 95–115.

Smogulova, A., & Tokbergenova, G. (2021). Teachers' digital readiness in Kazakhstan: Challenges and perspectives. *Central Asian Journal of Education*, 7(1), 54–66.

UNESCO. (2021). *AI and education: Guidance for policymakers*. UNESCO Publishing.

Wang, X., & Zhang, W. (2024). Generative AI as a collaborative companion: Enhancing peer feedback in EFL writing classes. *Education Research and Perspectives*, 51, 102-123.

UDC 81'373:811.512.122

DOI 10.51634/2307-5201_2026_10_88

ADAPTATION OF BORROWED NOUNS TO THE GRAMMATICAL SYSTEM OF THE TARGET LANGUAGE: FROM THE PERSPECTIVE OF THE KAZAKH LANGUAGE USED IN SOCIAL MEDIA

AINUR KURMANBAYEVA

Maqsut Narikbayev University, School of Liberal Arts

<https://orcid.org/0009-0002-0855-5177>

Abstract

The present research paper examines the common patterns in the adaptation process of the nouns borrowed into the Kazakh language in a social media context. The study was conducted using the mixed-methods approach to analyse a sample of borrowed nouns retrieved from WhatsApp, Telegram, Instagram, and YouTube. The results indicate that foreign nouns fully adopt the native Kazakh rules of noun declension, with minor exceptions. Moreover, it was found that the declension by number shows the highest degree of borrowings assimilation. Those findings contribute to the overall research on the specificities of borrowings in Kazakh. They may also be beneficial for the Kazakh language education.

Keywords: adaptation of borrowings, borrowed nouns, the Kazakh language, social media, grammatical categories of nouns in Kazakh

Аңдатпа

Бұл ғылыми жұмыс әлеуметтік желілер контекстінде қазақ тіліне басқа тілдерден енген зат есімдердің бейімделу үдерісіндегі жалпы заңдылықтарды зерттейді. WhatsApp, Telegram, Instagram және YouTube платформаларынан алынған кірме зат есімдер үлгілерін талдау аралас зерттеу әдістері арқылы жүргізілді. Зерттеу нәтижелері басқа тілдерден енген зат есімдердің қазақ тілінің төл жалғау ережелеріне толық бейімделе отырып өзгеретінін көрсетті. Сонымен қатар, кірме сөздердің бейімделу деңгейі ең жоғары болатын грамматикалық категория ретінде көптік жалғау айқындалды. Бұл нәтижелер қазақ тіліндегі кірме сөздердің ерекшеліктеріне қатысты зерттеу жұмыстарына үлес қосады. Сондай-ақ, олар қазақ тілін оқыту саласы үшін де пайдалы болуы мүмкін.

Кілт сөздер: кірме сөздердің бейімделуі, кірме зат есімдер, қазақ тілі, әлеуметтік желілер, қазақ тіліндегі зат есімдердің грамматикалық категориялары

Аннотация

В данной научной статье рассматриваются общие закономерности процесса адаптации существительных, заимствованных из других языков в казахский в контексте социальных сетей. Анализ выборки заимствованных существительных, извлечённых из WhatsApp, Telegram, Instagram и YouTube, был проведён с использованием смешанных методов исследования. Результаты показывают, что заимствованные существительные, за редким исключением, полностью усваивают нормы склонения в казахском языке. Кроме того, было выявлено, что склонение по числам демонстрирует наивысшую степень ассимиляции заимствований. Полученные результаты вносят вклад в изучение особенностей заимствований в казахском языке и могут быть полезны в сфере преподавания казахского языка.

Ключевые слова: адаптация заимствований, заимствованные существительные, казахский язык, социальные сети, грамматические категории существительных в казахском языке

INTRODUCTION

Constantly interacting over centuries, countries and nations have had a substantial impact on one another. This mutual influence is not confined only to economics or politics, but it also involves culture, including language. This often results in the occurrence of foreign words in different languages, which can be observed in Kazakh as well. Those borrowings usually do not preserve their original forms and get adapted to the norms of the recipient language. If the adaptation rules are inconsistent, it may pose some challenges in understanding the structure of the language for both native speakers and language learners. Addressing this issue is essential for an effective language learning process. Thus, this study aims to determine the adaptation patterns of foreign nouns borrowed into the Kazakh language. The main objectives are to explore how borrowed nouns assimilate to the native Kazakh declension rules according to three grammatical categories, such as number, case, and possession, and to identify the degrees of assimilation of the borrowings in each of the categories.

The novelty of this work lies in the use of social media as the source of the research sample, which consists of sentences containing borrowed nouns. In addition, while previous research addresses the adaptation of borrowings to such linguistic subsystems as phonetics, grammar, and semantics at once, this study concentrates only on the grammatical aspect of assimilation, allowing a more thorough examination of the matter.

A mixed-methods approach was used to achieve the set objectives. First, sentences containing borrowed nouns were collected from social media (Telegram and WhatsApp messages, YouTube and Instagram comments). Then, the borrowings were grouped according to three grammatical categories of nouns in Kazakh: number, case, and possession. After that, each noun was examined to determine whether

it conformed to the Kazakh rules of noun declension. Deviations from the rules were analysed and explained separately. The analysis results were presented in numbers, tables, and diagrams.

LITERATURE REVIEW

As it has already been mentioned, borrowings play a significant role in enriching vocabulary, especially in the modern context, where cultures and languages actively interact with and affect one another. The Kazakh language has also taken plenty of words from foreign languages, and they eventually adjusted to its agglutinative nature. This study aims to indicate the way nouns borrowed from other languages adapt to the grammatical system of the Kazakh language. However, before proceeding with the practical analysis of borrowings in Kazakh, it is important to define some key terminology. First of all, according to Yule (2010), borrowing is “taking over of words from other languages” (p. 54). The process can occur as either adopting a word in the exact same form as in the original source (e.g., English “supermarket” and Korean “슈퍼마켓” [shupomaket]) or translating the word literally, which is called loan-translation or calque (e.g., English “skyscraper” and French “gratte-ciel”) (Yule, 2010). Furthermore, borrowed words usually undergo the process of assimilation, i.e. adjust to the rules of the language into which they are embedded. As Borgul (2017) states, in general, borrowings may assimilate to the system of the target language (TL) fully, partially or not assimilate at all. While fully assimilated borrowings are used naturally by native speakers, partially assimilated words retain some foreign characteristics, and not assimilated words feel completely unusual to the TL system.

As far as the assimilation of borrowings in Kazakh is concerned, some of the previous studies reveal the most popular assimilation types. For example, Shaymergenova (2001) highlights adopting words directly as they appear in the source language, modifying

words in agreement with the grammatical system of the Kazakh language by adding inflections, and translating borrowings word-for-word (loan-translation) as the main ways of adaptation. Additionally, Malikov and Alshayeva's (2023) study concludes that borrowings demonstrate the adoption of the phonetic and grammatical peculiarities of the Kazakh language and change within sentences in line with them. However, it is important to notice that the majority of the existing articles on the subject focus on formal discourse only and study the assimilation of borrowings in general, not concentrating on a specific linguistic aspect. Hence, this paper addressed the grammatical changes in borrowed nouns in particular and paid attention to their usage in an informal setting. This was done based on Oralbay's (2007) classification of nouns' grammatical categories, according to which nouns in Kazakh decline by number, case, and possession.

Overall, borrowings show different degrees of adaptation: full, partial, and zero. Prior studies on the borrowing process in the Kazakh language do not emphasise those degrees and primarily examine the grammatical aspect of adaptation. Their findings were taken as the theoretical underpinning in the analysis part, the results of which were the ground for refutation or confirmation of the previous works' conclusions.

METHODOLOGY

In accordance with its main objective, i.e., defining the ways borrowed nouns assimilate in the Kazakh language, this paper examined the grammatical features of the nouns within sentences using the mixed-methods approach. Examples of borrowings were sought in users' comments and messages retrieved from Instagram, a social network for photo and video sharing, WhatsApp and Telegram, messengers, and YouTube, an online video-sharing platform.

Overall, 80 sentences containing 101

borrowed nouns were used for the analysis based on the grammatical categories of nouns, paying special attention to the degrees of assimilation: zero, partial, and full. Thus, the findings were presented in four subsections.

First, the borrowed nouns' number declension peculiarities were examined. Rules for adding particular endings and deviations from those rules were the central concerns here. Then, in the next subsection, the nouns' case declension was explored. There are seven cases in the Kazakh language: nominative (атау септік), genitive (ілік септік), dative (барыс септік), accusative (табыс септік), locative (жатыс септік), ablative (шығыс септік), and instrumental (көмектес септік). Regularities and irregularities in borrowings' declension patterns were sought among those. Lastly, the endings of the nouns' possession forms were studied, and any deviations from the regular patterns were examined as well. In addition, the borrowings' compliance with the syllable harmony law ("буын үндестірі заңы"), according to which endings are added to words in agreement with the sounds in the stem (Otarbekova et al., 2024), was reviewed in each subsection concurrently.

Ultimately, the analysis results were presented in tables, pie charts, and bar charts. The numbers of non-assimilated, partially, and fully assimilated nouns, as well as the percentage of full assimilation in each grammatical category of the nouns, were calculated. The following section presents the findings that emerged from the analysis.

FINDINGS

The practical analysis of the adaptation patterns of borrowed nouns in the Kazakh language was conducted on the basis of 101 examples of borrowings, which were found in 80 sentences derived from social media and messengers, as noted earlier (see Appendices A-E). The borrowed nouns'

adaptation peculiarities were examined in compliance with three grammatical categories of nouns in Kazakh: number, case, and possession.

DECLENSION BY NUMBER

Nouns in the Kazakh language are declined by number and can be either singular or plural. The singular form of a word corresponds to its basic form and does not change by such grammatical categories as gender, for example, while the plural form is made by adding flecational suffixes like “-лар”, “-лер”, “-дар”, “-дер”, “-тар”, “-тер”. Those suffixes usually obey the syllable harmony law (“буын үндестігі заңы”), which was mentioned previously. Thus, when adding a plural ending, the vowels in the word and the last consonant of the stem are considered: if the stem ends with a vowel or “р”, “у”, “й”, “-лар” or “-лер” is added; if the stem ends with “з”, “ж”, “л”, “м”, “н”, “ң”, “-дар” or “-дер” is added; if the stem ends with “б”, “в”, “г”, or a voiceless consonant (қатаң дауыссыз), “-тар” or “-тер” is added (Otarbekova et al., 2024). Also, the vowels in the flecational suffix have to correspond to the vowels in the stem (or only to the last one if the stem’s vowels are mixed), being either soft (жіңішке) or hard (жуан) (Otarbekova et al., 2024).

All 21 borrowings taken for the analysis demonstrated full adaptation to the pluralisation rules of the Kazakh language (see Appendix F). For example, in “свитшоттарымыз”, as the stem ends with “т”, “-тар” is added to make the plural form. Moreover, the last vowel is hard (жуан), so the ending also has a hard (жуан) vowel. However, there is one interesting matter to consider: as Kazakh does not have some of the sounds which are present in the borrowed nouns (e.g., “ё”), there are particular specificities in adding suffixes to words with those sounds. For example, in the taken sample, there are words like “актёрлар” and “фильмдерде”. In the first case, to decide which ending to add, “ё” seems to be broken down into “й” and “о”, and as “о” is hard (жуан), the ending

also has a hard (жуан) vowel. Regarding the second case, the vowel and consonant standing before the soft sign “ь” are taken into consideration (Otarbekova et al., 2024): “-дер” is added because there are “л” and a soft (жіңішке) “и” in the stem.

On the whole, as all 21 analysed units showed complete adoption of Kazakh pluralisation rules, it can be concluded that borrowed nouns fully assimilate to the system of declension by number in Kazakh, and even those nouns that are irregular to the language nature tend to adapt to the rules.

DECLENSION BY CASE

Another category that influences the noun declension process in the Kazakh language is the case system. There are seven cases in Kazakh, namely nominative (атау септік), genitive (ілік септік), dative (барыс септік), accusative (табыс септік), locative (жатыс септік), ablative (шығыс септік), and instrumental (көмектес септік).

Nouns used in the nominative case maintain their basic singular or plural form; nouns used in the other cases, on the contrary, in addition to obeying the syllable harmony law (“буын үндестігі заңы”), have specific rules on adding flecational suffixes to the stem. During the analysis, 88 examples of borrowed nouns were categorised based on their compliance with the native declension rules taken from Dauletkereeva and Mukhangalieva’s (2023) textbook (see Tables 1-5). 23 of them were included in the nominative case, 8 in the genitive, 14 in the dative, 18 in the accusative, 14 in the locative, 9 in the ablative, and 2 in the instrumental (see Appendix G).

Regarding the instrumental case, its suffixes do not obey the syllable harmony law (“буын үндестігі заңы”), so stems are always followed by soft-vowel endings (Otarbekova et al., 2024).

As it can be seen from the tables, the majority of the borrowed nouns show the features of full assimilation, but there is one

interesting case to consider (see Figure 1). In the sentences found in social media, Kazakh native speakers use both “рәпты” and “рәпті” as the accusative form of “рәп”, even though “ә” is soft (жіңішке) and has to be followed by an ending with a soft (жіңішке) vowel. This could be caused by the informality of the context and the unnecessary of following grammar rules; however, both versions appear even in properly written sentences: “Екеуі рәпті керемет айтады” and “рәпты зың айтасыңдар маладең”.

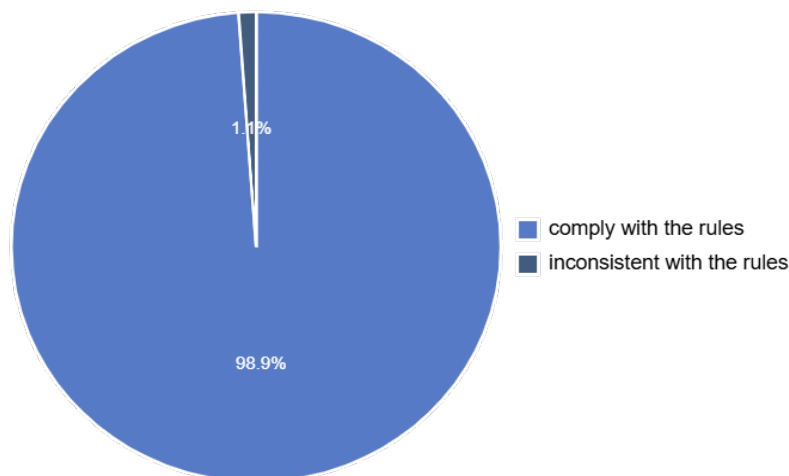

Figure 1. The Borrowed Nouns' Compliance to the Kazakh Case Declension Rules

In sum, only one noun demonstrated deviation from the Kazakh case declension norms, meaning that 98.9% of borrowed nouns show full compliance with the rules. Therefore, in general, noun borrowings in the Kazakh language adopt the native rules of the declension by case, but there also might be some irregularities.

POSSESSIVE DECLENSION

One more system by which nouns are declined in Kazakh is the possessive case, and to indicate it, different flectional suffixes like “-ым” and “-ыңыз” are used (Dauletkereeva & Mukhangalieva, 2023). Those suffixes start with a vowel most of the time; thus, the only rule that impacts the possessive case declension is the syllable harmony law (“буын үндестігі заңы”), meaning that a suffix with a certain vowel is added based on the vowels in the stem (Otarbekova et al., 2024).

To check if borrowed nouns follow the Kazakh possessive declension rules, 28 words were analysed (see Appendix H). Table 6, which contains all of those borrowed nouns categorised based on their compliance with the native declension rules taken from Dauletkereeva and Mukhangalieva’s (2023) textbook, clearly shows that the borrowings typically demonstrate full assimilation. Nevertheless, there are some grammatical irregularities as well.

First, the word “диалект” was used differently in two sentences: “Шығысымның диалектің сағынып қалыпсын” and “Негізі әр өңірдің диалектысы керемет”. Concerning the first sentence, the possessive form was made with the 3rd person singular suffix “-і”, even though, as Yermekova (2019) states, when declining a borrowing ending with “-кт”, usually a buffer sound “-і” is added between the stem and the suffix “-сі” to make the pronunciation

easier. In spite of that, in this case, the social media user used the 3rd person singular suffix “-i” directly to indicate possession. In the second sentence, on the other hand, though using the buffer sound, the user disobeyed the syllable harmony law (“буын үндестігі заңы”), adding a hard “-ы” vowel. Here, again, the context informality could have affected the matter; however, despite that, other components of the sentences are constructed relatively properly.

Second, when declining nouns in the Kazakh language, not only the syllable harmony law (“буын үндестігі заңы”) is important, but also the sound harmony law or sound assimilation (“дыбыс үндестігі”) is taken into account. For instance, a voiceless consonant (қатаң дауыссыз) “-п” turns into a voiced consonant (ұяң дауыссыз) “-б” like in “доп - добы” (Otarbekova et al., 2024). Nevertheless, borrowings ending with “-п” do not follow this rule (Yermekova, 2019). This is can observed in the word “рәп” modifying according to the possessive and case declensions and becoming “рәпінің”.

All in all, 89.3% of the analysed nouns showed compliance with the Kazakh possessive declension norms, so, generally, borrowed nouns fully adapt to the native possessive case formation rules, but there are some exceptions (see Figure 2).

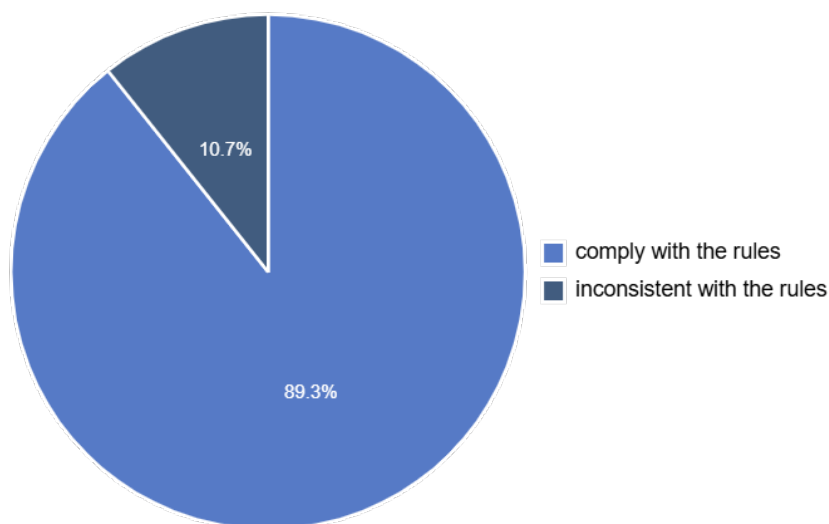

Figure 2. The Borrowed Nouns' Compliance to the Kazakh Possessive Declension Rules

To conclude, noun borrowings used in the social media context show full assimilation to the native declension rules most of the time with some exceptions. As it was found out, the grammatical category showing the highest degree of assimilation was declension by number, in which all 21 units demonstrated full assimilation, whereas in declension by case and possessive declension samples, there were one and two deviations from the rules respectively (see Figure 3).

Figure 3. The Percentage of Full Assimilation in Each Grammatical Category

DISCUSSION

The conducted analysis showed that nouns borrowed into Kazakh from other languages demonstrate full grammatical assimilation in terms of number, case, and possessive declensions. These findings support Malikov and Alshayeva's (2023) study which also revealed that borrowings show complete adoption of the Kazakh grammatical system features. However, unlike this and other prior works on the subject, the present research focused on the adaptation patterns of borrowed nouns in particular. This enabled a deeper analysis of this area, the results of which highlight the synthetic nature of the Kazakh language and the consistency of its grammar rules.

Despite the contributions made by this research, there are also several limitations to consider. One of them is the size of the analysed sample: 101 linguistic units are not sufficient to generalise the findings properly. Further research on the adaptation of borrowed words into Kazakh could focus

on reviewing a greater number of words. Another limitation would be the informality of the context in which the analysed borrowings were used. This could affect the occurrence of some deviations from native grammar rules among the words. Besides, this paper examined only borrowed nouns, and future studies could conduct in-depth analyses of borrowings of other parts of speech.

In general, this work's input to the field is significant as it indicates that most foreign nouns borrowed into Kazakh assimilate to its grammar fully, and its limitations provide aspects to focus on in further research.

CONCLUSION

This study examined the modern assimilation patterns of foreign nouns borrowed into the Kazakh language. The subject was researched in two analysis parts: theoretical and practical.

In the theoretical part, the existing literature

on the topic was reviewed. It was identified that borrowings demonstrate different degrees of assimilation to the system of the recipient language. Moreover, research on the Kazakh language reveals that borrowed words usually adapt to its phonetic and grammatical systems. However, it was found that prior works did not focus on the degrees of borrowings assimilation and specific linguistic aspects or parts of speech. Therefore, the present study took Borgul's (2017) classification of assimilation degrees and Oralbay's (2007) classification of nouns' grammatical categories to delve into the ways and degrees to which borrowed nouns adopt the peculiarities of the Kazakh language.

The practical analysis was done on the basis of borrowed nouns extracted from sentences that were retrieved from social media. The data demonstrated that most of the nouns borrowed from other languages fully adapt to the declension norms of the Kazakh language. Even words containing sounds not typical for Kazakh were revealed to adopt the native rules. Few nouns, however, showed deviation from the rules. Additionally, the declension by number was discovered to be the grammatical category with the highest degree of assimilation of borrowings.

The study contributes to the research on borrowings in Kazakh. Its findings may be considered in the Kazakh language education area, highlighting the grammatical specificities of borrowed nouns. Nonetheless, regardless of the contributions, there are some limitations for future research to consider. Those include the small sample size and the informality of the context in which the sample was used.

In conclusion, borrowed nouns blend into the grammatical system of the Kazakh language. Generally, the native noun declension features remain among the borrowings even in the informal discourse, with only a few exceptions.

REFERENCES

- Borgul, N. M. (2017). *Osnovy teorii izuchaemogo yazyka: Uchebnoe posobie na angliyskom yazyke*. Kokshetau.
- Dauletkereeva, N., & Mukhangalieva, G. (2023). *Qazaq tili: 4 synyp (Vol. 1)*. Almatykitap.
- Malikov, K., & Alshayeva, A. (2023). Linguistic features of borrowed words in the modern Kazakh language. *Comparative Turkish Dialects and Literatures*, 1(3), 33–51.
- Oralbay, N. (2007). *Qazırgı qazaq tiliniñ morfologiasy*. Inju-Marjan poligrafia firmasy.
- Otarbekova, J. K., Tottybaeva, G. B., & Tokbaeva, A. E. (2024). *Qazaq tili: 7 synyp*. Arman-PV.
- Shaymergenova, K. A. (2001). *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v sisteme formiruyushcheysya kazakhskoy ekonomicheskoy terminologii (Publication No. 8324)* [Doctoral dissertation, Tyumen State University]. *Dissercat Electronic Library of Dissertations*. <https://www.dissercat.com/content/russkie-leksicheskie-zaimstvovaniya-v-sisteme-formiruyushcheysya-kazakhskoi-ekonomicheskoi-t>
- Yermekova, T. N. (2019). *Qazaq tili: 10 synyp*. Arman-PV.
- Yule, G., (2010). *The study of language*. Cambridge university press.

Rules (the last letter of the stem + the ending)	“б”, “в”, “г”, “д”, or a voiceless consonant (қатаң дауыссыз) + -тың/-тің	“м”, “н”, “ң”, or a vowel + -ның/-нің	“ж”, “з”, “и”, “й”, “л”, “у”, р”, “ю” + -дың/-дің
Borrowed nouns in the genitive case	клубтың	университетінің, агрессияның, рэпінің, киносының, фонограммасының	подкасттардың, клубымыздың

Table 1. Rules for Adding Genitive Case Endings to the Stem and Borrowed Nouns' Compliance with Them

Rules (the last letter of the stem + the ending)	a vowel, “ж”, “з”, or a sonorant consonant (үнді дауыссыз) + -ға/-ге	“б”, “в”, “г”, “д”, or a voiceless consonant (қатаң дауыссыз) + -қа/-ке	-сы/-сі (a possessive case suffix in the 3rd person) + -на/-не	a possessive case suffix in the 1st person (-ым/-ім/-м) or in the 1st person (-ың/-ің) + -а/-е
Borrowed nouns in the dative case	сауалнамаға, командаға, кандидаттарға, ресурстарға, студияға, некеге, репетитцияға, видеоға, емтиханға, дәрістеріңізге	кастингке, сабаққа	-	подкасттарыңа

Table 2. Rules for Adding Dative Case Endings to the Stem and Borrowed Nouns' Compliance with Them

Rules (the last letter of the stem + the ending)	a vowel + -ны/-ні	“ж”, “з”, or a sonorant consonant (үнді дауыссыз) + -ды/-ді	“б”, “в”, “г”, “д”, or a voiceless consonant (қатаң дауыссыз) + -ты/-ті	a possessive case suffix in the 3rd person (-сы/-сі/-ы/-і) + -н
Borrowed nouns in the accusative case	эйфорияны	резюмелеріңізді, операторларды, аккаунтыңызды, актёрларды, дизайнды	минутты, подкастты, кітапты, интернетті, диктантты, рәпті, рәпты	аспектілерін, сұхбаттарын, альбомын, авторларын, диалектің, дүниесін

Table 3. Rules for Adding Accusative Case Endings to the Stem and Borrowed Nouns' Compliance with Them

Rules (the last letter of the stem + the ending)	“б”, “в”, “г”, “д”, or a voiceless consonant (қатаң дауыссыз) + -та/-те	a vowel, “ж”, “з”, or a sonorant consonant (үнді дауыссыз) + -да/-де
Borrowed nouns in the locative case	ломбардта, мектепте, сыныпта	компанияда, семестрде, стильдегі, комментарийде, сериалдарда, фильмдерде, сериалда, тарихындағы, кинодағы, оркестрде, колледжде

Table 4 . Rules for Adding Locative Case Endings to the Stem and Borrowed Nouns' Compliance with Them

Rules (the last letter of the stem + the ending)	“м”, “н”, “ң”, or a possessive case suffix in the 3rd person (e.g., -сы/-сі) + -нан/-нен	a vowel, “ж”, “з”, or a sonorant consonant (үнді дауыссыз) + -дан/-ден	“б”, “в”, “г”, “д”, or a voiceless consonant (қатаң дауыссыз) + -тан/-тен
Borrowed nouns in the ablative case	экраннан	презентациядан, субтитрлардан, некеден, телевизордан, картадан, қағаздан	пакеттен

Table 5. Rules for Adding Ablative Case Endings to the Stem and Borrowed Nouns' Compliance with Them

Person	Singular		Plural	
	Suffixes	Borrowings	Suffixes	Borrowings
1st person	-ым, -ім, -м	комментім, құрбым	-мыз, -міз, -ымыз, -іміз	свитшоттарымыз, клубымыздың
2nd person	-ың, -ің, -ң, -ңыз, -ңіз, -ыңыз, -іңіз	аккаунтыңызды	-ың, -ің, -ыңыз, -іңіз	резюмелеріңізді, подкасттарыңа, дәрістеріңізге
3rd person	-ы, -і, -сы, -сі	университетінің, театры, альбомын, рэпінің, киносының, эмоциясы, мента- литеті, интеллек- тісі, тарихындағы, фонограммасының, вайбы, харизмасы, диалектің, диакле- тысы, дүниесін, қа- харына, несібесі	-ы, -і	аспектілерін, сұх- баттарын, автор- ларын

Table 6. Rules for Adding Ablative Possession Suffixes to the Stem and Borrowed Nouns' Compliance with Them

APPENDIX A

INSTAGRAM COMMENTS

1. Кинодағы актёрларды реклама кезіде туалетке барып келеді деп ойлайтынмын;
2. Телевизордан кино/сериал көргенде, бізді де осылай басқа адамдар телевизордан көріп отырады деп ойлайтынмын;
3. Сабаққа мобилографпен кіресізба;
4. ... фонограммасының пазорын шығарады ғой;
5. Ломбардта жұмыс жасайтындарға уксап қапсын;
6. ... айтып берші бір өлең деп репетитцияға шақырып ещә;
7. Шашы қағазбен бұйраланған ба ещә;
8. Баска баска бырак осы кыздын вайбы отед;
9. Осы музыка бүкіл мектепте қойылдыма немене;
10. Картадан біраз нәрсе іздеп қалмайсызба;
11. Осы кыз маган жеско катты унайт харизмасы;
12. ... соған байланысты да диалекттер бар;
13. Шығысымның диалектің сағынып қалыпсын;
14. Негізі әр өңірдің диалектысы керемет;
15. Қалай сөйлесекте Диктантты бірдей жазатын шығармыз;
16. ақша табатын адам қалаған дүниесін жейді ғой;
17. ... қахарына ушырасандар ештене, ешкимде комектесе алмайды;
18. ... қабырғасыз жүре берем ау дим;
19. Ұйрек ұшырамасай өйтіп байғұстар ұш алмай жатыр әр жерде.

APPENDIX B

WHATSAPP MESSAGES

1. көйлектерін қағаздан, шариктан немесе пакеттен жасалуы керек;
2. Өлең айтатындары болса, өздерімен микрофон алып келсін;
3. Егер уақыттарың болмаса неге оркестрде жүрсіздер;
4. видеоға түсіріп, іздеңсеңдер болады ғой;
5. Студент болғанда қатысып, энтузиазм танытпайсыңдарма;
6. бір аптада свитшоттарымыз келеді;
7. дизайнды ақшаны жинаған соң доработаят;
8. оркестрдан екендеріңді көрсетіп ...;
9. Ризық, несібесі мол жыл болсын;
10. Қазырдеп коледжде тойласа былмедым;
11. ... не дегенімен бір сыныпта оқыдық қой;
12. Бірақ менде жұмыс іздеп жүрген құрбым бар;
13. Бүгін сабаққа келмейді;
14. Дүйсенбі күні емтиханға келгенде алып кетсе;
15. Сөйлеу клубымыздың бірінші отырысы бүгін өтеді;
16. Бұл клубтың белсенді мүшесі болуы арқылы ...;
17. Әрине, дәрістеріңізге кедергі болмаса.

APPENDIX C

TELEGRAM MESSAGES

1. мыналардан хайр жоқ;
2. Сауалнамаға жауап беру бірнеше минутты ғана алады, бірақ бұл біз үшін үлкен көмек болмақ;
3. Сіздің жауаптарыңыз психикалық денсаулықтың маңызды аспектілерін жақсырақ түсінуге және осы тақырып туралы хабардарлықты арттыруға көмектеседі;
4. Бұл сауалнама Назарбаев Университетінің NUFYP бағдарламасының New Horizons командасының SLC жобасы аясында зерттеу жүргізу үшін жасалған;
5. Стипендия түсті;
6. Өнер ордасының бір бөлігі болғыңыз келсе био-дағы гугл форманы толтырып 10.02 (дүйсенбі) күні сағат 12:00-16:00 аралығында кастингке келсеңіз болғаны;
7. Үкілі Үміт театры кастинг жарияламақ;
8. Біз белсенді және мақсатты адамдарды командаға қосылуға шақырамыз;
9. Егер сізде келесі қасиеттер мен дағдылар болса, біз сізді командада қуана қарсы аламыз;
10. Жаңа мамандықты меңгеру және компанияда өсу мүмкіндігі;
11. Біздің компанияда жұмыс істеу әртүрлі бизнес салаларында қолдануға болатын ерекше білім береді;
12. Кандидаттарға қойылатын талаптар;
13. Дұрыс және нақты сөйлеу, жақсы дикция;
14. Егер сіз біздің командаға қосылғыңыз келсе, резюмелеріңізді ... мекенжайына жіберіңіз;
15. Жеке дамуыңыз бен мансабыңызға әсер ететін маңызды ақпарат пен ресурстарға қол жеткізесіз;
16. «КТ Cloud Lab» ЖШС-не байланыс орталығының операторлары қажет;
17. брат калькулятор бар ма;
18. эдвайзерлер жасай ма бүгін;
19. 1 семестрде тапсырдым, легко было. Презентациядан келеды;
20. Қағаз бен қалам мүлдем қажет болған жоқ;
21. Жатақханаға қандай құжаттар жинау қажет;
22. менде студияға барғым кеп жүр.

APPENDIX D

YOUTUBE COMMENTS

1. Тай өскенде осы подкастты көріп, ата-анасымен мақтанатын болады;
2. Осымен интернетті өшіріп тастаймын-ау;
3. Қазақы стильдегі пассивті агрессияның нағыз мастер-классы;
4. Гүлнұр Мамасарипованың барлық сұхбаттарын көрдім;
5. Керемет подкасттардың бірі;
6. Өмірімде ютубта бірінше болып жазған бірінші комментім;
7. ... альбомын жарнамалап неге Дөп сөзге келмейді деп;
8. Қазақ рәпінің патшасы;
9. ... осы қазақ киносының ең жаңашылдық бастамасы осы Гүлнұр ханым екені анық, әрдайым ширманың әр жағында, субтитрлардан көп уақыт экраннан тыс жүрді, бірақ Аллах қалап қазіргі таңда ең мен деген сценаристтерінің бірі;
10. Біз сізбен байланыса алуымыз үшін комментарийде Instagram аккаунтыңызды жазуды ұмытпаңыз;
11. Сонымен қатар бір ерекшелігі , басқа сериалдарда, фильмдерде некеге дейінгі эйфорияны көрсетсе бұл сериалда некеден кейінгі бақытты көрсетеді;
12. сүю мен сүйсіну қосылған бір шәрбат екенін көрсетеді;
13. Менің анам кітапты сүйіп оқиды алайда тек қазақтың авторларын ғана оқитын;
14. Роза ханымның эмоциясы болып тұр бәрімізде;
15. Менталитеті мүлдем басқаша біздің бизнесмендер жолдарын сипаттағанда бір сондай қиын болған деп әсіре сипаттап кетеді;
16. Подкасттарыңа табыс тілеймін;
17. қазақ тарихындағы қыздар орны туралы жаңа тарих жазып жатыр;
18. Зак рәпты жыңды айтат ше;
19. Екеуі рәпті керемет айтады;
20. Олар рәпты супер айтад;
21. рәпты зың айтасыңдар маладец;
22. Қазақ жігіттерінің барлығының осындай эмоционалдық интеллектісі дамыған, еркін болғанын қалаймын.

APPENDIX E**LINGUISTIC UNITS
THAT WERE TAKEN
FOR THE ANALYSIS**

1. Хайр;
2. Сауалнамаға;
3. Минутты;
4. Аспектiлерiн;
5. Сауалнама;
6. Университетiнiң;
7. Стипендия;
8. Кастингке;
9. Театры;
10. Кастинг;
11. Командаға;
12. Компанияда;
13. Бизнес;
14. Кандидаттарға;
15. Дикция;
16. Резюмелерiңiздi;
17. Ақпарат;
18. Ресурстарға;
19. Операторларды;
20. Калькулятор;
21. Эдвайзерлер;
22. Семестрде;
23. Презентациядан;
24. Қағаз;
25. Қалам;
26. Құжаттар;
27. Студияға;
28. Подкастты;
29. Интернеттi;
30. Стильдегi;
31. Агрессияның;
32. Сұхбаттарын;
33. Подкасттардың;
34. Комментiм;
35. Альбомын;
36. Рэпiнiң;
37. Киносының;
38. Субтитрлардан;
39. Экраннан;
40. Комментарийде;
41. Аккаунтыңызды;
42. Сериалдарда;
43. Фильмдерде;
44. Некеге;
45. Эйфорияны;
46. Сериалда;
47. Некеден;
48. Шәрбат;
49. Кiтапты;
50. Авторларын;
51. Эмоциясы;
52. Менталитетi;
53. Бизнесмендер;
54. Подкасттарыңа;
55. Тарихындағы;
56. Рэпты;
57. Рэптi;
58. Интеллектiсi;
59. Кинодағы;
60. Актёрларды;
61. Телевизордан;
62. Кино;
63. Сериал;
64. Мобилографпен;
65. Фонограммасының;
66. Ломбардта;
67. Репетитцияға;
68. Қағазбен;
69. Вайбы;
70. Музыка;
71. Мектепте;
72. Картадан;
73. Харизмасы;
74. Диалекттер;
75. Диалектiң;
76. Диалектысы;
77. Диктантты;
78. Дүниесiн;
79. Қахарына;
80. Қабырғасыз;
81. Байғұстар;

82. Қағаздан;
83. Пакеттен;
84. Микрофон;
85. Оркестрде;
86. Видеоға;
87. Студент;
88. Энтузиазм;
89. Свитшоттарымыз;
90. Дизайнды;
91. Оркестрдан;
92. Ризық;
93. Несібесі;
94. Колежде;
95. Сыныпта;
96. Құрбым;
97. Сабаққа;
98. Емтиханға;
99. Клубымыздың;
100. Клубтың;
101. Дәрістеріңізге.

APPENDIX F

BORROWED NOUNS WITH PLURAL ENDINGS

1. Актёрлар;
2. Диалекттер;
3. Байғұстар;
4. Свитшоттарымыз;
5. Дәрістеріңізге;
6. Аспектiлерiн;
7. Қасиеттер;
8. Кандидаттарға;
9. Резюмелеріңізді;
10. Ресурстарға;
11. Операторлары;
12. Эдвайзерлер;
13. Құжаттар;
14. Сұхбаттарын;
15. Подкасттардың;
16. Субтитрлардан;
17. Сериалдарда;
18. Фильмдерде;
19. Авторларын;
20. Бизнесмендер;
21. Подкасттарыңа.

APPENDIX G

BORROWED NOUNS DECLINED BY CASE

Nominative case (Атау септік): хайр, сауалнама, стипендия, кастинг, бизнес, дикция, ақпарат, калькулятор, эдвайзерлер, қағаз, қалам, құжаттар, шәрбат, бизнесмендер, кино, сериал, музыка, диалекттер, байғұстар, микрофон, студент, энтузиазм, ризық.

Genitive case (Ілік септік): университетінің, агрессияның, подкасттардың, рәпінің, киносының, клубымыздың, клубтың, фонограммасының.

Dative case (Барыс септік): сауалнамаға, кастингке, командаға, кандидаттарға, ресурстарға, студияға, некеге, подкасттарыңа, репетитцияға, қахарына, видеоға, сабаққа, емтиханға, дәрістеріңізге.

Accusative case (Табыс септік): минутты, аспектілерін, резюмелеріңізді, операторларды, подкастты, интернетті, сұхбаттарын, альбомын, аккаунтыңызды, эйфорияны, кітапты, авторларын, рәпты, рәпті, актёрларды, диалектің, диктантты, дүниесін, дизайнды.

Locative case (Жатыс септік): компанияда, семестрде, стильдегі, комментарийде, сериалдарда, фильмдерде, сериалда, тарихындағы, кинодағы, ломбардта, мектепте, оркестрде, колледжде, сыныпта.

Ablative case (Шығыс септік): презентациядан, субтитрлардан, экраннан, некеден, телевизордан, картадан, қағаздан, пакеттен, оркестрдан.

Instrumental case (Көмектес септік): мобилографпен, қағазбен.

APPENDIX H**BORROWED NOUNS IN
POSSESSIVE CASE**

1. Аспектiлерiн;
2. Университетiнiң;
3. Театры;
4. Резюмелерiңiздi;
5. Сұхбаттарын;
6. Коментiм;
7. Альбомын;
8. Рэпiнiң;
9. Киносының;
10. Аккаунтыңызды;
11. Авторларын;
12. Эмоциясы;
13. Менталитетi;
14. Подкасттарыңа;
15. Интеллектiсi;
16. Тарихындағы;
17. Фонограммасының;
18. Вайбы;
19. Харизмасы;
20. Диалектiң;
21. Диалектысы;
22. Дүниесiн;
23. Қахарына;
24. Свитшоттарымыз;
25. Несiбесi;
26. Құрбым;

27. Клубымыздың;

28. Дәрістеріңізге.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

ЖАЛПЫ ТАЛАПТАР:

Мақала түпнұсқа болуы тиіс, бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарға қарауға ұсынылмаған. Мақаланың тақырыбы журналдың тақырыбына сәйкес болуы және ғылыми қоғамдастық үшін өзекті болуы керек. Плагиатқа жол берілмейді. Мақала түпнұсқалылыққа тексеруден өтуі керек.

1. Мақала құрылымы:

Мақала атауы: қысқа болуы және жұмыстың мазмұнын көрсетуі қажет. Аңдатпа: көлемі 200–250 сөз, зерттеудің негізгі мақсаттарын, әдістерін және нәтижелерін қысқаша баяндауы керек (үш тілде: ағылшын, қазақ және орыс). Кілт сөздер: 5-7 сөз немесе сөз тіркесі, мақаланың негізгі тақырыптарын көрсетеді. Кіріспе: зерттеу мәселесін сипаттау, әдебиетке шолу, зерттеудің мақсаттары және/немесе сұрақтары. Зерттеу әдістері: әдістемені нақты және егжей-тегжейлі сипаттау, зерттеуді қайта өндіруге мүмкіндік береді. Нәтижелер және талқылау: нәтижелерді егжей-тегжейлі баяндау, оларды талқылау және бұрын алынған деректермен салыстыру. Қорытынды: зерттеудің негізгі қорытындылары және олардың ғылыми қоғамдастық үшін маңыздылығы. Әдебиеттер тізімі: мәтінде дәйексөз келтірілген өзекті дереккөздерді қамтуы және журнал талаптарына сәйкес рәсімделуі тиіс (қазақ және орыс тіліндегі мақалалар үшін ГОСТ 7.1–2003 «Библиографиялық жазба. Библиографиялық сипаттама. Жалпы талаптар мен ережелер», ағылшын тіліндегі мақалалар үшін APA 7th). ӨОЖ нөмірі (Өмбебап ондық жіктеу)

2. Техникалық талаптар:

Мақала .docx форматында ұсынылуы керек. Мақаланың көлемі: 5000-8000 сөз (әдебиеттер тізімін қоса алғанда). Қаріп: Times New Roman, 12 кегль, жоларалық интервал 1.5. Жиектер: әр жағынан 2,5 см.

3. Кестелер мен суреттерді рәсімдеу:

Кестелер мен суреттер мәтінге енгізілуі, тақырыптар мен нөмірлері болуы керек. Барлық суреттер жоғары сапалы болуы тиіс (кемінде 300 dpi). Кестелер мен суреттер рет-ретімен нөмірленуі және мақала мәтнінде оларға сілтеме болуы тиіс.

4. Этикалық талаптар:

Егер зерттеуге адамдар қатысса, автор зерттеудің этикалық нормаларға сәйкес жүргізілгенін және этикалық комитеттің тиісті мақұлдауын алғанын растауы тиіс. Барлық авторлар жариялауға жазбаша келісім беріп, зерттеуге қосқан үлесін көрсетуі керек. Қызығушылықтар қақтығысы болған жағдайда, олар ашылуы тиіс.

5. Рецензиялау процесі:

Барлық мақалалар қосарлы жасырын рецензиялаудан өтеді. Автор рецензенттер сұрауы бойынша қосымша материалдар ұсынуға немесе түсініктемелер беруге дайын болуы керек.

6. Ұсыну тәртібі:

Мақалалар журналдың ресми электрондық поштасы арқылы ұсынылады. Қосымша хатта авторлар жұмыстың басқа журналдарға ұсынылмағанын және рецензиялауға келісім бергенін көрсетуі керек.

Толығырақ ақпарат журнал сайтында

(Сілтеме: <https://mnu.kz/kk-kz/mnu-liberal-arts-digest/>)

Редакция мекенжайы және байланыс деректері: 010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ. Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8. тел.: 8(7172) 70 30 07 <https://mnu.kz/mnu-liberal-arts-digest/> e-mail: liberal.arts.digest@mnu.kz

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее и не поданной на рассмотрение в другие издания. Тема статьи должна соответствовать тематике журнала и быть актуальной для научного сообщества. Не допускается наличие плагиата. Статья должна пройти проверку на оригинальность.

1. Структура статьи:

Название статьи: должно быть кратким и отражать содержание работы. Аннотация: объём 200-250 слов, должна кратко излагать основные цели, методы и результаты исследования (на трех языках: английском, казахском и русском). Ключевые слова: 5-7 слов или фраз, которые отражают основные темы статьи. Введение: описание проблемы исследования, обзор литературы, цели и/или вопросы исследования. Методы исследования: чёткое и подробное описание методологии, позволяющее воспроизвести данное исследование. Результаты и обсуждение: подробное изложение результатов, их обсуждение и сравнение с ранее полученными данными. Заключение: основные выводы исследования и их значимость для научного сообщества. Список литературы: должен включать актуальные источники, цитируемые в тексте, и оформлен в соответствии с требованиями журнала (ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила» – для статей на казахском и русском языках, APA 7th – для статей на английском языке). Номер УДК (Универсальный десятичный классификатор)

2. Технические требования:

Статья должна быть представлена в формате .docx. Объём статьи: от 5 000 до 8 000 слов (включая список литературы). Шрифт: Times New Roman, 12 кегль, межстрочный интервал 1.5. Поля: 2,5 см с каждой стороны.

3. Оформление таблиц и рисунков:

Таблицы и рисунки должны быть встроены в текст, иметь подписи и нумерацию. Все рисунки должны быть высокого разрешения (не менее 300 dpi). Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы по порядку и иметь отсылку на них в тексте статьи.

4. Этические требования:

Если в исследовании принимали участие люди, автор должен подтвердить, что исследование было проведено в соответствии с этическими нормами и получено соответствующее одобрение этического комитета. Все авторы должны дать письменное согласие на публикацию и указать свой вклад в исследование. Конфликты интересов, если таковые имеются, должны быть раскрыты.

5. Процесс рецензирования:

Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Автор должен быть готов предоставить дополнительные материалы или разъяснения по запросу рецензентов.

6. Порядок подачи:

Статьи подаются через официальный электронный адрес журнала. В сопроводительном письме авторы должны указать, что работа не подана в другие журналы, и согласие на рецензирование.

Более подробная информация на сайте журнала

(См.: <https://mnu.kz/kk-kz/mnu-liberal-arts-digest/>).

Адрес и контактные данные редакции: 010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8, Maqsut Narikbayev University, тел.: 8 (7172) 70 30 07

<https://mnu.kz/mnu-liberal-arts-digest/> e-mail: liberal.arts.digest@mnu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

GENERAL REQUIREMENTS:

The manuscript must be original, not previously published, and not under consideration for publication elsewhere. The article should align with the journal's scope and contribute to the advancement of knowledge in the relevant field. Authors must ensure the manuscript is free from plagiarism. A 100% of originality is required, verified through plagiarism detection software.

1. Manuscript Structure:

Title: Concise and accurately reflective of the content. **Abstract:** A brief summary of 200-250 words outlining the research objectives, methodology, and key findings (in three languages: English, Kazakh and Russian). **Keywords:** 5-7 keywords or phrases that capture the main topics of the article. **Introduction:** Describes the research problem, provides a literature review, and outlines the purpose and/or research questions of the study. **Methodology:** Detailed explanation of the research methods, allowing replication of the study. **Results and Discussion:** Presentation of findings, followed by a discussion comparing these with existing research. **Conclusion:** Summary of the key results, implications for the field, and recommendations for further research. **References:** A complete and properly formatted reference list (APA – for publications in English, GOST (ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила») – for publications in Kazakh and Russian). The UDC number (Universal Decimal Classification)

2. Technical Specifications:

Manuscripts should be submitted in .docx format. Article length should range from 5,000 to 8,000 words, including references. Font: Times New Roman, size 12, with 1.5 line spacing. Margins should be set to 1 inch (2.5 cm) on all sides.

3. Figures and Tables:

Figures and tables must be integrated within the text and include clear, descriptive captions.

All images should be in high resolution (at least 300 dpi). Figures and tables must be numbered consecutively and referred to within the text.

4. Ethical Considerations:

For research involving human subjects, ethical approval must be obtained, and this must be stated in the manuscript. All authors should confirm their contribution to the research and give written consent for publication. Conflicts of interest, if any, should be disclosed.

5. Peer Review Process:

All submitted articles undergo a double-blind peer review process. Authors may be required to submit additional data or address reviewer comments during the review process.

6. Submission Guidelines:

Articles must be submitted through the journal's official email. A cover letter should accompany the manuscript, indicating that the article is not under review elsewhere and confirming the authors' consent for peer review.

More detailed information is available on the journal's website

(See: <https://mnu.kz/kk-kz/mnu-liberal-arts-digest/>).

Editorial office address and contact details: 010000, Republic of Kazakhstan, Astana.

Maqsut Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8. Tel.: 8 (7172) 70 30 07 <https://mnu.kz/mnu-liberal-arts-digest/>, e-mail: liberal.arts.digest@mnu.kz

**РЕДАКЦИЯНЫҢ
МЕКЕНЖАЙЫ:**

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы,
8, Maqsut Narikbayev
University, тел. 8 (7172) 70
30 07 web-site: <https://mnu.kz/mnu-liberal-arts-digest/>
Email: liberal.arts.digest@mnu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, Maqsut Narikbayev University репозиториінде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 3005-9100

Журналдың дизайны: Нуранова А.

Жарияланған: 31.06.2025

© Maqsut Narikbayev University, 2025

© «Liberal Arts Digest» журналы, 2025.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана, шоссе Коргалжын, 8, Maqsut Narikbayev University

тел. 8 (7172) 70 30 07

web-site: <https://mnu.kz/mnu-liberal-arts-digest/>

Email: liberal.arts.digest@mnu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в репозитории Maqsut Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 3005-9100

Дизайн журнала: Нуранова А.

Издан: 31.06.2025

© Maqsut Narikbayev University, 2025

© Журнал «Liberal Arts Digest», 2025.

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana, 8
Korgalzhyn highway

Maqsut Narikbayev University Phone numb. 8 (7172) 70 30 07 web-site: <https://mnu.kz/mnu-liberal-arts-digest/>

Email: liberal.arts.digest@mnu.kz The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website and in Maqsut Narikbayev University's repository.

ISSN 3005-9100

Design of the journal: Nuranova A.

Published: 31.06.2025

© Maqsut Narikbayev University, 2025

© «Liberal Arts Digest» journal, 2025.

